

**Юбилейный сборник,
посвященный 100-летию со дня рождения
Александра Петровича Соловова**

Отв. редакторы А.А. Кременецкий, А.А. Матвеев

Предисловие (А.А. Матвеев).

Великий Гражданин России (М.В. Борисов, А.А. Матвеев).

Современное состояние геохимических методов поисков месторождений полезных ископаемых в России и за рубежом (Э.К. Буренков, А.А. Головин, Т.В. Чепкасова, А.А. Матвеев).

А.П. Соловов. «Московское лихолетье». «Новый мир», 1995, № 9, 1997. С. 145-166..

Воспоминания об А.П. Соловове: Э.И. Бабаев, Э.Н. Баранов, В.П. Бородин, С.Д. Бояджиев, В.А. Бугров, Э.К. Буренков, В.В. Загоскин, А.П. Инговатов, Н.С. Касимов, В.А. Легейдо, А.А. Маракушев, А.Г. Марченко, А.П. Полквой, Д.С. Порывкин, Б.Н. Рыженко, Д.Н. Сафронов, И.И. Степанов, М.А. Тонкопий, Н.Н. Трофимов, В.П. Федорчук, Е.И. Филатов, В.З. Фурсов, Т.В. Чепкасова, А.А. Ярошевский.

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН РОССИИ

3 февраля 2008 года исполнилось бы 100 лет Александру Петровичу Соловову – доктору геолого-минералогических наук, профессору геологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, заслуженному геологу РСФСР, почетному разведчику недр СССР, одному из основоположников нового, высокоэффективного направления в геологии – геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых, обеспечившие коренное улучшение теории и практики геологопоисковых и геологоразведочных работ и приведшие к открытию большого числа промышленных месторождений цветных, редких и благородных металлов.

А.П. Соловов был выдающимся ученым и прекрасным учителем, но в настоящей статье нам хотелось на фоне его сложного жизненного пути основное внимание уделить человеческим качествам этого настоящего русского интеллигента, удивительно интересного и многогранного Человека и Гражданина. В статье В.А. Жарикова и А.А. Матвеева «Человек, Учитель, Ученый», опубликованной в Смирновском сборнике (М.; 1998), достаточно много места уделено детским и юношеским годам жизни А.П. Соловова, его теплым воспоминаниям о своих родителях. В данной статье это дается с заметным сокращением, поскольку ранние вехи своей жизни Александр Петрович очень ярко и интересно описал в своих мемуарах «Московское лихолетье», опубликованных в журнале «Новый мир» (№ 9, 1997 г.) и в полном объеме воспроизведенных в настоящем сборнике.

Александр Петрович Соловов родился в семье профессора Петра Дмитриевича Соловова. Солововы (по-старому Соловые), записанные в шестой («лучшей») части «Бархатной книги» (родословная книга знатных русских боярских и дворянских фамилий), когда-то были очень богаты. В XVI веке Анастасия Соловая была женой одного из сыновей Ивана Грозного, но позднее ее сослали в Покровский монастырь в Суздале - место заточения опальных цариц и боярынь. К концу XIX века род Солововых совершенно обеднел и только благодаря упорному труду и таланту Петр Дмитриевич смог закончить Московский университет и в дальнейшем стать одним из выдающихся хирургов-урологов. После окончания с серебряной медалью классической гимназии в Рязани П.Д.Соловов поступил на медицинский факультет

Московского университета, в 1898 году получил звание «лекаря с отличием» и был оставлен при университете в должности ординатора Госпитальной хирургической клиники. Работая там в течении четырех лет, Петр Дмитриевич зарекомендовал себя хорошим практическим врачом и какое-то время регулярно пользовал на дому Л.Н. Толстого. «После несложных медицинских процедур, - вспоминал П.Д. Соловов, - Лев Николаевич нередко приглашал меня завтракать. За длинным столом я сидел обычно на конце Льва Николаевича вместе с какими-то странниками и другими «демократическими» лицами. В противоположность этому на конце Софьи Андреевны, кроме детей, сидели ее гости, например, блестящие гвардейские офицеры. Постоянно бывал Джунковский - позднее московский генерал-губернатор».

Детство Шуры Соловова прошло в атмосфере настроений, характерных для большинства московской интеллигенции пред- и послереволюционного периода: безоговорочное принятие Февральской революции и критически-настороженное отношение к последующим событиям. В доме постоянно бывали пациенты и друзья Петра Дмитриевича: художники М.В. Нестеров и Б.М. Кустодиев, академик К.А. Тимирязев, профессора А.И. Абрикосов, М.А. Сквиц, Е.А. Кост, А.К. Дживелегов и др. И в дальнейшем за свою долгую жизнь А.П. Соловову приходилось встречаться, порой достаточно тесно, иногда мимолетно, с множеством хорошо известных и даже выдающихся людей. Среди них более трех десятков академиков (В.И. Вернадский, А.Ф. Иоффе, Н.Д. Зелинский, А.П. Карпинский, В.А. Обручев, А.Е. Ферсман, О.Ю. Шмидт, А.Д. Архангельский, И.М. Губкин, Н.Н. Лузин, В.А. Фок, С.С. Смирнов, В.К. Котульский, И.Ф. Григорьев, А.Н. Тихонов, А.Н. Колмогоров, А.П. Виноградов, Е.М. Сергеев, В.И. Смирнов, А.В. Сидоренко, Д.И. Щербаков и др.), писатели А.Н. Толстой, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, выдающиеся врачи, более десятка министров, поэты, актеры, музыканты и многие другие. Известный русский поэт, один из авторов Гимна Советского Союза, Герой Социалистического труда Сергей Владимирович Михалков работал на Рудном Алтае оператором геофизической партии, начальником которой был А.П. Соловов. В начале 30-х годов Александр Петрович и Николай Ильич Сафронов, тогда совсем молодые люди, в одном из ленинградских ресторанов познакомились с двумя юными студентками хореографического училища. Встречи, правда, закончились достаточно быстро по причине чрезмерной привередливости друзей-«дон-жуанов»: девушки, по их оценке, были

«излишне изящны и subtilны». Одной из этих студенток была выдающаяся балерина современности, народная артистка СССР, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и четырех Государственных премий Галина Сергеевна Уланова.

От природы очень одаренный Шура Соловов учился легко, свободно говорил на трех языках. Осенью 1918 года он поступил во второй класс 11-ой опытно-показательной школы МОНО (бывшая Алферовская женская гимназия) под управлением Александры Самсоновны Алферовой. Ее муж, Александр Данилович, филолог и автор известного учебника русской литературы (Алферов и Грузинский), преподавал в старших классах. Состав преподавателей Алферовской школы во всех отношениях отличался чрезвычайно высоким уровнем: здесь не было посредственностей. В течение ряда лет физику преподавал молодой профессор МГУ Б.К. Млодзеевский, в седьмом классе психологию вел известный философ-идеалист, переводчик Гегеля Густав Густавович Шпет, историю - Сергей Владимирович Бахрушин, в будущем профессор МГУ и член-корреспондент АН СССР. Русскую литературу несколько лет подряд преподавала также Елизавета Николаевна Коншина, профессиональный литературовед. Ее родителям, миллионерам Коншиным, принадлежал особняк на Пречистенке, где ныне находится Дом ученых, пристроено только здание конференц-зала. Обширные циклы лекций по истории музыки читал профессор Московской консерватории, будущий народный артист СССР А.Б. Гольденвейзер. И этот перечень можно продолжить.

За годы военного коммунизма население Москвы, быстро возросшее в начале Первой мировой войны за счет притока промышленных рабочих и беженцев из западных губерний, резко сократилось - с 2,5 млн. человек в 1916 году до менее 1 млн. к концу 1920 года. Это был результат голода, тифа, красного террора и гражданской войны».

Тяжелые условия не помешали, однако, А.П. Соловову успешно закончить гимназию и получить блестящее среднее образование. Единственная трудность до конца жизни была у Александра Петровича с расстановкой запятых. С присущим ему юмором этот пробел он объясняет следующим образом: «...когда в 1919 году мы проходили знаки препинания, я со своими товарищами ходил в соседнюю школу за супом, который в огромных бидонах

мы привозили в гимназию. Суп был жиденький, из воблы с пшеном, а к нему - кусок ржаного хлеба, но как все это было вкусно!»

За год до окончания школы, сдав вступительные экзамены, в 1923 году А.П. Соловов поступил на первый курс электропромышленного факультета Института народного хозяйства им. Карла Маркса (позднее им.Г.В. Плеханова). До революции это был Коммерческий институт имени цесаревича Алексея - с превосходными аудиториями, современным оборудованием лабораторий и передовой профессурой. В последующем из него выделился самостоятельный Московский энергетический институт (МЭИ), первоначально носивший имя В.М. Молотова, один из крупнейших вузов Москвы. В вуз принимали с шестнадцати, Александру Петровичу в 1923 году было только пятнадцать лет. Эту трудность он легко преодолел, заявив в милиции об утере метрического свидетельства и получив удостоверение с нужным годом рождения. Спустя несколько лет истинный возраст был восстановлен по церковной метрике. В 1924 году А.П. Соловов перевелся на физико-математический факультет МГУ, где проучился три года. Однако, стремление к духовной свободе, которая все больше ограничивалась университетскими рамками, аресты и высылка друзей-сверстников определяли рост оппозиционности к официальной пропаганде. Угнетающе действовало на молодое поколение и частое безденежье: потребности росли, а возможность случайных заработков исчезла. Все это привело к тому, что летом 1927 года А.П. Соловов вместе со своим большим другом Степкой Перфильевым покинули Москву и отправились в путешествие и на случайные заработки на юг России. За три года друзья исколесили весь Крым, пасли коров и лошадей, сторожили сады и виноградники, занимались мелким строительством и ремонтом бытовых электроприборов и другой самой неблагодарной черновой работой. Начало путешествия едва не стало роковым для Александра Петровича: его интеллигентная внешность и знание трех иностранных языков привели к его аресту осенью 1927 года с обвинением в шпионаже в пользу ... Польши (?!). К счастью, его пребывание в КПЗ оказалось кратковременным и через несколько дней он был отпущен на свободу «за недостатком улик».

Профессиональная деятельность А.П. Соловова началась летом 1930 года, когда он оказался в электроразведочной партии в Карамазаре в должности прораба, начальником партии был горный инженер Сергей Александрович Поярков, в будущем доктор наук, профессор. Осенью того же года после

возвращения из Средней Азии судьба впервые свела Александра Петровича с Николаем Ильичем Сафроновым на опытной станции геологоразведочного геофизического института (ГРГИ) в Ушаках. Эта встреча стала началом многолетней дружбы двух выдающихся геофизиков и геохимиков, и до конца своей жизни А.П. Соловов считал Н.И. Сафронова своим учителем.

Весной 1931 года Н.И. Сафронову было поручено возглавить крупнейшие по тому времени геофизические работы на Рудном Алтае, руководство Зырянской подгруппой электроразведочных партий Николай Ильич предложил А.П. Соловову, на что тот охотно согласился. Работы Рудно-Алтайской группы геофизических партий проводились по договору с горно-промышленной организацией под загадочным названием «Ленабанк». Главным консультантом работ по развитию рудно-сырьевой базы полиметаллической промышленности Алтая был выдающийся ленинградский геолог Иосиф Федорович Григорьев, в прошлом работник Геолкома и будущий академик. Геофизические работы на Рудном Алтае продолжались в 1932 году и прекратились в 1933 году.

В полевом сезоне 1934 года были начаты поисковые геофизические работы на Хапчерангинском оловорудном месторождении в Забайкалье, исполнение которых было поручено А.П. Соловову. При подготовке к этим работам Александру Петровичу впервые пришлось познакомиться с Сергеем Сергеевичем Смирновым, будущим академиком. Это месторождение, в то время крупнейшее в СССР (запасы 10,0 тыс тонн Sn), открыл лично С.С. Смирнов, он же был крупнейшим специалистом по олову и по рудным месторождениям Восточного Забайкалья в целом.

Были проведены профильные «станнометрические» съемки через основные оловорудные жилы - один из наиболее выразительных графиков через жилу Восточную показан на рис.1.

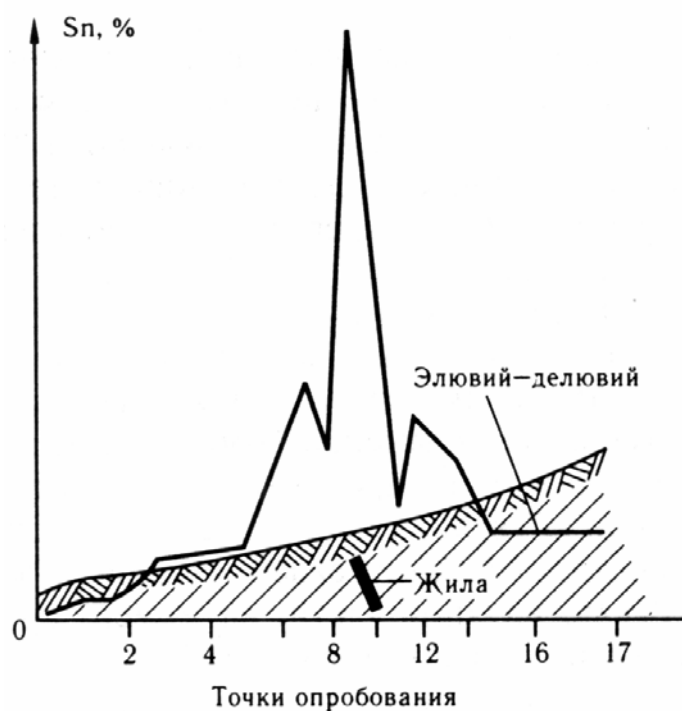

Рис.1. График содержаний олова в элювио-делювии в ореоле рассеяния вкост оловрудной жилы «Восточная» Хапчерангинского месторождения, 1935 г.

Всего за полевой сезон 1935 года на Хапчеранге и Шерловой горе был выполнен спектральный анализ 3400 проб - в практике

поисковых работ на олово это имело революционное значение. Непредвиденно богатыми оказались касситеритовые жилы, выявленные по данным станнометрической съемки на месторождении Шерловая Гора. Для этого типично штокверкового месторождения были характерны относительно бедные прожилково-вкрапленные руды, и С.С. Смирнов первоначально весьма резко отвергал полученные результаты. Во время войны отработка этих жил, получивших названия «Клондайк» и № 1, составляла основную продукцию рудника.

Приближался летний полевой сезон 1936 года. Неугомонный Н.И. Сафронов нашел себе новое занятие: он стал начальником Чаунской геологоразведочной экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского Арктического института (ВАИ) системы «Главсевморпуть». Экспедиция, формировавшаяся в Ленинграде, отправлялась из Владивостока на Чукотку с целью поисков месторождений олова. Признаки их возможного нахождения в районе Чаунской губы в 1934 году установил С.В. Обручев, сын известного геолога и путешественника, академика В.А. Обручева. Применение новых геохимических методов поисков и полевого спектрального анализа в Чаунском районе Чукотки привели к положительным результатам. Всесоюзный Арктический институт в конце декабря 1936 года проводил торжественное новогоднее собрание, рапортуя о своих достижениях. Оглашая приветствия, поступившие в адрес института, председательствующий, профессор Р.Л.

Самойлович, зачитал радиogramму Н.И. Сафронова следующего содержания: «Поздравляем коллектив ВАИ с Новым Годом, желаем дальнейших успехов, пьем здоровье из оловянных чарок, отлитых из собственного олова». Это была настоящая сенсация - чукотское олово!, и переполненный зал встретил это сообщение аплодисментами. Забегая вперед, отметим, что этот успех не помешал через год учинить расправу над Н.И. Сафроновым, после его возвращения в Ленинград.

В 1936 году начались массовые аресты геологов и геофизиков. Впрочем, они никогда и не прекращались со времени установления Советской власти, но именно в период 1936-38 г.г. особенно жестокий урон понесли ленинградские геофизики. Были арестованы профессора В.К. Фредерикс и В.Р. Бурсиан, профессора Б.В. Нумеров, С.К. Гирин, П.Т. Соколов, А.П. Кириков, Д.И. Мушкетов, Н.И. Свительский и др. За три года в разные сроки были арестованы до половины всех инженеров-геофизиков и два сменивших друг друга директора ЦНИГРИ (ныне ВСЕГЕИ): В.А. Языков и герой гражданской войны, бывший командарм Н.А. Худяков. Оба на момент ареста были в должности начальников «Главникельолово» в Москве и оба вскоре были расстреляны. Эта же судьба постигла С.А. Аржекаева, бывшего заместителя директора ЦНИГРИ по научной части, на момент ареста - директора Хапчерангинского оловокомбината (1938 г.).

В 1936 году было принято решение для разведки оловорудных месторождений снарядить 2-ю Чаунскую экспедицию ВАИ, и на должность старшего геофизика экспедиции по рекомендации Н.И. Сафронова был назначен А.П. Соловов. В начале августа 1937 года экспедиция высадилась с парохода «Смоленск» у пос. Певек в Чаунской губе. Пока разгружались пароходы, Н.И. Сафронов ознакомил новых членов экспедиции с результатами своих поисково-разведочных работ. Главное внимание было уделено выявленным и частично разведанным канавами двум оловорудным жилам в 1,5 км к северу от мыса Валькумей - 1 и 2 Прибрежные жилы. Более интересными оказались данные геохимического опробования «штранда» - прибрежно-морских отложений вдоль всего Певекского полуострова. Пробоотбор был проведен с шагом 100 м с заходом во все ручьи и распадки. Спектральный анализ этих проб отчетливо зафиксировал высокую оловоносность прибрежно-морских и аллювиальных отложений района между II и III Гранитными распадками, к югу от мыса Валькумей. Именно из аллювия 2-го Гранитного

распадка осенью 1936 года был намыт касситеритовый концентрат для выплавки металла, из которого были отлиты новогодние оловянные чарки.

Дальнейшая история открытия Валькумейского месторождения излагается по воспоминаниям А.П. Соловова («Открытие оловорудного месторождения Валькумей». Тезисы доклада на Республиканском семинаре «Теоретические аспекты миграции элементов-индикаторов рудных месторождений и математические методы обработки геохимической информации». Ереван, 1974). «Решающую роль в открытии рудных богатств Певекского полуострова сыграли поисковые литохимические (станнометрические) съемки, проведенные мною в 1937-1939 г.г. Район Певекского полуострова относится к зоне тундры с почти полным отсутствием естественных выходов горных пород, обнажающихся только в береговых обрывах, с широким развитием каменных потоков (курумов), солифлюкционных террас, полигональных почв и заболоченности. Выбранный по данным шлихового опробования участок литохимической съемки охватывал полосу западного контакта гранитного массива в пределах пологого склона, закрытого песчано глинистым элювио-делювием с крупными глыбами гранитов и щебенкой песчано-сланцевых пород.

Пробоотбор производился по сети 50x10 м с глубины 15-20 см из деятельного слоя, пробы весом 150-200 г подвергались отмывке, на анализ направлялась песчанистая фракция (3 мм) весом 15-20 г. Спектральный анализ выполнялся на кварцевом спектрографе фирмы Цейс с чувствительностью $< 1 \cdot 10^{-2} \% .\text{Sn}$. Всего за два года здесь были выполнены литохимические съемки в объеме около 15000 физических точек.

Уже к октябрю 1937 г. по результатам литохимических съемок были заданы первые горные выработки с целью разведки богатых вторичных ореолов рассеяния олова, выявленных в районе второго гранитного распадка. Пройденный по этим данным шурф № 30 (проектная канава № 1) на глубине 13,5 м вошел в граниты с тонкими (1-3 мм) прожилками касситерита (рис. 2). Заданный из шурфа с глубины 18,5 м восточный квершлаг уже на третьем метре пересек 8 марта 1938 г. мощную кварц-турмалиновую жилу с обильным касситеритом, названную «Мартовской». Позднее тем же квершлагом была встречена оловорудная жила, названная «Апрельской», а затем жилы «Майская № 1» и «Майская № 2» с высокими содержаниями олова. Обнаружение этих оловорудных жил, получивших позднее название «Календарных», отвечало

открытию месторождения Валькумей и определило его дальнейшую промышленную оценку... В течение 1940 г. в пределах выделенных вторичных ореолов рассеяния олова горными работами, проводившимися под руководством Н.С. Лычкова, были вскрыты наиболее богатые жилы №№ 5, 3, 4 и др., которые совместно с Календарными жилами определили крупное промышленное значение месторождения Валькумей».

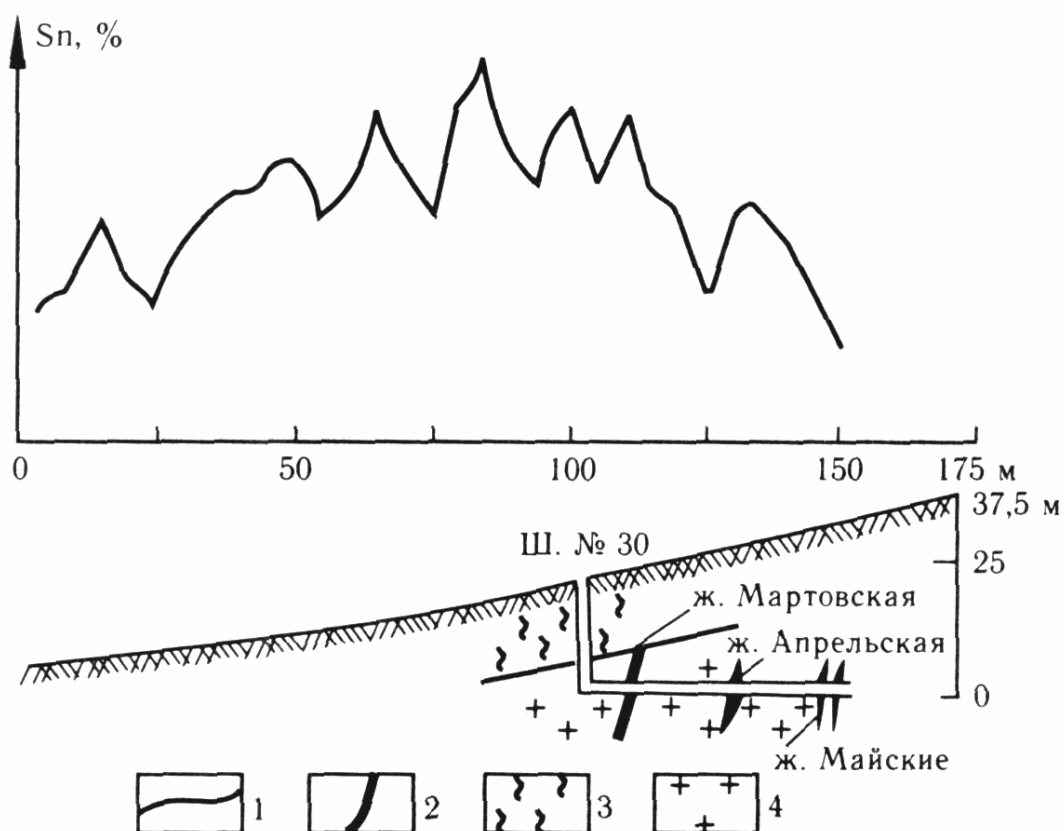

Рис.2. Открытие оловорудного месторождения Валькумей. График содержаний олова по профилю через Календарные жилы (август 1937 г. - май 1938 г.).

1-данные станнометрической съемки; 2-рудные жилы; 3-элювио-делювий; 4-граниты

К моменту возвращения Н.И. Сафронова в Ленинград осенью 1937 года его судьба уже была предreshена. По вымышленному обвинению в «разглашении государственной тайны» Николай Ильич был отстранен от

должности начальника Чаунской экспедиции ВАИ и в ночь с 5-го на 6-е ноября арестован органами НКВД. Поводом для этого послужила та самая новогодняя радиограмма о выплавке оловянных чарок, которая в декабре предыдущего года была принята с таким восторгом.

После Чукотки А.П. Соловов вернулся на работу в Геофизический сектор ЦНИГРИ (ныне ВСЕГЕИ) в Ленинграде. В летний полевой сезон 1940 года он провел геохимические работы на недавно выявленном вольфрамовом месторождении Спокойное в Читинской области в составе Агинской геофизической партии. Месторождение кварц-грейзенового типа было представлено серией богатых кварц-вольфрамитовых жил, приуроченных к небольшому куполовидному выходу лейкократовых гранитов. Разведка месторождения с поверхности проводилась канавами.

Металлометрическая съемка была проведена по сети 25х10 м, результаты ее показаны на рис.3. Карта изовольфрамат позволила открыть новые богатые жилы и указать шесть интервалов ранее пройденных разведочных канав, в которых были пропущены рудные жилы.

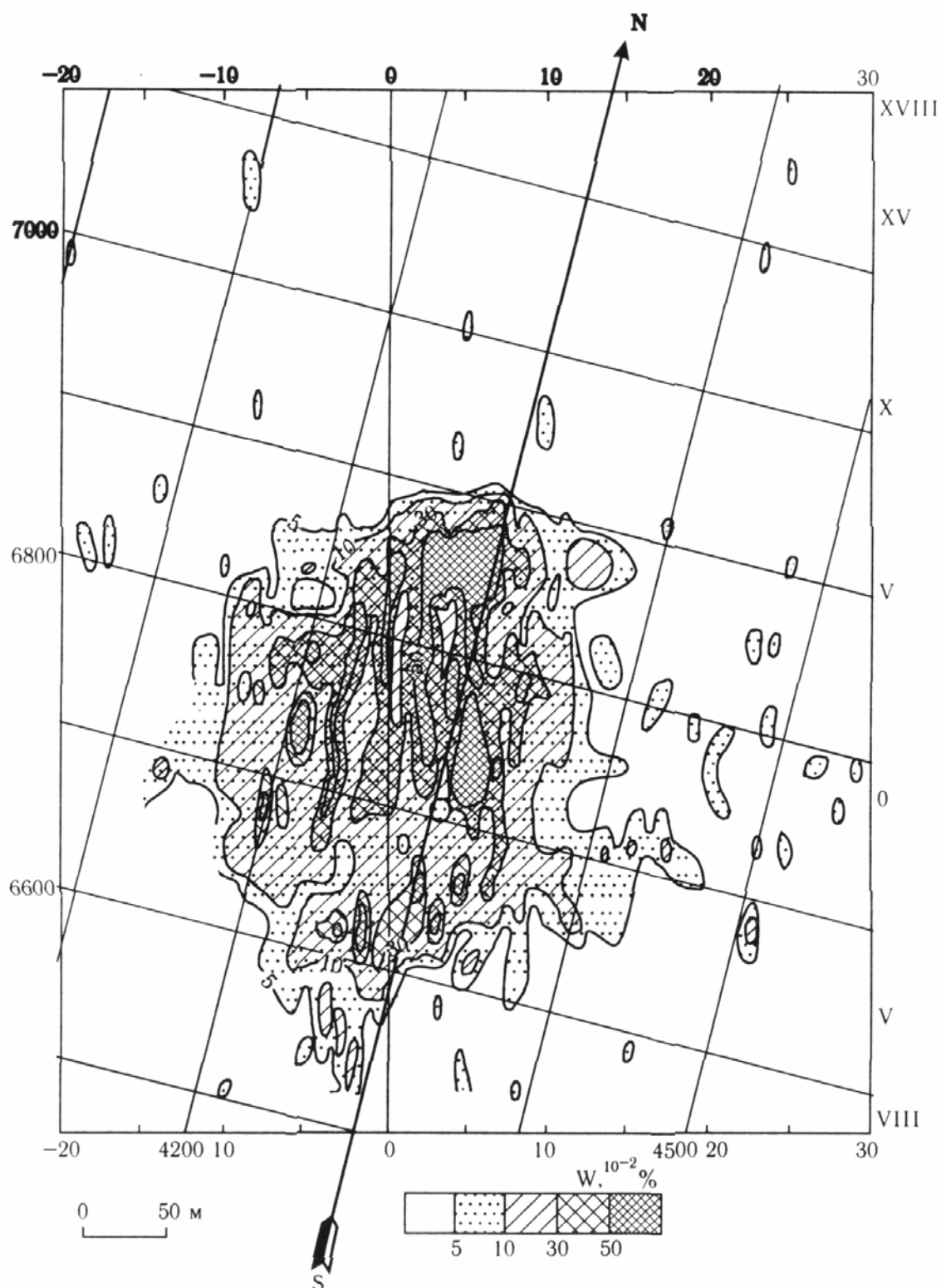

Рис.3. Карта изовольфрамат месторождения Спокойное по данным металлометрической съемки. Составил А.П. Соловов в 1940 г.

В Агинской геофизической партии побывал С.С. Смирнов. Через несколько месяцев, уже в Ленинграде, вспоминая результаты металлометрической съемки месторождения Спокойное, Сергей Сергеевич

говорил А.П. Соловову: «У меня до сих пор стоит перед глазами Ваша карта...». Удивляться этому не следует - это была первая в мире геохимическая карта подобного рода.

Начало войны застало А.П. Соловова в Восточном Забайкалье, где он в должности начальника крупной геофизической экспедиции ВСЕГЕИ проводил полевые работы на Шумиловском вольфрам-оловянном руднике Зерен, в 1943 г. - на Шахтаминском молибденовом месторождении.

28 марта 1944 года А.П. Соловов был зачислен старшим инженером-диспетчером производственно-технического отдела Комитета по делам Геологии, а с 5 июля 1946 г. с реорганизацией Комитета в Министерство стал главным инженером, первым заместителем начальника Главного Геофизического Управления Министерства Геологии СССР и проработал в этой должности до 7 октября 1949 года, включая годичную командировку в США (январь 1947 г. - январь 1948 г.). Всего в центральном аппарате Комитета и Министерства А.П. Соловов проработал 5 лет и 7 месяцев и очень многое сделал для технического переоснащения геофизической службы страны и внедрения металлометрических съемок в практику поисковых работ.

В начале 1949 года в Министерстве Геологии СССР разразился шторм. Министр и его заместители целыми днями (и ночами!) пропадали в различных правительственных инстанциях, а работники центрального аппарата, в том числе и А.П. Соловов, по заданиям появившихся в Министерстве представителей Совмина и «специалистов в штатском» писали бесчисленные «справки». Каждая из них неизменно содержала раздел «в том числе в Красноярском крае», что вскоре прояснило картину. Это было отражением знаменитого «Красноярского дела», организованного МГБ по заявлению корреспондентки газеты «Правда», психически нездоровой А.Ф. Шестаковой, обвинившей руководителей советской геологической науки в крупном вредительстве - злонамеренном сокрытии сырьевых богатств Красноярского края. «Дело» вызвало очередную волну массовых арестов и казней геологов. Были сняты с работы министр И.И. Малышев и все его заместители (кроме В.И. Смирнова), а также все директора геологических институтов и большинство начальников Территориальных геологических управлений. Репрессивная волна чудом не захватила Владимира Ивановича Смирнова, которого новый Министр Геологии, генерал-майор МВД, бывший начальник Гулага П.А. Захаров на активе обвинил в дружбе с врагами народа Крейтером,

Барышевым и др. (профессор В.М. Крейтер был арестован, геолог Н.В. Барышев, доцент МГРИ, застрелился). В течение последующих месяцев В.И. Смирнова преследовали неоднократные заявления в ЦК КПСС, в «Органы» и другие инстанции от «бдительных» и ортодоксально настроенных лиц. Владимир Иванович просил Министра освободить его от высокой должности, но «избавление» пришло только тогда, когда он по конкурсу был избран на должность заведующего кафедрой полезных ископаемых геологического факультета МГУ.

Новое руководство Министерства Геологии занялось тщательным пересмотром личного состава Центрального аппарата и «чистка» коснулась множества лиц, в том числе и А.П. Соловова. При пересмотре личных дел он в числе первых был отнесен к списку руководящих кадров, работавших в Министерстве «...только по причине потери бдительности»: 1) из дворян; 2) беспартийный; 3) в 1927 году был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Польши; 4) не имеет законченного высшего образования и, наконец, самое «черное пятно» - 5) год пробыл в США.

Главным инженером «Главгеофизики» был назначен А.Г. Тархов из ВИРГа, а А.П. Соловов с согласия Управляющего Средне-Азиатским (позднее Казахским) геофизическим трестом М.Д. Морозова (в будущем Министра Геологии Казахской ССР) был назначен начальником производственно-технического отдела этого треста. В октябре 1949 года он приехал в Алма-Ату с намерением поселиться здесь надолго. Однако, принцип всех тиранических режимов «тащить и не пущать» внес в эти планы свои поправки.

В столице Казахстана он проработал недолго. Бдительные местные МГБшники быстро ознакомились с досье А.П. Соловова, в результате в мае 1950 года по тем же 5-ти анкетным признакам он был лишен «допуска к секретным документам», что делало невозможным дальнейшую работу. Александр Петрович был отозван в Москву. Здесь от нового начальника «Главгеофизики» А.И. Дюкова он получил «домашнее задание» - написать техническую инструкцию по металлометрической съемке. Это была вторая «Инструкция», первая, составленная С.Д. Миллером, небольшая техническая инструкция по производству полевых работ физико-химическим методом была издана в 1938 году под редакцией профессора Л.Я. Нестерова в составе таких же Инструкций по геохимическим работам. «Солововская» инструкция

объемом 7 печ. листов была написана за 1,5 месяца и в 1951 году издана «Госгеолтехиздатом» тиражом 3000 экз.

Вскоре благополучно решилась личная судьба А.П. Соловова. По ходатайству Министерства Геологии СССР допуск к работе с секретными документами ему был возвращен и приказом № 1460-к от 25 сентября 1950 г. он назначается главным инженером Турланской геофизической экспедиции Средне-Азиатского геофизического треста (пос. Миргалимсай, ныне г. Кентау). Приказ сопровождался указанием установить за новым главным инженером негласный надзор, поручив его инженеру-коммунисту, начальнику Турланской экспедиции С.А. Пояркову. По правилам надзора это была грубейшая ошибка «органов», поскольку они обязаны были знать характер личных отношений А.П. Соловова и С.А. Пояркова. Хотя вместе они проработали всего несколько месяцев в 1930 г. в Кармазаре и жили в разных городах, между ними установились самые лучшие дружеские отношения, продолжавшиеся до самой кончины Сергея Александровича (1969 г.). Естественно, чтобы «пасти» кого-либо, необходимо было знать досье этого человека. С.А. Поярков был вызван в местные органы, где капитан МГБ Купцов, «надзиравший» за Турланской экспедицией, ознакомил его с досье «опального» главного инженера. Из этой поездки бедный Сергей Александрович вернулся испуганный, с глазами-плошками, и все рассказал о прочитанном А.П. Соловову.

Вот здесь и получила объяснение «загадка» и открылась счастливая случайность, почему А.П. Соловов не был посажен в 1948-49 гг. после возвращения из командировки в США. Из досье, по рассказу С.А. Пояркова, следовало, что в США для надзора за Александром Петровичем был приставлен некий полковник Воробьев, из сообщения (доноса!) которого следовало, что в период пребывания в США Соловов продал американцам секрет аэромагнитной съемки (?!). Столь чудовищное (сколь и нелепое!) обвинение безусловно привело бы к аресту и, скорее всего, к расстрелу. Однако, из других документов того же досье выяснилось, что, следивший за полковником Воробьевым полковник Птичкин, доложил в высшие инстанции, что полковник Воробьев «двойник» и сам завербован американской разведкой. Скорее всего, это донесение «полковника Птичкина», следившего за «полковником Воробьевым», было столь же примитивным вымыслом, как и сообщение о солововской «продаже». Но в итоге полковника Воробьева расстреляли, а А.П. Соловов оказался частично реабилитирован. Однако,

держать в столице человека с такими «родимыми» биографическими пятнами «Органы» не решились и на всякий случай он был отправлен в казахские степи, подальше от Москвы. Таким образом, А.П. Соловов оказался одним из очень немногих советских людей, которым хотя бы частично известно содержание их досье, и немало этим гордился.

В Турланской экспедиции А.П. Соловов проработал 8 лет, затем еще 2 года являлся начальником Берчогурской (ныне Мугоджарской) геофизической экспедиции. По инициативе А.П. Соловова именно в Казахстане с 1949 года началось проведение планомерных площадных поисковых литохимических («металлометрических») съемок, приведших к выдающимся открытиям. Президент АН Казахской ССР, академик АН СССР К.И. Сатпаев, признавая огромные заслуги геохимиков-поисковиков в расширении минерально-сырьевой базы Казахстана, в 1957 году отмечал: «Нигде, ни в других районах Советского Союза, ни за рубежом, не были в таком объеме и с такой эффективностью, как в Казахстане, применены методы металлометрической съемки. Ряд крупных месторождений металлических ископаемых был открыт в послевоенные годы в Центральном Казахстане благодаря широкому развитию металлометрических съемок».

В 1959 году А.П. Соловов опубликовал монографию «Основы теории и практики металлометрических съемок» и представил ее как диссертацию, причем сразу докторскую. Затем он три года проработал в ВИМСе старшим научным сотрудником, а в декабре 1963 года был избран по конкурсу профессором кафедры геохимии геологического факультета МГУ, где проработал до конца жизни.

Александр Петрович Соловов был очень воспитанным, интеллигентным и доброжелательным человеком, но он не переносил хамства, невежества, лжи и мог отстаивать свои принципы иногда в довольно резкой форме. Показателен инцидент, происшедший в сентябре 1945 года на НТС 1-го Главка, где обсуждался первый годовой план научно-тематических работ на 1946-48 г.г. нового Всесоюзного научно-исследовательского института разведочной геофизики (ВИРГ) в Ленинграде. План составляли директор ВИРГа проф. А.А. Логачев и А.П. Соловов, в то время главный инженер «Главгеофизики». Присутствовало более 40 человек, председательствовал академик С.С. Смирнов. Доклад о плане работ ВИРГа сделал А.А. Логачев, затем начался обмен мнениями. После нескольких выступающих слово взял Александр

Петрович, имея целью поддержать обсуждаемый план и рекомендовать его к утверждению. Говорил он с места, обращаясь к председательствующему и присутствующим. Сидевший через два человека от А.П. Соловова один из приглашенных, указывая пальцем на докладчика, громко заявил: «Вот подхалим...». Александр Петрович ненавидел подхалимов и никогда не принадлежал к их числу, поэтому реакция его была мгновенной - с высоты своего внушительного роста (195 см), указывая пальцем на обидчика, хорошо поставленным голосом он произнес: «А Вы - хам!». Наступившее общее замешательство сумел замять Сергей Сергеевич Смирнов, и Александр Петрович благополучно закончил свое выступление. Этим «хамом» был Петр Яковлевич Антропов, в то время главный инженер 1-го (уранового) Главка при Совете Министров СССР (начальником Главка был Л.П. Берия), позднее - Министр Геологии СССР.

А.П. Солововым было опубликовано более 200 научных работ. Он явился автором первого в мире учебника «Геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых» (1985 г.), переведенного на английский язык (1987 г.), редактором и основным автором «Справочника по геохимическим поискам полезных ископаемых» (1990 г.), соавтором двух учебных пособий «Геохимические методы поисков рудных месторождений» (1978 и 1985 г.г.), а также автором и соавтором утвержденных Министерством геологии СССР в качестве обязательных «Инструкций по металлометрическим съемкам» (1951 и 1957 г.г.) и «Инструкций по геохимическим методам поисков рудных месторождений» (1965 и 1983 г.г.). Эти инструкции сыграли исключительную роль в широком развитии и применении в СССР и в России геохимических методов поисков рудных месторождений.

Большинство работ А.П. Соловова посвящено развитию теоретических основ геохимических методов поисков, в первую очередь, применительно к поискам рудных месторождений, и охватывает широкий круг важнейших проблем прикладной геохимии. Он впервые разработал физико-математические модели вторичных ореолов и потоков рассеяния, создал классификацию вторичных ореолов рассеяния, предложил методы оценки выявляемых рудных объектов по геохимическим характеристикам гипергенных аномалий. А.П. Соловов разработал также методы количественной оценки прогнозных ресурсов металлов на различных стадиях геологоразведочного процесса, которые обеспечивают объективный выбор

первоочередных объектов и позволяют максимально сократить вовлечение в предварительную разведку непромышленных рудопроявлений. Оригинальные идеи и приемы обработки первичных поисковых данных заложены А.П. Солововым в методику наземных геохимических поисков погребенных рудных месторождений по их наложенным ореолам рассеяния в закрытых районах. Значительное место в работах А.П. Соловова отводится вопросам исследования эндогенной геохимической зональности рудных месторождений, им обоснован принцип геометрического и геохимического подобия генетически однотипных месторождений, что наряду с исследованием зональности на ЭВМ позволяет прогнозировать оруденение на глубину. Широта научных интересов А.П. Соловова проявилась и в том, что он одним из первых геохимиков-поисковиков определил необходимость проведения эколого-геохимических исследований. Именно по его инициативе в 1973 г. была проведена эколого-геохимическая съемка г. Алма-Аты с количественной оценкой степени техногенного загрязнения улиц города свинцом, ртутью и другими токсичными металлами (Б.А. Досанова, С.А. Миляев). Для изучения динамики техногенного загрязнения повторные съемки города проведены в 1978 и 1983 г.г.

Много труда и времени А.П. Соловов уделял педагогической работе. Курс лекций «Геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых» он в разные годы читал в Казахском политехническом институте, в МГРИ, на геологическом факультете МГУ, в Ленинградском горном институте, в Томском университете, в Красноярском институте цветных металлов и в других вузах страны. Также он читал этот курс в Финляндии (г.г. Хельсинки и Турку), в Софийском университете, за что был награжден золотой медалью им. Климента Охридского. Много лет А.П. Соловов преподавал на курсах повышения квалификации при Министерстве геологии РСФСР, был организатором и участником многочисленных учебных семинаров для геологов и геохимиков производственных организаций (г.г. Москва, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Алма-Ата, Александров, пос. Хасын Магаданской области). Александр Петрович прошел путь от лаборанта до профессора и создал свою научную школу. Им подготовлено более 30-ти докторов и кандидатов наук, его многочисленные ученики и последователи работают в различных районах бывшего СССР и ряде стран Европы, Азии и Африки, успешно претворяя в жизнь его многочисленные и плодотворные идеи.

Талант выдающегося ученого, огромная научно-практическая эрудиция, любовь и очень серьезное отношение к педагогической деятельности сочетались в Александре Петровиче с высокими человеческими качествами - исключительной честностью, принципиальностью, чуткостью, отзывчивостью к людям, личным обаянием. Он был очень образованным человеком, много читал и наизусть мог декламировать практически всего Маяковского и Есенина, прекрасную коллекцию редких изданий В.В. Маяковского А.П. Соловов подарил музею поэта, о чем была небольшая заметка в «Литературной газете». Он любил и прекрасно разбирался в живописи, регулярно посещал выставки и собрал великолепную коллекцию художественных альбомов. Он мог бы стать известным писателем, о чем лучше всего свидетельствуют его воспоминания «Московское лихолетье» и его рукописные мемуары «К истории создания геохимических методов поисков», в сокращенном варианте опубликованные в сборнике «Сафроновские чтения», том 1, Санкт-Петербург, 1993. При другом повороте его непростой судьбы из него вышел бы великий актер - при яркой театральной внешности его прекрасные лекции и великолепные многочасовые рассказы, насыщенные тончайшим юмором и профессиональным артистизмом, всегда вызывали восторг и восхищение благодарных слушателей.

Александр Петрович Соловов прожил долгую, интересную, чрезвычайно содержательную и непростую жизнь. Он очень любил Россию, искренне переживал все негативные исторические зигзаги ее развития и профессионально делал все для ее процветания. Вся многогранная научная деятельность А.П. Соловова была тесно связана с практикой и служила главной цели отечественной геологической службы - развитию минерально-сырьевой базы страны. А.П. Соловов не был при жизни «избалован» высокими званиями и наградами, но светлой памятью этого замечательного Человека, Великого Гражданина России, выдающегося русского геолога и геохимика, служит обширный перечень крупных и уникальных рудных месторождений, открытых с помощью геохимических методов поисков, созданных А.П. Солововым вместе со своим учителем и большим другом Н.И. Сафроновым.

БОРИСОВ Михаил Васильевич окончил геологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова в 1971 г. и аспирантуру кафедры геохимии – в 1974 г. С 1974 г. работает на кафедре геохимии инженером, младшим научным сотрудником, ассистентом, доцентом (1986), профессором по кафедре геохимии с 2000 г. Зам. заведующего кафедрой геохимии по учебной работе с 1990 г., а с 2006 г. исполняет обязанности заведующего кафедрой геохимии. Доктор геол.-мин. наук (1999 г.).

Специалист в области термодинамического моделирования на ЭВМ природных процессов. С 2006 г. руководитель ведущей научной школы «Физическая геохимия природных процессов». Автор 140 научных и учебно-методических работ (1 учебник, 4 научные монографии, 5 учебно-методических изданий). Подготовил 1 кандидата наук.

МАТВЕЕВ Алексей Алексеевич после окончания геологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в 1965 г. работает на кафедре геохимии мл. научным сотрудником, нач. партии, ст. инженером, зав. лабораторией, ст. научным сотрудником, с 1989 г. – доцентом. геологического факультета. Профессор РУДН (2002 г.) и РГГРУ (2005 г.), академик Российской академии естественных наук (РАЕН), 2007 г. Ученик А.П. Соловова. Доктор геол.-мин. наук (1999 г.). Специалист в области геохимических методов поисков рудных месторождений. Автор более 140 научных работ, в том числе – 8 монографических. Подготовил 6 кандидатов наук.

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

А. СОЛОВОВ

МОСКОВСКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания (вернее, их фрагменты) написаны моим дядей Александром Петровичем Солововым (1908 — 1993) в последние пятнадцать лет его жизни. Многие он написал сам, часть я записала с его слов.

...А. П. Соловое родился в семье профессора Петра Дмитриевича Соловова. Солововы — древний дворянский род, уходящий корнями во времена Ивана Грозного, но к концу XIX века совершенно обедневший. Только благодаря упорному труду и таланту Петр Дмитриевич смог закончить курс обучения в Московском университете и в дальнейшем стать одним из выдающихся хирургов-урологов.

На свои средства, а также на деньги, одолженные у друзей и знакомых, П. Д. Соловое в 1913 году купил в Москве на Большой Молчановке участок земли и построил четырехэтажное здание, в котором собирался открыть хирургическую лечебницу, а на втором этаже — жить со своей семьей. Но планам семьи Солововых не суждено было осуществиться. Началась мировая война, и П. Д. Соловое разместил в своем доме госпиталь. После революции 1917 года здание экспроприировали. Лечебнице, построенной П. Д. Солововым, в советское время присвоили имя Граузэрмана. Это был знаменитый родильный дом, сейчас закрытый; в нем родились многие москвичи.

Сын П. Д. Соловова Александр, автор данных воспоминаний, рос в атмосфере настроений, характерных для большинства московской интеллигенции пред- и послереволюционных лет: безоговорочное принятие Февральской революции и критическое отношение к последующим событиям. В доме постоянно бывали пациенты и друзья Петра Дмитриевича: художники М. В. Нестеров, Б. М. Кустодиев, профессора А. И. Абрикосов, М. А. Скворцов, Е. А. Кост, А. К. Джигелегов, академик К. А. Тимирязев.

От природы очень одаренный, Шура учился легко, свободно говорил на трех языках. В бывшей гимназии Алферовых, где преподавали многие известные учителя, сложилась атмосфера удивительной сердечности и дружбы, которую многие соученики сохранили на долгие годы. Трудные то были времена: до глубокой осени Шура ходил в гимназию босиком, а однажды зимним утром видел, как от замерзшего трупа лошади, посреди Смоленской площади, люди отпиливали куски и уносили по домам. Тяжелые условия не помешали ему, однако, стать со временем высококлассным специалистом.

...Александр Петрович Соловое — доктор геолого-минералогических наук, профессор; его имя хорошо известно в широких кругах геологов, геохимиков и геофизиков в нашей стране и за ее пределами. Он один из основоположников нового научного направления в геологии — геохимических методов поиска рудных месторождений, приведших к открытию крупных промышленных разработок многих металлов. Он объездил всю страну, много работал на Чукотке, дважды прошел Северным морским путем

Великая Отечественная война застала Александра Петровича начальником Забайкальской геофизической партии. И быть бы ему убитым на фронте (особенно при его росте 190 сантиметров!), если бы не случай. Уже будучи призванным, простиившись с женой и сыновьями, он пробирался сквозь огромную толпу, запрудившую площадь перед призывным пунктом, и тут лоб в лоб столкнулся с директором местного оловокомбината, которого знал по нескольким геологическим совещаниям еще до войны. На разъяснения Александра Петровича, что он тут делает, последовал возглас директора:

«Но ведь вы нужны здесь!» — и через десять минут рядовой Соловое был демобилизован.

Публикация и предисловие М. ХЛУДОВОЙ.

После войны, работая заместителем начальника Главного управления геофизики Министерства геологии, Александр Петрович в 1947 году был направлен в годичную командировку в США. По возвращении он со дня на день ждал ареста в связи с развернувшейся в ту пору кампанией по борьбе с космополитизмом. Однако судьба опять распорядилась по-своему. В соответствии с другой кампанией — по чистке министерства — А. П. Соловое оказался в списке «опороченных лиц» за номером первым как: беспартийный; из дворян, который в 1927 году арестовывался по подозрению в шпионаже в пользу Польши, а позже, как уже говорилось, еще успел побывать и в США. Словом, Соловоя уволили.

Последующие десять лет Александр Петрович провел в Казахстане, о чем никогда не жалел и откуда привез в Москву готовую диссертацию, причем сразу докторскую. Затем — приглашение на геологический факультет МГУ им. Ломоносова, где он работал почти тридцать лет. Блестящий лектор, настоящий русский интеллигент, каких теперь уже почти не осталось, А. П. Соловое читал курсы лекций во многих вузах нашей страны и за рубежом; им создана школа высококвалифицированных специалистов-геохимиков, пользующаяся признанием во всем мире.

Бабушка моя со стороны матери, Варвара Андреевна Чуйкевич, пережила своих мужей, большую часть детей и внуков, погребена на прежнем Новодевичьем кладбище в Москве, рядом с могилами моих родителей М. Б. и П. Д. Солововых.

Из надписи на могильной плите можно узнать, что бабушка родилась в 1845 году и скончалась 30 февраля 1929 года. Известно, что только в високосные годы в феврале бывает 29-е число, в остальные годы — только 28 дней. Этой курьезной надписью мы обязаны моей старшей сестре Ксении Петровне, заказавшей надгробие. По рассказам, обнаружив эту нелепость, она с негодованием воскликнула: «Что это вы тут написали?!» — и услышала в ответ: «Гражданка, что вы хотели, то мы и высекли», — ей была предъявлена записка, выполненная ее рукой. Вместо того чтобы приплатить пять-десять рублей за переделку, рассерженная Ксения Петровна забрала надгробие из мастерской и установила на могиле Варвары Андреевны, где оно и пребывает вот уже более шестидесяти лет.

Брак Варвары Андреевны с богатым украинским помещиком Александром Федоровичем Чуйкевичем сопровождался романтическими событиями. Окончив в Петербурге основанное при императоре Николае Первом привилегированное Училище правоведения, Александр Федорович готовился к блестящей карьере, но, на беду, встретил и полюбил молоденькую девушку Варю Белокрысову, сделал ей предложение и получил согласие ее родителей. Но этому браку решительно воспротивилась мать Александра Федоровича, надменная генеральша, гордившаяся родством Чуйкевичей с украинскими гетманами и считавшая невесту недостойной своего сына.

Тогда, желая отомстить матери, Александр Федорович поклялся в церкви, что всю жизнь останется холостым, вышел в отставку и поселился в своем именье. С карьерой было покончено.

Прошли годы, бабушка вышла замуж за В. Лутковского, родила троих детей, овдовела. Умерла и мать Александра Федоровича, и тогда бывшие жених и невеста встретились вновь. Недаром говорит пословица: «Старая любовь не ржавеет». Александр Федорович повторил свое предложение и вновь получил согласие молодой вдовы. Но как нарушить церковную клятву? Выход был найден: в своей деревне Дарьевке, Верхнеднепровского уезда, бывшей Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область), Александр Федорович обошел все крестьянские дома и в каждом униженно просил прощения за нарушение своего обета! Эта церемония протекала примерно по такому стандарту: войдя в хату, встав на колени и кланяясь в землю, Александр Федорович говорил: «Братья и сестры, простите меня, я клятвopеступник...», на что испуганные хозяева отвечали: «Что вы, батюшка барин, встаньте, встаньте, Бог простит!...» Прощения были получены от всех, несложная церковная епитимья была выполнена, брак благополучно состоялся, и супруги прожили в согласии более сорока лет. Своих детей у них не было.

...Мой отец, Петр Дмитриевич Соловов, родился 12 января старого стиля 1875 года в уездном городе Сапожок, Рязанской губернии, в обедневшей дворянской семье. Солововы (по-старому Соловые), записанные в шестой («лучшей») части «Бархатной книги», когда-то были богаты. В XVI веке Анастасия Соловая была женой одного из сыновей Ивана Грозного, но позднее ее сослали в Покровский монастырь в Суздале — место заточения опальных цариц и боярынь. Николай Иванович Соловов был первым рязанским предводителем дворянства, жил широко и в своем поместье, как говорили в те времена, «принимал всю губернию», но уже у деда моего отца, тоже Петра Дмитриевича, ничего от бывшего богатства не осталось. Отец моего отца был мелким чиновником, мать — Варвара Андреевна Фофанова — тоже из дворян Рязанской губернии. Отец окончил с серебряной медалью классическую гимназию в Рязани, где изучал латынь, греческий, немецкий и французский языки; затем поступил на медицинский факультет Московского университета, в 1898 году получил звание «лекаря с отличием» и был оставлен при университете в должности ординатора Госпитальной хирургической клиники. Работая там в течение четырех лет, отец зарекомендовал себя хорошим практическим врачом и какое-то время регулярно пользовал на дому Л. Н. Толстого. «После несложных медицинских процедур, — вспоминал отец, — Лев Николаевич нередко приглашал меня завтракать. За длинным столом я сидел обычно на конце Льва Николаевича вместе с какими-то странниками и другими «демократическими» лицами. В противоположность этому на конце Софьи Андреевны, кроме детей, сидели ее гости, например, блестящие гвардейские офицеры. Постоянно бывал Джунковский — позднее московский генерал-губернатор».

В 1902 году на протяжении нескольких месяцев отец работал врачом в семье купцов Третьяковых, где имел свою комнату и питание. Скопив 500 рублей, он уехал за границу для усовершенствования знаний в лучших клиниках Западной Европы. Вернувшись, отец вместе со своим другом А. Г. Русановым оставил клинику в Москве и уехал на работу в земство, считая это своим врачебным долгом. Оба друга вместе и порознь в течение нескольких лет работали в Пензенской, Воронежской и Екатеринославской губерниях, выезжали на эпидемии холеры. В селе Саксогань Екатеринославской губернии отец проработал хирургом более пяти лет, вплоть до 1909 года. Там же познакомился с моей матерью, Марией Брониславовной Гротто-Слепиковской. В 1905 году родители обвенчались, через год родилась моя сестра Ксения, затем я, после меня сестры Маша и Оля.

Появление на свет моей матери долгое время было окутано тайной. Никто из нас, детей, не сомневался, что наша мама — родная дочь бабушки Варвары Андреевны. Но кто был ее отец? Судя по отчеству — Брониславовна, — это не были ни В. Лутковский, ни А. Чуйкевич. Дважды я спрашивал: «Бабушка, а как звали маминного отца?» И оба раза был ответ: «Я не помню». Много позднее тайна приоткрылась. Когда в начале 70-х годов прошлого века умер первый муж бабушки — Лутковский, — ей не было и тридцати. Молодая богатая вдова покинула Малороссию и жила то в Петербурге, то в Москве. В эти годы в обеих столицах действовала шайка светских авантюристов под названием «Червонный валет». Это были представители «золотой молодежи», сынки оскудевших родителей, которым не хватало денег на кутежи и прочие дорогие удовольствия. Один из членов этой шайки, представитель дворянской семьи Алексеевых (имя так и не известно), сумел вскружить голову моей бабушке. Это обошлось ей в сорок тысяч рублей и ребенком в проекте. Спасаясь от преследования полиции, Алексеев уехал в Швейцарию. Влюбленная женщина последовала за ним, но в живых его уже не застала: Алексеев покончил с собой.

Тут в Женеве 9 октября 1874 года и родилась моя мама, там же и крещена. В метрике указаны ее родители: отставной штабс-капитан Бронислав Гротто-Слепиковский и законная жена его Софья Андреевна, урожденная Белокрысова. Таким образом, матерью ребенка вместо бабушки была записана ее сестра, а отцом вместо Алексеева — муж сестры.

В течение многих лет бабушка не видела свою дочь. Она воспитывалась в Белостокском институте благородных девиц, одном из передовых женских учебных заведений своего времени, закончила его с золотой медалью в 1891 году. Помимо французского языка, который она преподавала до 1902 года в Смольном институте в Петербурге, мама свободно владела немецким и итальянским языками, знала латынь, окончила курсы кулинарии. Только с семнадцати лет мама стала бывать в поместье у бабушки, и они полюбили друг друга.

Чувствуя себя виноватой за внебрачное рождение дочери, бабушка прибегла к средству, которое существовало в царской России специально для девушек, в чьей биографии не все было гладко, — требовалось представить ее ко двору. Принятая русской императрицей, она получала ту высшую аттестацию, после которой ни один самый родовитый, сановный дом не мог отказать ей в приеме. Вместе с мамой бабушка приехала в Петербург и, заказав придворные платья, записалась на прием ко двору. В назначенный день их принимали обе царицы сразу: вдовствующая императрица Мария Федоровна и царствующая — Александра Федоровна. Старшая сказала маме по-французски: «О, мадемуазель, вы так молоды!» Младшая молча улыбалась.

Свадьба отца с матерью едва не расстроилась за три дня до венчания, но совсем не по причине незаконного происхождения мамы (для отца это не имело никакого значения), а из-за крутого характера бабушки. В беседе отец осмелился в чем-то с ней не согласиться, и бабушка, стукнув кулаком, заявила: «Свадьбе не бывать!» Лишь вмешательство дедушки Александра Федоровича, который ездил к отцу извиняться, поправило дело.

Каждое лето до 1915 года мы, горячо любимые внуки, вместе с гувернантками жили в Дарьевке у дедушки с бабушкой.

...Именье деда было не так уж и велико: не то пять, не то девять тысяч десятин, — но это был знаменитый украинский чернозем, с его рекордными урожаями. (Крупнейший помещик в уезде князь Урусов имел сорок тысяч десятин).

Дед был идейным сторонником Столыпинской реформы и постепенно по дешевке распродавал свою землю «крепким мужикам»; ко времени революции у него оставалось немногим более трех тысяч десятин.

Приезжая с бабушкой в Крым, мы всегда жили на ее вилле «Маруся», в ней было 23 комнаты, хороший сад и еще маленький садовый домик, в котором любили жить отец с матерью.

Возвращаясь к моему деду, должен сказать, что он не лишен был некоторых странностей. В летние месяцы, по-зимнему одетый, включая обязательный башлык, под палящим южным солнцем, он ежедневно совершал большие пешие прогулки по степи в сопровождении своей любимой таксы по прозвищу Микри. Вернувшись, принимал горячую ванну, которую ему готовил камердинер Данила, надевал белую крахмальную сорочку, черный галстук-бабочку, сюртук и выходил к обеду. Обычно вся семья обедала на застекленной террасе, в особо жаркие дни — под деревьями и брезентовым навесом около дома. Пообедав, дед тут же за столом сам варил себе на спиртовке черный кофе в турецком медном кофейнике с длинной ручкой.

Изредка дед брал меня с собой на утренние прогулки. К полудню, изрядно устав, мы оказывались на краю местного кладбища, около фамильной часовни Чуйкевичей. Дед отпирал ее своим ключом, и мы заходили туда отдохнуть. В часовне висела только одна большая икона Божьей Матери с Младенцем, очень неплохо написанная сестрой деда Марией Федоровной.

В часовне же стоял простой сосновый гроб, который дед приготовил для себя. Гроб полон был свежего сена, и, сняв с него крышку, мы с дедом однажды отлично в нем подремали. Я имел неосторожность рассказать об этом бабушке, за что ему отчаянно попало от нее: как можно положить ребенка в гроб — дурная примета!

По воскресеньям мы с бабушкой ездили к обедне в Дарьевскую церковь в огромной карете, запряженной шестеркой лошадей. Во время службы стояли на отведенном для нас левом клиросе, первыми подходили к кресту. Более демократичный дед приезжал в своей скромной пароконной карете и в церкви стоял с прочими прихожанами. Бабушка искренне верила в справедливость и незыблемость российского общественного устройства, в меру занималась благотворительностью и лечила крестьян, но с прислуги спрашивала строго.

В доме торжественно отмечалось 31 августа — именины деда и мои, названного в его честь, — день святого равноапостольного князя Александра Невского. Поздравить деда съезжались все соседи-помещики с женами, детьми и домочадцами, с ночевкой и на два-три дня. Вечером в саду бывал фейерверк, взлетали затейливые ракеты. Стол сервировался в зале, повар Анисим Степанович творил чудеса. Коронным номером был торт огромного размера, называвшийся «Венский пирог», образованный неповторимым сочетанием мороженого, бисквитов, сбитых сливок, меренг, клубничного и вишневого варенья.

Безоблачное детство фактически кончилось с началом мировой войны. Радости, свойственные счастливому детскому возрасту, конечно, остались с нами, но возврата в мир патриархальной России, в котором прошли первые годы моей жизни, уже не было. Начало войны запомнилось мне таким: безлюдная степь вдруг до самого горизонта покрылась множеством черных фигурок — это военнообязанные брели на призывные пункты согласно указу о всеобщей мобилизации.

Уже в 1916 году, в связи с начавшейся разрухой на железных дорогах, в Дарьевку или в Крым мы больше не ездили.

Революционные потрясения не обошли Дарьевку. В декабре 1917 года дед привез из банка крупную сумму денег, чтобы расплатиться с сезонными рабочими. В ту же ночь прибывшая на лошадях группа бандитов попыталась проникнуть в дом, взломав парадную дверь. Слуги, которых в доме находилось немало, в страхе разбежались. Дед со свечкой зашел в спальню к бабушке и, сказав ей по-французски: «Это грабители!» — отправился открыть дверь — и был убит наповал. Когда бандиты вошли к бабушке с требованием открыть сейф в кабинете деда, ее единственным вопросом было: что с Александром Федоровичем? Бандиты ее успокоили, что он жив, просто связан, и бабушка без возражений отворила сейф. Сняв со стола скатерть, бандиты увязали в нее всю массу ассигнаций, серебро не взяли и с этим скрылись.

Для помощи в делах потерявшей от горя бабушке в Дарьевку приехал ее сын от первого брака, Михаил Викторович Лутковский, полковник царской армии.

С ним был денщик из числа местных крестьян по имени Василь, по характеристике Михаила Викторовича, изрядный бандит. В начале 1918 года политическая обстановка на Украине накалилась до предела, и Михаил Викторович откровенно говорил: «Или я убью Василя, или он меня», — оба были вооружены. Первым, конечно, стрелял Василь, и в феврале — марте 1918 года Михаил Викторович был убит. Смерть сына окончательно сразила бабушку, и она, бросив имя, сперва переехала жить к местному священнику, а затем — в Екатеринослав, взяв с собой только свою горничную Тасю — Таисию Васильевну Бакумец, из семьи дарьевских крестьян, с юных лет и до своей кончины прожившую в нашем доме.

Если смерть деда явилась результатом заурядного грабежа, то убийство М. В. Лутковского несомненно имело классовый характер. Местное крестьянство в лице Василия было заинтересовано в устранении дееспособного хозяина, каким мог быть М. В. Лутковский, предпочитая иметь дело с беспомощной старухой.

Немцы, занявшие в 1918 году эту часть Украины и сами ее грабившие, тем не менее стремились навести порядок. Они отыскивали бандитов, убивших деда, и повесили их. Но что могли немцы и все другие периодически сменявшиеся власти поделать с крестьянской стихией?

Бабушка пережила в Екатеринославе и Крыму все шестнадцать сменявших друг друга правительств и в 1920 году вместе с Тасей приехала к нам в Москву. Здесь в квартире моего отца она провела последние восемь лет — вплоть до своей кончины.

...Еще работая в земстве, мой отец в 1908 году защитил диссертацию в Московском университете на степень доктора медицины и год спустя переехал с семьей в Москву, поселившись вначале на Арбатской площади, а затем — на углу Арбата и Староконюшенного переулка, заняв квартиру на втором этаже только что отстроенного шестиэтажного дома. Здесь он и прожил до конца своих дней. Отец получил звание приват-доцента Московского университета, у него четко определилась специальность как хирурга-уролога и образовалась обширная частная практика. На ежедневном домашнем приеме бывало по 30 — 40 больных, что было трудно в условиях не приспособленной к этому квартиры. Взяв деньги под залог и заняв у многих родственников и знакомых, отец в 1913 году купил участок земли на Большой Молчановке и начал строительство четырехэтажной хирургической лечебницы. На втором этаже, согласно проекту архитектора Н. Жерихова, располагалась квартира доктора, на четвертом этаже, имевшем застекленный потолок, — операционная. При закладке здания был совершен молебен, и в каждый угол фундамента, по обычаю того времени, заложили по золотому, один из них я положил сам. Строительство закончилось в 1914 году, за границей было закуплено все необходимое оборудование, инструменты и белье, но из-за начавшейся войны как лечебницу, так и личную квартиру отец предоставил под госпиталь, в дальнейшем существовавший на средства Московского бегового общества.

Во время войны отца мобилизовали, он имел чин подполковника, но в действующую армию не попал, а работал хирургом в эвакуационном госпитале на Ходынке.

* * *

Раньше чем попасть в 1918 году в свою Алферовскую гимназию, я проделал сложную эволюцию. Читать, а затем и писать мои сестры и я научились дома очень рано, уже в четыре-пять лет, немецкий язык знали с рождения, учили французский. Школьный курс в объеме подготовительных классов мы проходили на дому с приглашенными для этого учителями.

Дополнительно брали уроки музыки, а по воскресеньям приходил учитель танцев, балетмейстер Большого театра Домашев. В эти дни в нашей гостиной собирались 10 — 12 знакомых детей, включая его дочку Наташу — ученицу балетной школы, а за роялем сидел профессиональный тапер во фраке. Сестры мои делали в музыке успехи, я же был совершенно безнадежен. Наконец родители поняли бесполезность моих занятий, и я был освобожден от ненавистных уроков музыки.

Весной 1917 года, уже после Февральской революции, меня отдали на месяц в третий подготовительный класс частной мужской гимназии Флерова, в Мерзляковском переулке, у Никитских ворот, где мне предстояло в дальнейшем пройти обучение. Родители были знакомы с ее владельцем и директором А. Ф. Флеровым и доверяли ему. Однако во Флеровскую гимназию осенью 1917 года я не попал: родители увлеклись идеей дать мне «английское» воспитание и отдали меня в первый класс загородной школы-интерната О. Н. Яковлевой на станции Голицыно. Преподавание в этой лесной школе шло на английском языке, у нас были два воспитателя-англичанина — мистер Бэр и мистер Олькотт, которые играли с нами в футбол, — и учительницы-англичанки. В школе царил строгий режим, в дортуарах — собачий холод. По английским нормам, мы спали при открытых окнах; в связи с начавшимися продовольственными затруднениями кормили нас очень посредственно. По субботам вечером учащихся отпускали домой, в Голицыно мы возвращались в понедельник рано утром. Все это мне, избалованному домашними условиями, нравилось не очень, поэтому еще с вечера в воскресенье я начинал хныкать, под разными предлогами уговаривая оставить меня на неделю дома. И мама, жалея бедного мальчика, это разрешала. В своей очередной

приезд, когда пришло время возвращаться в интернат, я поднял отчаянный рев, был оставлен дома и в итоге оказался свидетелем большевистского переворота в Москве.

Известно, что Февральская революция в Москве совершилась весьма мирно, в обстановке общего ликования, в то время как в Петрограде несколько дней шли уличные бои, пылали пожары и было много убитых.

В противоположность этому Октябрьский переворот в Москве сопровождался кровопролитными уличными боями, длившимися более недели, с применением артиллерии, с множеством убитых и раненых. Кремль и Арбат были заняты юнкерами Александровского военного училища, составлявшими опору Временного правительства. В подъезде нашего дома стоял самовар, и местные дамы поили юнкеров чаем. У Никитских ворот несколько дней горели два здания — их никто не тушил. На моих глазах в окно соседнего дома попал артиллерийский снаряд, подняв облако дыма и кирпичной пыли, но не разорвался. По Староконюшенному переулку к военному госпиталю грузовые автомобили подвозили окровавленных раненых. Отец все эти дни находился в госпитале в Камергерском Переулке, куда уже с вечера 25 октября начали поступать раненые.

После того как бои закончились, мы пошли осматривать разрушения. Несколько снарядов попало в принадлежавший отцу дом на Б. Молчановке, где помещался военный госпиталь. Оба здания у Никитских ворот сгорели полностью.

* *

Лесная школа в Голицыне постепенно опустела, англичане уехали на родину. Учебный год я заканчивал дома.

Осенью 1918 года, после короткого экзамена, я поступил во второй класс бывшей Алферовской женской гимназии, которая с этого времени стала смешанной. Уже год в этой школе училась моя старшая сестра Ксения, теперь мы оказались с ней в одном классе. Первоначально в нем было 15 — 20 девочек и только 10—12 мальчиков, но постепенно соотношение выравнилось.

Выбор школы, в которой учились дети, в те годы определялся личными вкусами родителей, что нередко приводило к курьезным результатам. В нашем Староконюшенном переулке находилась отличная школа, бывшая мужская Медведниковская гимназия. Но родители предпочли отдать меня в бывшую Алферовскую женскую гимназию, находившуюся сравнительно далеко, в 7-м Ростовском переулке, на Плющихе. Большинство моих соклассников жили на Арбате или на Плющихе, но Андрюша Пестель — на Новинском бульваре, у Кудринской площади, Миша Муратов — в начале Остоженки, Рая и Шура Ветчинкины — в Замоскворечье, а сестры Нольде ходили в Алферовскую школу без малого через весь город, из района Бутырской заставы. Таков был выбор родителей!

...В 1914 году мама вступила в члены благотворительной организации с длинным названием Московское общество жен врачей для оказания помощи лицам медицинского звания, пострадавшим от военного времени, менее чем через год она стала его председателем. Устроившись в 1919 — 1920 годах на работу в Московский губсовнархоз, возглавлявшийся Инессой Арманд, она очень быстро стала ее помощницей. Всеобщим уважением мама пользовалась в школьном родительском комитете, а в 1921 году, не имея специального опыта, успешно заведовала хозяйством Хлебниковской детской колонии нашей школы. Одним словом, за что бы мать ни бралась — добивалась во всем успеха. До революции в доме держали кухарку и горничных, но мама великолепно умела готовить, включая самые изысканные блюда по французским рецептам. А когда отец в 1919 году заболел сыпным тифом и несколько месяцев был нетрудоспособен, она взяла на себя содержание семьи, смело, еще до нэпа, пойдя на организацию торговли жареными пирожками. Сырье покупалось у спекулянтов, мама готовила сотни пирожков, а наша гувернантка Берта Васильевна и мамина подруга Екатерина Львовна торговали ими на Смоленском рынке, нередко спасаясь бегством от облав.

Мамины горячие пирожки с картошкой и жареным луком шли нарасхват. Ну а члены семьи могли есть их досыта. А в нашей семье одних детей было пять человек, включая двоюродного брата Васю, моего ровесника, сына дяди Аркадия. Позднее, пока здоровье отца не восстановилось, мама работала поденщицей в овощном совхозе Хлебниково, уступив приготовление обеда Берте Васильевне, которую она же этому обучала. В то лето коронным блюдом у нас был «горячий винегрет» из овощей, которые мы выращивали на своем дачном огороде. В феврале 1922 года мама умерла от рака в возрасте сорока семи лет.

* * *

Учебный 1918/19 год в нашей 11-й опытно-показательной школе **МОНО** начался под управлением Александры Самсоновны Алферовой, бывшей владелицы и директора гимназии. Ее муж, Александр Данилович, филолог и автор известного учебника русской литературы (Алферов и Грузинский), преподавал только в старших классах.

Утром мы собирались в школьном зале, и Александра Самсоновна держала перед нами назидательные речи различного содержания.

«Дети мои, утренняя молитва теперь отменена, и мы с вами взамен этого будем в этом зале просто здороваться. Итак, начнем сегодня. Здравствуйтесь, дети!» В ответ раздаются нестройные голоса. «Еще раз. Здравствуйтесь, дети!» — и мы дружно отвечаем: «Здравствуйтесь, Александра Самсоновна!»

Или: «Дети мои, как вы знаете, теперь в доме прислуги нет, и потому вы должны ежедневно сами чистить свою обувь. Посмотрите, Александр Данилович сам чистит свои ботинки, и они у него блестят». У присутствующего здесь же Александра Даниловича на ногах заграничные лаковые туфли, так называемые пёмсы, которые не требуют ни ваксы, ни щетки. Возможно, Александра Самсоновна этого не знает, но какое это имеет значение, важна идея!

Состав преподавателей Алферовской школы во всех отношениях отличался высоким уровнем: здесь не было посредственностей. В течение ряда лет физику преподавал молодой профессор МГУ Б. К. Млодзеевский, в седьмом классе психологию вел известный философ-идеалист, переводчик Гегеля Густав Густавович Шпет, историю — Сергей Владимирович Бахрушин. Русскую литературу несколько лет подряд нам читала Елизавета Николаевна Коншина, профессиональный литературовед. Ее родителям, миллионерам Коншиным, принадлежал особняк на Пречистенке, где ныне находится Дом ученых, пристроено только здание конференц-зала. Обширные циклы лекций по истории музыки у нас вел профессор Московской консерватории, будущий народный артист СССР А. Б. Гольденвейзер. Этот перечень можно продолжить.

А. Д. Алферов был членом партии кадетов, но политической деятельностью не занимался. В августе 1919 года А. С. и А. Д. Алферовы были арестованы ЧК в школьной колонии Болшево, под Москвой, доставлены на Лубянку и без суда расстреляны.

Нашей классной руководительницей первый год была учительница Елена Егоровна Беккер, требовательная и весьма аккуратная немка, за цвет своего платья прозванная нами «лиловой крысой».

Я до сих пор задумываюсь над правилами расстановки запятых: когда в 1919 году мы проходили знаки препинания, я со своими товарищами ходил в соседнюю школу за супом, который в громадных бидонах мы привозили в гимназию. Суп был жиденький, из воблы с пшеном, а к нему — кусок ржаного хлеба, но как все это было вкусно!

...Москва эпохи военного коммунизма: все бесплатно — хлеб по карточкам, 50 граммов в день на обывателя и на детей, часто это бывал суррогат. Дома зимой не отапливались, водопровод и канализация замерзали, электричество горело тускло или не горело совсем, трамваи не ходили. На улицах лежали сугробы снега, и только посередине тянулась узенькая тропинка, по которой граждане РСФСР двигались с санками и рюкзаками. Из форточек дымили трубы буржук, в них при недостатке дров жгли книги и мебель. В нашей квартире печуркой отапливались две комнаты из девяти — спальня родителей и детская. Я жил на морозе.

Отец получал 800 граммов хлеба в день как красноармеец и паек — нечто мифическое и нерегулярное. Иногда это могло быть сразу 50 — 60 килограммов отличного изюма (прорвался эшелон из Ташкента) или 80 — 100 килограммов превосходных антоновских яблок (из Белоруссии), чаще — вобла, скверное хозяйственное мыло и в изобилии серные спички. Качество этих спичек красочно характеризовало ходившее в то время четверостишие: «Спички шведские, головки советские, пять минут терпения, три минуты трения, две минуты вонь — и секунду огонь». При зажигании от них действительно шел удушливый запах сернистого газа и появлялся крошечный ярко-голубой огонек, который часто тут же гас. В рации большое место занимали вобла, мороженая картошка и, кому повезло, конина. По личному приглашению Троцкого отец лечил его родителей: для поездки в Кремль тот присылал свой автомобиль, но за визиты ничего не платил. Нам повезло: потребовалась медицинская помощь жене шофера Троцкого — за это отец получил пуд белой муки. Иногда получали посылки АРА (American Relief Administration). Младшую сестру Олю подкармливала Лига спасения детей, старшие уже не подходили для этого по возрасту.

В годы военного коммунизма мы завели кроликов, поселив их в кладовке с дровами в нашей арбатской квартире. Вскоре эти кролики ушли в глубь штабеля, где размножились, но были недосыгаемы. Наши родственники Акимовы, жившие на третьем этаже университетского дома на углу Шереметьевского переулка и Б. Никитской, держали в ванной гуся, а на кухне — свинью.

В бывшем магазине «Мюр и Мерилиз» на Петровке москвичам в один из дней 1919 года бесплатно выдавали шапки; мне, конечно, потребовалось ее получить. Очередь за ними начиналась на первом этаже, вилась по лестнице мимо пустых, пыльных и частью поваленных прилавков, но шла быстро. На четвертом этаже из огромных тюков каждому подошедшему вручалась шапка, документов не требовалось, счастливцев отходил, давая дорогу следующему. Шапки были из невыделанного зайца; спрессованные, они трескали, как сделанные из жести, и рвались, как бумага. Я гордо принес эту шапку домой, но мама отобрала ее у меня и выбросила в помойку. Эсеровские газетки, до их закрытия, в те годы печатали частушки: «О коммуне наше слово, Ильичу пою куплет, вышиваю я милому левантиновый жилет. Нет ни свеч, ни керосина, в темноте сидит семья, догорай, моя лучина, догорю с тобой и я». Или: «Нет чугунки у нас боле... еду, еду в чистом поле, колокольчик динь-динь-динь». Заканчивались они пушкинскими строчками, обращенными к советской власти: «И прекрасны вы некстати, и умны вы невпопад».

В 1919 году половину нашего шестиэтажного дома по вертикали занял Четвертый территориальный полк Красной Армии. Всем буржуйам из нечетных номеров квартир приказано было в двадцать четыре часа переехать в четные.

Солдаты этого полка ходили по улицам толпой, без строевого построения, винтовки носили на ремне дулом вниз, чтобы ничем не походить на старую армию. Командиром у них был царский офицер Фитгоф (барон), который вместе с сыном (моих лет) поселился у меня в комнате, реквизированной для этого. Каждый вечер солдаты собирались во дворе и хором пели «Интернационал».

...Зимой потоки замерзшей мочи и кала сплошь покрыли ступеньки обеих лестниц нашего дома, от подвала до шестого этажа. На всю жизнь мне запомнился красноармеец, который держась за штаны бегал по черной лестнице между вторым и третьим этажами с криком: «Где у вас тут уборная, сейчас здесь... сяду», — бедняге было, видимо, не до шуток. Как выход, интеллигентные жильцы оправлялись на газетку и, сделав пакет, выбрасывали его через форточку на Арбат. На головы пешеходов эти пакеты не падали — тропинка шла посередине улицы. (Маяковский, как известно, с Мясницкой улицы ходил в уборную на Ярославский вокзал; см. поэму «Хорошо».)

Весной, по приказу Хамовнического совдепа, моя мать как неработающая буржуйка (четверо детей и муж-врач) была обязана скалывать лед с улицы. Вместо нее пошли отец (хирург, который обязан беречь свои руки) и я. Рядом ломали работали жившие в нашем доме бывший фабрикант-кондитер Абрикосов, старик в шубе с котиковым воротником-шалю, и режиссер А.А. Санин. Помню, отец спросил его: «Как поживаете, Александр Акимович?» — на что последовал ответ театральным шепотом: «Голодаю», — но вид у него был цветущий. А.А. Санин был женат на чеховской Лике Мизиновой, жили они в нашем доме на четвертом этаже до своей эмиграции в 1922 году.

За годы военного коммунизма население Москвы, быстро возросшее в начале Первой мировой войны за счет притока промышленных рабочих и беженцев из западных губерний, резко сократилось — с 2,5 млн. человек в 1916 году до менее 1 млн. к концу 1920 года. Это был результат голода, тифа, красного террора и гражданской войны.

* * *

С третьего класса нашим бессменным классным руководителем стал Сергей Владимирович Бахрушин, ученик В.О. Ключевского, профессор МГУ, а позднее член-корреспондент АН СССР. Сергей Владимирович очень заинтересовался фамилией моего друга Андрюши Пестеля и при его участии провел тщательное исследование с целью установления возможных родственных связей со знаменитым декабристом — полковником П.И. Пестелем. Отец Андрюши, Евгений Альбертович, врач, в начале 1919 года умер от сыпного тифа, но еще была жива бабушка, и удалось рассмотреть всевозможные документы. Исследования показали, что никакого родства Андрюшина семья с мятежным полковником не имеет, эти семьи только однофамильцы. И Сергей Владимирович, и Андрюша были этим слегка огорчены, но ничего не поделаешь — результат разысканий следует считать вполне достоверным. Мы с Андрюшей все школьные годы сидели за одной партой, и я был в курсе этих исследований.

Андрей был блестяще образованный, замечательно талантливый человек, великолепный музыкант, свободно владел французским языком — его дед со стороны матери был француз, Ефрем Дезидериевич Байи, по специальности химик. В девятнадцать лет Андрюша в Обществе московских пушкинистов перед свечами того времени выступал с докладом о влиянии французских новеллистов XVIII века на создание Пушкиным «Капитанской дочки». Все его друзья, в том числе и я, были на этом докладе. Андрюша держался безупречно, был красив и смертельно бледен.

В наши школьные годы большую роль в жизни мальчиков играла организация бойскаутов, гордо названная нами — Первая независимая московская скаут-команда. Ядро ее составляли юноши на один-два класса старше меня и мои одноклассники. Юра Ильин был командир, Федя Ростопчин, Шушу Угримов, Володя Бурман, Женя Демин, Виктор Усов — патрульные, мы — рядовые скауты, самый маленький — Ленья Клещев — являлся барабанщиком. В школе имелся и отряд гёрлскаутов, его командиром был Генька Снесарев — сын генерала, отчаянный фат и пижон, его помощница — Татьяна Муравьева, по прозвищу «Россинант». Девочек-скаутов было очень немного.

Скаутская организация возникла в Англии в конце прошлого века, в России — в начале текущего столетия, до революции. Бойскауты носили форму, галстуки у них были синие, эмблема — бургонская лилия, девиз (приветствие) — «Будь готов!», отзыв — «Всегда готов!». В 1922 году в СССР бойскаутов объявили буржуазной организацией, и ее формирования оказались распущены. Взамен создали Всесоюзную пионерскую организацию, во многом, включая гимн «Картошке», повторившую бойскаутов, но изменилась эмблема, и галстуки стали красными.

Скауты носили посохи и особые шляпы, имели множество знаков различия, ходили по улицам строем под барабан, каждый день обязаны были делать какое-либо доброе дело. Школьное начальство выделило нам особую комнату, где мы могли собираться, здесь хранилось имущество отряда и его знамя. Но в деятельность скаутов старшие никак не вмешивались.

Не было ни одного вида спорта того времени, которым бы скауты ни занимались. Это — и упражнения на кольцах, на турнике и на брусках, бег и прыжки, бокс, фехтование на рапирах, рубка на эспадронах, зимой — коньки и лыжи, летом — футбол, городки и плавание. По каждому из этих видов устраивались соревнования и устанавливались нормы, приобретались и различные специальности: санитар, электрик, морзист и др. Все это определяло, несомненно, полезную сторону скаутского движения, воспитывало самостоятельность и дисциплину. Моральными заповедями скаутов были: товарищество, неспособность к доносу и клевете, рыцарское отношение к женщинам, любовь к животным, помощь слабым и старым; существовал особый праздник — «день матери» и т. п. Это вовсе не значит, что мы являлись образцами добродетели: каждый из нас в отдельности и все вместе были отчаянными озорниками, способными на любые мальчишеские выходки, уличные драки и хулиганство.

Очень рано мы с моим другом Володькой Листом, жившим в двух минутах ходьбы от нас, пристрастились к домашней электротехнике, моя комната превратилась в настоящую мастерскую. В ней постоянно устраивались различные эксперименты.

Результатом нашего увлечения электротехникой было занятие, получившее выразительное название «электросвинчивание». Где только возможно мы похищали бездействующие домашние телефоны, номераторы для вызова прислуги в многокомнатных квартирах, различные коммутаторы, выключатели и счетчики, если это не угрожало аварией. Все это сносилось ко мне и при случае могло использоваться. Отвертки всегда имелись при себе. Когда в Москве наступил долгий перерыв в подаче электроэнергии, мы не пощадили даже собственной школы, сняв электропроводку в своем классе. Пропажа быстро обнаружилась, и, призванные к ответу, мы честно признались, что это наша работа. За подобные дела мы оба подлежали исключению из школы, но было принято весьма разумное решение: от нас потребовали восстановления всей снятой проводки, что мы быстро и добросовестно сделали.

В советской трудовой школе, как известно, преподавание Закона Божьего было прекращено. С целью восполнить этот пробел зимой 1918/19 года родители организовали для нас занятия этим предметом на квартире Петрушевских в 3-м Неопалимовском.

Вел эти занятия бывший законоучитель Алферовской гимназии, настоятель церкви Николы Явленного на Арбате отец Александр Добролюбов, позднее его арестовали и приговорили к десяти годам заключения в лагере, свой срок он отбывал на строительстве Беломорканала. Второй священник этой церкви, отец Василий, был расстрелян по делу Патриарха Тихона. Внешкольные занятия Законом Божиим никого из нас религиозным не сделали. Однако основные молитвы, десять заповедей Моисея и Символ веры я помню до сих пор. Легкость и прочность запоминания — это преимущества раннего возраста! Многие стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Гумилева, Маяковского я помню наизусть до сих пор, включая строчки из «Макса и Морица» на немецком языке или известные стихотворения Г. Гейне «Lorelei» и о двух гренадерах.

В школе нам привили любовь к Гомеру и античности, к русской и мировой истории, но попытки внушить интерес к Расину и Корнелю, Тредьяковскому и Державину мы отвергли. Общий диапазон имен и литературных сведений, которые нам сообщали на уроках, был значительно шире, нежели в современных школьных программах. Без малого всего Шекспира, Мольера и Островского мы пересмотрели в театрах, не говоря уж о «Горе от ума» и «Ревизоре». Кстати, в связи с бессмертной комедией Грибоедова вспоминается один школьный эпизод. Как водится во всех порядочных школах, мы периодически писали домашние сочинения на заданные темы. Это могли быть «Образ Бориса Годунова», «Судьба Катерины» из «Грозы» или поэзия Некрасова. В очередной раз тема была «Горе от ума». Возвращая через несколько дней после проверки исписанные нами тетрадки, наша Ольга Николаевна Маслова была бледна от негодования. В одной руке у нее была стопка наших тетрадей, в другой — одна-единственная тоненькая тетрабочка. «Дети мои, — сказала она, — вашими работами я довольна, в конце урока ваши тетрадки я вам верну с моими замечаниями и оценками. Но одну работу, которую написал Юра Эйбушитц, я вам сейчас прочту». За давностью лет я уже не помню, что именно содержалось в этом довольно коротком сочинении, но заканчивалось оно нахальной фразой, которая, очевидно, и потрясла учительницу: «Впрочем, пьесу Грибоедова «Горе от ума» я не читал». У каждого из нас существовали, конечно, свои вкусы, но на подобную выходку были способны только Юра Эйбушитц и его закадычный друг Кирюша Фохт. Их дерзкое поведение вызывало у нас смешанные чувства осуждения и восхищения.

Говорить о коллективных литературных вкусах моих сверстников, естественно, невозможно, ограничусь только своими личными. В области русской литературы они были традиционными, воспитанными бабушкой, родителями и школой. От «Повестей Белкина», «Дубровского», «Капитанской дочки» и «Героя нашего времени» — к Н.В. Гоголю и И.А. Гончарову, а затем к Л.Н. Толстому, Ф.М. Достоевскому и, конечно, к А.П. Чехову. Именно А.П. Чехов наряду с А.Н. Толстым (первые семь томов из пятнадцати, издания 1946 — 1953 годов) на всю жизнь останутся для меня самыми любимыми писателями. Между делом читались книги Лажечникова, «Князь Серебряный» А.К. Толстого и многие сотни других, включая Лидию Чарскую, Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, А.И. Куприна, В.В. Вересаева, И.А. Бунина, Пантелеймона Романова и т. д. Из этого числа надо выделить Илью Эренбурга, роман которого «Хулио Хуренито» (1922) в свое время произвел на меня неизгладимое впечатление, освободив от многих иллюзий. Эту книгу я до сих пор считаю «библией современности» и бережно храню ее экземпляр с предисловием Н.И. Бухарина. В части зарубежной литературы читали Ч. Диккенса, Вальтера Скотта, Фенимора Купера и Джека Лондона, минуя Ж.Ж. Руссо, Жорж Санд и В. Гюго, отдавая свои предпочтения Анатолию Франсу, Э.Т.А. Гофману и Оскару Уайльду. Неоднократно перечитывая по-русски «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, я не поленился прочесть его в подлиннике и в переводе на французский язык, а отдельные сцены из «Восстания ангелов» А. Франса я до сих пор могу пересказывать наизусть.

К этому далеко не полному перечню я могу добавить прочитанные в юношеские годы мильтоновские «Потерянный» и «Возвращенный Рай», поэмы Лукреция Кара «О природе вещей» и Ариосто о Роланде, книги Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, «Философские повести» Вольтера и многие-многие другие, характеризующие широту интересов, которые с годами резко сужаются. Добавлю, что по собственной инициативе, желая расширить свое «классическое образование», я в 1924 — 1925 годах брал частные уроки латыни у безработного профессора МГУ Сергея Порфирьевича Гвоздева, жившего в одном из арбатских переулков. Плата за уроки латыни была установлена один рубль в час, сам же я давал уроки высшей математики какой-то отстающей студентке первого курса одного из вузов с оплатой шестьдесят копеек в час. Больших успехов в изучении латыни я не достиг, так как ленился готовить уроки, и в конце концов бросил эту затею.

Решающую роль для меня сыграло осенью 1922 года знакомство с Николаем Сергеевичем Акуловым, которого по рекомендации проф. П.И. Мартынова отец пригласил руководить моими домашними занятиями по математике. Он не был для меня репетитором, которых донине приглашают для подготовки ленивых и туповатых школьников. Быстро пройдя со мной программы предстоящих шестого и седьмого классов школы, Николай Сергеевич перешел к высшей математике в объеме первого курса технических вузов, и занятия с ним были для меня увлекательными и интересными.

* * *

Район Арбата в первые годы нэпа жил своей особой жизнью. Утром здесь можно было встретить старого холостяка, члена-корреспондента Академии наук Сергея Ивановича Соболевского, в ночных туфлях, с фарфоровым кувшином в руках идущего за молоком; вместе с писателем В.В. Вересаевым я рассматривал у «холодного» букиниста на углу Денежного переулка скандальную книгу переводов любовных стихов латинских поэтов Валерия Брюсова «Еготораегния» — она стоила 100 рублей (а я получал в 1924 году 40 рублей в месяц). На Арбате было шесть церквей и столько же пивных, ходили три трамвая, курсировали извозчики — все это в 30-е годы исчезло. Достопримечательностью была нищенка княгиня Дембская, которая просила милостыню по-французски.

Лечебницу, построенную отцом на Б. Молчановке, национализировали, отца как домовладельца лишили избирательных прав, списки «лишенцев» вывесили в нашем подъезде.

В 1924 году, когда денежная единица стабилизировалась, знакомые, у которых отец одолжил деньги на строительство лечебницы, напомнили ему о долгах, и он, как честный человек, стал ежемесячно их выплачивать. Делал он это в течение шестнадцати лет и выплатил всю сумму незадолго до своей смерти в 1940 году.

Жильцы нашего буржуазного дома, в недавнем прошлом с ливрейным швейцаром в подъезде, с красным ковром от входа до квартир на втором этаже и внутренними телефонами, по которым швейцар сообщал о посетителях, с первых месяцев революции панически боялись своего истопника Василия Блинова, жившего с женой Дуняшей и детьми в подвале дома. В нем они справедливо видели своего возможного сурового и нежелательного «уплотнителя». Более предусмотрительные владельцы квартир проводили «самоуплотнение», поселяя по выбору своих знакомых, приезжих или москвичей, почему-либо нуждавшихся в жилье, — ограничений в этой части не было. Однако такие меры мало помогали, и обширные квартиры «буржуев» дополнительно заселялись в принудительном порядке — по ордерам совдепа, что грозило неожиданностями. Так, в порядке «самоуплотнения» в нашей квартире отец отдал две комнаты семье Полосиных — это были молодой историк Иван Иванович, его мать и две сестры. В квартире было девять комнат, в том числе два врачебных кабинета отца, теперь в ней жило пятнадцать человек. Но и это не избавило нас от дальнейшего принудительного уплотнения. Вскоре реквизировали мужской приемный кабинет отца, в который после его превращения в трехкомнатную квартиру въехал с семьей партийный деятель В.П. Бельгов — типичный Шариков, пренебрежительный тип.

Далее была реквизирована гостиная — ордер на нее получила семья шофера с женой-неряхой и двумя малыми детьми, наполнившая нашу квартиру отвратительными запахами заношенной одежды, лука и пеленок. В заключение реквизируют нашу столовую, половину которой после ее раздела получил военный прокурор С.Н. Степаненко, член партии до 1917 года, юрист, бывший офицер, пьяница и, в общем-то, добрый малый. В период октябрьских боев он командовал артиллерийской батареей, обстреливавшей Кремль, занятый юнкерами. Добавлю, что позднее в двух комнатах, образованных из нашей столовой, жили три семьи — две из них судились между собой за право владения жилплощадью. Таким образом, к концу 20-х годов в квартире отца стало двенадцать комнат и она превратилась в типичную перенаселенную советскую коммуналку, мерзость которых известна тем, кто в них жил. Комнаты со временем меняли своих хозяев. В отдельные годы население квартиры доходило до 28 человек, сейчас в ней все еще живет шесть семей.

Время шло, а Василий-истопник все продолжал с семьей жить в подвале. Через несколько лет он умер, а Дуняша, как и раньше, работала приходящей прачкой у жильцов нашего дома. Однажды в разговоре со мной она посетовала, что всю жизнь живет в подвале и теперь (нэп) уже никогда из него не выберется. «Сколько раз после революции нам предлагали в совдепе: «Товарищ Блинов, хотите, мы дадим вам ордер на две комнаты в любой буржуйской квартире, выбирайте...». Но мой Вася, он ведь такой был тихий, говорил мне: «Дуня, ну как это мы поедем к ним жить, они ведь господа...» Оказывается, страх «буржуев» перед пролетарием-истопником был напрасным, он сам перед ними робел.

Нэпмановская Москва: как по волшебству открылись магазины, парикмахерские, рестораны, Сандуновские бани, бега, появились лихачи, проститутки толпами ходили вечерами по Тверской, сверкали огнями кафе, кинотеатры и кабаре. На улицах, где в пустых, запыленных и нередко разбитых витринах бывших магазинов еще недавно бегали огромные крысы и понуро на одном крюке висели проржавевшие вывески, вдруг возникли самые различные товары. Хорошо помню первый новый магазин в начале Арбата, напротив ресторана «Прага». В его витрине выставили большое блюдо с белыми французскими булками и глыбу сливочного масла, килограммов на двадцать. Около него целый день стояла толпа зевак, завороченно взиравших на эти чудесные предметы, невиданные уже три года. Цены были астрономические, но счет давно уже шел на миллионы, несмотря на неоднократные деноминации денег.

...Мои школьные товарищи и я, все мы в самом прямом смысле были дети Арбата, понимая под этим обширную территорию, заключенную между Тверской улицей на северо-востоке и излучинами Москвы-реки на юго-западе. Но как сильно наше поколение отличалось от героев известного романа Анатолия Рыбакова, будучи старше тех всего на три-четыре года. Большинство моих сверстников, и я тоже, в свое время были бойскаутами, герои Рыбакова, подрастая, становились комсомольцами; мы же ориентировались на поколение своих отцов, которые в абсолютном большинстве оставались беспартийными. Не потому ли в двух наших параллельных классах единой трудовой школы выпуска 1924 года была всего одна комсомолка — Лена Швецова, которая предпочитала это не афишировать.

Характерно, что на выпускной фотографии нашего класса на стене можно видеть репродукцию Сикстинской Мадонны. Все иконы, конечно, были сняты, но я не ошибусь, если скажу, что к тому моменту ни одного портрета революционных деятелей или советских вождей в здании школы еще не вывешивали.

В дореволюционных русских гимназиях был одиннадцатилетний срок обучения: три подготовительных класса и восемь основных. Сразу после Октябрьской революции восьмой класс старых гимназий ликвидировали, и выпускным стал седьмой класс при общей продолжительности обучения десять лет.

Преподаватели классической гимназии царского времени, обращаясь к ученикам восьмого класса, могли говорить по-разному: многие — «господа гимназисты», священник-законоучитель — «сыны мои», учителя латыни и греческого (а эти языки преподавались чуть ли не все восемь лет) — «господа абитуриенты», имея в виду их близкий выход из учебного заведения. Во всем цивилизованном мире именно в этом смысле употребляется слово «абитуриенты», абитуриентным называется выпускной экзамен, от латинского слова «abi-turiens».

Меня на выпускной фотографии нет: за год до окончания школы, сдав вступительные экзамены, я поступил на первый курс электропромышленного факультета Института народного хозяйства имени Карла Маркса, позднее он стал называться имени Г.В. Плеханова. До революции это был Коммерческий институт имени цесаревича Алексея — с превосходными аудиториями, современным оборудованием лабораторий и передовой профессурой. В последующем из него выделился самостоятельный Московский энергетический институт, первоначально носивший имя В.М. Молотова, один из крупных вузов Москвы.

В вуз принимали с шестнадцати, мне же в 1923 году было только пятнадцать лет. Эту трудность я легко преодолел, заявив в милиции об утере метрического свидетельства и получив удостоверение с нужным мне годом рождения. Спустя несколько лет я восстановил свой истинный возраст — по церковной метрике, которая у меня сохранилась до сих пор.

В декабре началась первая экзаменационная сессия. Лекции кончились, и некоторые профессора назначали прием экзаменов по предварительной договоренности со студентами. К числу их относился всеми уважаемый профессор Николай Николаевич Бухгольц, читавший курс теоретической механики. Студенты знали, что Николай Николаевич живет на Арбате и по субботам ходит ко всеобщей в ближайшую к нему церковь св. Николы Плотника. Церкви этой уже нет, на ее месте теперь магазин «Диета», но название Плотников переулок сохранилось. Инициатива в переговорах с Н.Н. Бухгольцем принадлежала моему более опытному товарищу Роману Бурману, и в последнюю субботу декабря мы отправились в церковь. Как сын царского генерала, поступить в институт Ромка не мог и был вольнослушателем.

Всенощная закончилась, но Н.Н. Бухгольц в церковном стихаре еще ходил по церкви и специальным приспособлением гасил лампы. Дождавшись конца этой операции, мы подошли к нему со своей просьбой — назначить день экзамена. Ответ был предельно любезный: «Милости прошу ко мне домой 31-го числа к такому-то часу», — профессор не сомневался, что перед ним порядочные молодые люди, раз уж они пришли в церковь. Мы хорошо подготовились к экзамену, в назначенный день получили по пятерке и, радостные, отправились каждый в свою компанию — встречать Новый, 1924 год. Читавший на физмате МГУ общий курс высшей математики выдающийся ученый, академик Н.Н. Лузин (я его слушал в 1925 году) тоже жил в одном из арбатских переулков и ходил в храм Николы на Песках.

Мои родители были прихожанами церкви Николы Явленного на углу Арбата и Серебряного переулка. Все эти церкви были снесены в 30-е годы — «добыча кирпича по заветам Ильича», как говорили тогда в народе.

Для характеристики профессуры того времени можно вспомнить, что будущий академик и Герой Социалистического Труда математик П.С. Александров особо доверенным студентам давал известную книгу С. Нилуса «Протоколы Сионских мудрецов». По принципу «прочти и передай товарищу» из вторых рук получил ее и я. Это вовсе не значит, что кто-либо из нас был склонен к религиозности, напротив, в духе времени все мы были активными атеистами, и уже в десять лет я носил в петлице портрет Карла Маркса.

Высокая деловая активность населения, связанная с нэпом, отразилась и на нас — моих друзьях и соклассниках. С начала нэпа мы брались за самые различные работы: пилили и кололи дрова, сбрасывали снег с крыш, занимались электропроводкой, разносили рекламные объявления нэпманов, паяли кастрюли.

По заказу ювелира М.В. Кишеневского, занимавшего противоположный к нам угол Арбата и Староконюшенного переулка, я оборудовал его магазин скрытой сигнализацией на случай нападения грабителей — словом, недостатка в заказчиках не было.

Заработанные деньги мы тратили по усмотрению: ходили в кино, кое-кто начал курить, покупали книги, иногда сладости, ездили на извозчиках, частью пропивали. Впрочем, в кино ходили преимущественно без билетов. Для этого с помощью Володи Бурмана мы освоили вход через подвал в арбатский кинотеатр в бывшем особняке известных книгоиздателей Сабашниковых: минуя контролеров, мы сразу попадали в зал. Позднее в нем находился театр Вахтангова, во время Великой Отечественной войны это здание при воздушном налете было разрушено фугасной бомбой и затем полностью перестроено. На Арбате существовало еще три кинотеатра: «Художественный», «Карнавал» и «Арс» — последний в том огромном доме № 51, во дворе которого жили рыбаковские дети Арбата. Сейчас сохранился только дореволюционный «Художественный», бывший Ханжонкова.

Все мы были отчаянными театралами, но ходили в театры только бесплатно, по контрамаркам, а изредка даже «зайцами».

Только один раз, по просьбе Раечки Зелинской, с которой я познакомился летом в Узком, где она отдыхала со своим отцом, академиком Н.Д. Зелинским, я купил за свои деньги билеты в Большой театр на оперу Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже». Опера шла редко, и билеты были нарасхват. Перед этим я получил непредвиденно большую сумму за прием вступительных экзаменов в своем Промышленно-экономическом техникуме и не остановился перед покупкой дорогих билетов во втором ряду партера, других в продаже уже не нашлось. Мне опера показалась скучной, но Рая была довольна и по возвращении поделилась с отцом своими впечатлениями, упомянув о хороших местах, на которых мы сидели. Мне же за это преподали урок старинной морали.

Через несколько дней я был в доме Зелинских, и Николай Дмитриевич весьма сухо пригласил меня в свой кабинет. Усадив меня перед собой и хлопнув ладонью по столу, он грозно спросил: «Как вы смели с моей дочерью сидеть во втором ряду партера?! Что же, она ваша любовница? Сколько вы заплатили за билеты, я сейчас же верну вам деньги...» Оказывается, по этикету XIX века с девушкой следовало сидеть только в ложе бельэтажа, галерка вообще не обсуждалась. Мы же в 1926 году простодушно радовались хорошим местам!

Выход был найден: я взял грех на душу и клятвенно заверил Николая Дмитриевича, что билеты мне выдали в профкоме МГУ бесплатно. Версия выглядела правдоподобной, и академик успокоился. Когда я рассказал Рае о беседе с ее отцом, мы с ней только посмеялись.

...Казалось бы, каждому из моих сверстников была предназначена относительно прямая дорога приобретения профессии по своему вкусу и выбору, а затем плодотворная деятельность в этой области. В пользу этого говорили и полученное семейное воспитание, и высокий уровень школьного образования, и та среда московской интеллигенции, в которой мы росли. Однако только один из нас, я имею в виду Мишку Муратова, не отклонился от прямого пути, судьба всех остальных оказалась не совсем гладкой и осложнялась как по их собственной вине, так и под действием внешних обстоятельств. Были жертвы, но только сотрудников КГБ и стукачей среди нас не нашлось. В живых нас заведомо осталось очень мало, и потому можно без больших опасений писать обо всех.

М.В. Муратов не встретил анкетных трудностей при поступлении в Московский геологоразведочный институт, хотя и был сыном царского генерала, к этому времени ставшего профессором Академии Генерального штаба. Это снимало для профессорского сына действовавшие очень жесткие классовые ограничения при поступлении в вуз. Благополучно окончив институт, он приобрел ученые степени, был профессором и членом-корреспондентом АН СССР, репрессиям не подвергался. Умер он в преклонном возрасте в «своей постели, при нотариусе и враче», был кремирован, и прах его, после двух лет препирательств с властями, его родным все же удалось захоронить в могилу отца на Новодевичьем кладбище.

Каким-то образом и мне удалось в 1923 году преодолеть классовый барьер при поступлении в Институт народного хозяйства, хотя в графе «бывшее сословие родителей» я вынужден был писать в анкете «из дворян». В это время отец отдыхал на Кавказе, и сестра Олечка (13 лет) писала ему: «...а Шура наш поступает в студенты», вызвав его недоумение, так как мне полагалось учиться в школе еще год. Политграмоту, которая входила в число конкурсных экзаменов, я готовил по учебнику Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма» и при содействии профессора П.И. Мартынова получил пятерку. Экзаменатор — молодой доцент Абезгауз — первоначально пытался меня «срезать». Далеко не все догмы марксизма я к тому времени освоил. Помню, что на вопрос о разнице между конкретным и абстрактным трудом я отвечал весьма невнятно.

Первыми из моих друзей в 1926 году были арестованы Володя Бурман, а затем Женька Демин, оба мои соученики по Алферовской гимназии, на один класс старше меня. В. Бурман был приговорен к трем годам ссылки на Соловки, но вышел на свободу только в 1932 году — по истечении срока ему добавили еще три года высылки в Ханты-Мансийск.

Женька Демин тогда получил три года высылки в Ташкент, в те либеральные годы местами ссылки бывали города Орел, Курск, Ходжент (Ленинабад) и даже Одесса. Вместе со мной Е. Демин пытался в 1923 году поступить в Институт народного хозяйства на электротехнический факультет, но его не приняли. Спустя много лет я встретил его в доме у Натальи Михайловны Нестеровой на вечере бывших «алферовцев»; Е. Демин оказался почтенным врачом-гинекологом — ссылка, очевидно, не помешала ему, после ее отбытия, получить медицинское образование. Нравы того времени характеризует эпизод с его проводами из Москвы в ссылку, который даже сейчас мог бы вызвать удивление. Не знаю, каким путем о дне и месте его отправки узнала соученица Ирина Муравьева, которая взяла на себя труд известить об этом других выпускников нашей школы. В итоге на запасных железнодорожных путях Казанской дороги у «стольпинского» вагона, в котором находился Е. Демин, нас, провожающих, собралось 10—12 человек. Появилась Ирина Муравьева с огромным букетом белых хризантем, которые через часового с винтовкой были переданы арестованному. Женька стоял у зарешеченного окна и, прижимая цветы к груди, кланялся нам, а мы прощально махали ему. Нужно знать, что «стольпинский» вагон предусматривает полную изоляцию заключенных от внешнего мира (окна в нем только со стороны занимаемого охраной коридора), и появление в окне арестанта являлось явной поблажкой.

Позднее в разные годы арестованы и сосланы были Ю. Ильин, В. Усов, Ф. Ростопчин — старшие мои товарищи по скаутскому отряду, Вово Кристи (неоднократно), Юрий Купреянов (по прозвищу «Дрозд») и в числе последних жертв — мой близкий друг Андрюша Пестель.

Другой мерой государственных репрессий первой половины 20-х годов являлись массовые высылки за рубеж родителей моих товарищей, вместе с которыми уезжали и они. В августе 1922 года это, как известно, коснулось большой группы философов, историков, агрономов и профессоров других специальностей. В их числе был выслан Александр Густавович Лист. С ним уехал его сын, мой большой друг и одноклассник Володька, и ученый-агроном Александр Иванович Угримов с сыном Шушу — моим патрульным по школьному скаутскому отряду. Обоих я провожал на вокзале при их отъезде из Москвы. С Володькой Листом я переписывался до предвоенных лет, но о последующей его судьбе ничего не знаю. А Шушу в 1947 году — после участия во французском Сопротивлении — вернулся в СССР.

С Александром Александровичем Угримовым (Шушу) я встречался в Москве уже в 60-е годы на «алферовских» вечерах у Натальи Михайловны Нестеровой, о которых уже упоминал выше. Кстати, муж Наташи Нестеровой — сын священника С. Булгакова, высланного в Германию в 1922 году совместно с А.Г. Листом и А.И. Угримовым. В комнате у них на Сивцевом Вражке висела известная картина ее отца М.В. Нестерова «Философы», на которой изображены на прогулке С. Булгаков и священник Павел Флоренский (сейчас эта картина — в Государственной Третьяковской галерее).

Любопытна судьба Шушу Угримова, в миниатюре очень полно отражающая политическую историю нашего века. В шестнадцать лет, вынужденно расставшись с Москвой, он закончил свое образование в Германии, получив специальность инженера-электрика, и успешно работал в области мукомольной промышленности. Так продолжалось до 1933 года, когда с приходом Гитлера к власти русские стали нежелательным элементом. Однажды ночью вместе с отцом он был арестован, привезен на западную границу Германии и под команду «беги», сопровождавшуюся ударом сапога пониже спины, оказался во Франции. Французские пограничники отнеслись к этому с пониманием; мирная жизнь продолжалась до 1939 года, до начала Второй мировой войны.

В Париже он встретил свою соученицу по Алферовской гимназии Ирину Муравьеву, они поженились, и в 1961 году она сидела вместе со мной и Шушу за чайным столом у Наташи Нестеровой.

После падения Парижа Шушу вступил в маки, успешно партизанил, был награжден медалью героя Сопротивления, но в 1947 году во Франции коммунисты были выведены из правительства, и это тотчас отразилось на его судьбе. Ночью пришли жандармы, вместе с отцом он был посажен в поезд и в числе прочих нежелательных иностранцев отправлен в СССР. Круг продолжительностью в 25 лет замкнулся.

В Москве они были приняты весьма любезно, более того, на Лубянке Шушу предложили всяческое содействие в приезде из Франции его жены. Действительно, не прошло и двух месяцев, как радостная Ирина появилась в Москве. Через три дня Шушу, его отец и жена были арестованы органами и следующие семь лет провели в различных лагерях ГУЛАГа. Вновь они встретились в Москве только в 1954 году, после смерти гениального вождя и реабилитации.

Квартиру Шушу получил, газета «Правда» даже опубликовала интервью с профессором-агрономом А.И. Угримовым о его встречах с В.И. Лениным в связи с испытаниями в 1920 — 1921 годах электроплуга, без упоминания о его высылке из СССР и о последних годах, проведенных им в Карлаге. Не упоминалось также о том, что другой участник этих испытаний, дядя Шушу, брат Александра Ивановича, выдающийся профессор-электротехник Борис Иванович Угримов, счастливо избежавший административной высылки в Германию в 1922 году, позднее был в Москве арестован и расстрелян как враг народа. Не лучше ли было в сталинское время оказаться в числе высланных? Я знал на Хапчеранге в 1935 году раскулаченного спецпереселенца, жившего сравнительно безбедно, под надзором органов в особом поселке. По его рассказам, его брата, красного партизана и коммуниста, власти пощадили при высылке в Сибирь всей кулацкой семьи в 1928 году и он «благополучно» умер на Украине от голода четыре года спустя. Какое поразительное сходство с судьбой Бориса Ивановича при совершенно различных условиях!

Б.И. Угримов был великолепный лектор. Мне посчастливилось в полном объеме прослушать в 1923 — 1924 годах его курс «Общей электротехники», который он читал в Институте народного хозяйства. Профессор Б.И. Угримов жил в Староконюшенном переулке, в доме рядом с нашим, был знаком с отцом и бывал у нас.

Возвращаясь к судьбе Шушу, привожу окончание его рассказа. «Оказавшись в 1954 году в Москве, я должен был поступить на работу. Попалось мне на глаза объявление: в отдел научно-технической информации требуется инженер, желательно со знанием иностранных языков, — и я отправился наниматься. Когда я сказал, что свободно владею немецким, французским и английским языками, это вызвало одобрение: на должность с окладом 600 — 700 рублей (до реформы 1961 года) было мало охотников, мое появление оказалось для них находкой, но тут же возникло затруднение: я не был членом профсоюза и — о, ужас! — в свои почти пятьдесят лет не имел трудовой книжки и копии диплома. Моим нанимателям очень хотелось взять меня на работу, и они прямо умоляли меня принести хоть какую-нибудь справку с последнего места работы. Я вынужден был сказать, что последние тридцать два года я либо жил за границей, либо сидел в тюрьме. Но выход был найден: я отправился к вице-президенту АН СССР, члену КПСС с 1893 года, академику Г.М. Кржижановскому и он на своем личном бланке размашисто написал мне рекомендацию, начинавшуюся словами: «Хорошо зная лично инженера-электрика А.А. Угрюмова...» Глеб Максимилианович Кржижановский, автор ГОЭЛРО, знаменитого ленинского плана электрификации России, в свое время отлично знал моего отца-агронома и особенно дядю-электрика Бориса Ивановича Угрюмова. Этого оказалось достаточно. Я проработал в этом учреждении полгода, вступил в профсоюз, получил трудовую книжку и уволился».

Следует ли считать, что жизнь Шушу Угрюмова, одного из многих моих сверстников — «детей Арбата», сложилась так уж скверно? Конечно, семь лет сталинских лагерей — это ужасно, но в остальном это была полноценная, интересная, содержательная и разнообразная жизнь, и закончил он ее мирно, в Москве и на свободе, в кругу близких и друзей, в возрасте около семидесяти пяти лет. Не так уж плохо! Добрая половина моих «детей Арбата» не дожила и до сорока лет: Вово Кристи пропал без вести в самом начале войны, Шура Ветчинкин умер от голода в блокадном Ленинграде, Шурик Дмоховский скончался от сыпного тифа, Сашка Шпеер застрелился в тридцать пять лет, не говоря уже о жертвах сталинских репрессий, включая Юру Ильина, Виктора Усова, Федю Ростопчина, Ю.Н. Купреянова и других, которых я вовсе потерял из виду.

Жестокая судьба подданных сталинской империи не миновала двух современных носителей громкой фамилии Пестель: Андрей Евгеньевич Пестель был арестован в 1940 году и, по справке НКВД, вскоре умер — вероятнее всего, его расстреляли.

Его двоюродный брат Юрий Анатольевич Пестель был репрессирован еще раньше и в одном из северных лагерей на лесоповале лишился кисти правой руки. Именно об этом Ю.А. Пестеле пишет Д.А. Волкогонов в своей монографии о Сталине (М., 1990). Из множества писем, поступавших на имя вождя, А. Н. Поскребышев отложил в папку для личного просмотра Сталина письмо родственников Юрия Анатольевича с мольбой о его помиловании. «Ведь фамилия Пестель для России так много значит...» Но Сталин просто проигнорировал это письмо.

Наше прореженное репрессиями общество пополнялось новыми лицами: Степан Степанович Перфильев, прозванный «Рамзесом» за примесь цыганской крови и смуглость, художник Юрий Николаевич Купреянов и Андрюша Багриновский к нему примкнули.

«Рамзес» — участник Первой мировой войны в чине поручика — имел жену и детей, которые жили в Орле. Работал он банковским инкассатором, ему по должности полагалось разъезжать на извозчиках. Однако он предпочитал ходить пешком, получая сэкономленные деньги как добавку к зарплате, которую отсылал семье. Так могло продолжаться неопределенно долго, но судьба послала ему 2200 английских фунтов стерлингов, поступивших на его имя в московский Внешторгбанк. Это была его доля наследства от продажи какой-то голицынской виллы в Италии. Сумма была немалая, английский фунт в те годы стоил что-то 5 или 10 золотых рублей. Он понемногу пропивал эти деньги, пока в состоянии пьяного куража не оставил в популярной шашлычной у памятника первопечатнику Ивану Федорову свой служебный портфель, рассчитывая получить его на другое утро. Увы, портфель с находившимися в нем несколькими банковскими аккредитивами исчез без следа. К денежным потерям это не привело: аккредитивы были вовремя аннулированы, — но с работы «Рамзеса» уволили. Тогда с оставшейся половиной наследства он уехал в Орел, где на эти деньги открыл пивную на главной улице города.

Юрий Николаевич Купреянов, по прозвищу «Дрозд», жил со своей женой Ниной Ивановной в одном из арбатских переулков, выполнял графические работы по заказам книжных издательств. На мой взгляд, он был очень талантлив и по художественной одаренности превосходил своего старшего брата, известного художника-графика Н.Н. Купреянова. Первым мужем Нины Ивановны был балетмейстер Касьян Голейзовский, и она не без гордости иногда демонстрировала нам свое пластическое искусство, очевидно приобретенное под его руководством. Свое прозвище Юрий Николаевич получил за исполнение белогвардейского гимна «Вперед, Дрозды, Россия ждет, ждет мира и свободы...», написанного в честь генерала М.Г. Дроздовского — одного из организаторов Добровольческой армии, убитого в 1919 году.

Юрий Николаевич с необыкновенным искусством щелкал каблуками и козырял, за версту производя впечатление бывшего белогвардейского офицера, хотя в Белой армии никогда не служил. Среди семейных реликвий он гордился фотографией, снятой в момент, когда Николай Второй на перроне вокзала в Сувалках пожимал руку его отцу, царскому генералу. Все это к добру не привело, и свои дни Юрий Николаевич окончил в 30-е годы на строительстве Беломорканала. Эмоционально очень сильными были его иллюстрации к стихотворению Ильи Сельвинского «Рапорт». Привожу по памяти эти стихи, они того заслуживают: «Председателю тройки господину Долинину, ротмистра Браудэ. Рапорт. За командование мною при интервенции Карелии белым бронепоездом «Ревун», на Кронштадтском равелине, Юго-Запад, в ночь на третье я был расстрелян и погребен во рву. Бдя честь Российского знамени, прошу сей просьбе внять: за дрянь работу — солдат шомполами, меня ж дострелять. Подпись: Браудэ. Деревня Люцерн, марта шестого дня. Входящий номер и резолюция: по пункту второму — внять».

Позднее мне пришлось видеть у Нины Ивановны прекрасно оформленный альбом графических работ Юрия Николаевича формата in folio, датированный «моего заключения год третий». Беломорканал был открыт в 1933 году.

Андрей Багриновский нигде не работал и к полезной деятельности не стремился, немного подрабатывал как фотограф, но знала его вся Москва. В середине 1927 года он женился на Танечке Перфильевой, старшей сестре моего друга Степки, нас с ним в Москве в это время уже не было. Однако прожили они только около двух недель, когда Андрей однажды вечером, сказав ей: «Танечка, я схожу за папиросами...», ушел и не вернулся. Следующий раз она увидела его через семнадцать лет в нашем доме в Козицком переулке. Андрей Михайлович происходил из музыкальной семьи — отец его был дирижер, сестра Наталья Михайловна — певица, изредка она давала концерты в Малом зале консерватории. Муж ее жаловался, что каждый такой концерт обходится ему крупной суммой денег: добрых полгода оплата аккомпаниатора, аренда зала, афиши, концертное платье от Ламановой, рассылка бесплатных билетов друзьям и родственникам, цветы. Мы, конечно, ходили на эти концерты, на мой вкус довольно скучные. То ли дело — концерты негритянского джаза из США, проходившие в Большом зале консерватории. Для Москвы это была новинка. Сам Андрей был, на мой взгляд, лучший, талантливейший исполнитель старинных романсов (он аккомпанировал себе на гитаре). А как он пел «На смерть юнкеров» Вертинского, «Калитку» или «Живет моя отрада»! Две его сестры были замужем: певица — за президентом Академии архитектуры академиком Виктором Александровичем Весниным, вторая — за президентом Академии наук СССР академиком С.И. Вавиловым. Мы всегда поддразнивали Андрея удачными замужествами его сестер.

В середине 20-х годов в нашей компании появились новые барышни — Тата Голицына, Ляля Киселева и Шурочка Ланская. Как поется в современной песне: «И в каком столетии ни живи, никуда не денешься от любви». В конце прошлого столетия князь Сергей Сергеевич Голицын женился на простой цыганке, Марии Егоровне Поляковой из цыганского хора ресторана «Яр» в Москве. Обвенчавшись, Сергей Сергеевич увез ее в Париж, где нанял для нее учителей русской литературы и арифметики, Закона Божьего, естествознания, географии и французского языка. Через шесть лет князь вернулся в Петербург и представил жену ко двору, тем самым узаконив свой брак. Правда, это не помешало новой княгине через некоторое время разойтись с мужем и выйти замуж за его друга, Сергея Алексеевича Киселева. Дочерью от этого второго брака была знаменитая в Москве артистка театра «Ромэн» Ляля Черная — Надежда Сергеевна Киселева. Более того, старшая сестра Ляли, Наталья Сергеевна Голицына (Тата), в действительности тоже была дочерью С.А. Киселева и носила фамилию первого мужа Марии Егоровны только потому, что ко времени ее рождения развод с Голицыным еще не был оформлен. Выдавал этот семейный Татин секрет характерный «Киселевский» нос, из-за которого Сережу Киселева еще в Поливановской гимназии звали «Кривошип». Впрочем, Тату Голицыну этот нос совсем не портил — она была очаровательна, и я в нее влюбился.

Семья Киселевых была по-своему знаменита, среди них были министры и графы. В начале прошлого века молодой генерал Киселев прославился тем, что, танцуя на балу в Зимнем дворце с императрицей, умудрился с ней упасть. Это не помешало его карьере, он быстро поднялся во всех отношениях. Тата Голицына была хорошо образована, знала три языка, писала стихи, училась в Смольном институте благородных девиц. Тата была на четыре года старше меня и замужем, однако все начало 1927 года я, вместо того чтобы ходить на занятия, ежедневно, с самого утра и до глубокой ночи, проводил время с ней. Муж днем работал в кооперативе «Сирокко», а по вечерам играл в преферанс. Это были счастливые дни, но вскоре я Тате надоел...

В отличие от Таты, Ляля Черная, моя ровесница, была совершенный дичок. Выйдя в те же дни замуж за бывшего офицера Белой армии, однофамильца генерала Корнилова, она, поссорившись со своим молодым супругом, заявила о его прошлом в ГПУ, а когда его арестовали, плакала и носила ему передачи на Лубянку. Как-то ночью, провожая Лялю домой на извозчике, мы с моим другом Степкой Перфильевым получили от нее поцелую.

Степка же влюбился в Шурочку Ланскую, хотя их роман так и не состоялся. Шурочка накануне революции окончила Смольный институт, была очень хороша собой. Она была внучкой графа Ланского, министра царя Александра Второго и автора манифеста об освобождении крестьян. Отец Шурочки, несмотря на свой графский титул, дослужился только до скромной должности Санкт-петербургского полицмейстера. В годы нэпа он жил в Москве, курил папиросы «Черномор» по 8 копеек за 100 штук, которые в его честь мы в своей среде называли «графскими». Жена его, опять же простая цыганка из хора, держалась с большим достоинством и пользовалась всеобщим уважением. В годы нэпа, уже разведясь со своим графом, она вспомнила старое ремесло и организовала цыганский хор, с успехом выступавший в московских ресторанах, в нем какое-то время работала и Ляля Черная.

В 1928 году все цыганские хоры в Москве ликвидировали, а цыган «трудоустроили». Была организована артель «Цыгпром», занимавшаяся мелкой расфасовкой перца, корицы, гвоздики и других пряностей. Однажды я посетил этот «Цыгпром», находившийся в обширном подвале какого-то дома. Там стоял невероятный шум: все работающие одновременно пели, плясали, отбивали чечетку. Нашел я там и Тату Голицыну. Рабочий день кончался, она умылась и вытерла лицо листом серой оберточной бумаги. Помню, это произвело на меня тягостное впечатление — бывшая княжна, смолянка, артистка, красивая, избалованная женщина! К счастью, вскоре для нее все переменилось. Выйдя вторично замуж за английского дипломата, Таточка уехала с ним в Шотландию, где у мужа оказался собственный замок — достойное для нее обрамление...

* * *

Доктрина построения справедливого коммунистического общества, без наследственных сословных привилегий, без капиталистов и помещиков, без эксплуатации человека человеком, без войн и экономических кризисов, принималась всеми нами безоговорочно. Возмущала скверная реализация замечательных идей, примитивность, лживость, тупость и лицемерие значительной части партийных работников, с которой мы повседневно сталкивались. Нет сомнений, что будь по-прежнему у власти царское правительство, мы читали бы Маркса и Плеханова и вступали бы в нелегальные социал-демократические кружки. Недаром Юра Ильин, заполняя как-то очередную анкету, в графе «партийность» написал: «анархо-синдикалист». Кончилось это для него плохо — его арестовали и сослали. Правда, победа красных в Гражданской войне пробуждала долю романтического отношения к Белому движению, к побежденным.

Вспоминается один достаточно рискованный и нелепый случай.

В каком-то семейном доме, где экспромтом собралась наша дружеская компания, не хватило вина, и было решено послать за «подкреплением». У шинкарей в районе Плющихи и Смоленского рынка ночью легко было купить самогонку, но за вином после закрытия магазинов надо было ехать в ближайший ресторан. Эту задачу взяли на себя Степка и я, в результате чего мы оказались в ресторане «Арбатский подвал». Зал был переполнен, но, пока официант готовил для нас сверток с заказом, следовало сесть за столик, подождать. Обнаружив гражданина, в одиночестве пившего шампанское, мы попросили разрешения ненадолго подсесть к нему, на что он любезно согласился и тут же велел официанту подать еще два бокала. Наполнив их вином, он предложил нам с ним выпить. Мы гордо отказались, объяснив, что ждем заказа и не можем пить с незнакомым человеком. Проявив настойчивость, он спросил: «Быть может, вы предложите тост, который нас объединит?» Не раздумывая я встал и, подняв бокал, отчеканил: «За Государя Императора!» Слава Богу, незнакомец последовал моему примеру, Степку упрямить не было нужды, мы чокнулись и выпили до дна. Глупость, бравада — такая шутка в 1927 году могла окончиться печально. «Что наша жизнь — игра... сегодня ты, а завтра я», — с такими бесшабашными настроениями мы и кутили.

Стремление к духовной свободе, которая все больше ограничивалась, аресты и высылка сверстников определяли рост нашей оппозиционности к официальной пропаганде. Угнетающе действовало и частое безденежье: потребности выросли, а возможность случайных заработков исчезла. Все это привело к тому, что летом 1927 года мы со Степкой Перфильевым покинули Москву и отправились в путешествие на юг России.

Но это — уже другая история...

АКТЮБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, Ж/Д СТАНЦИЯ БЕРЧОГУР, ПОСЕЛОК ШАХТЫ

Такой почтовый адрес имела созданная в 1957 году Александром Петровичем Солововым Берчогурская геофизическая экспедиция Казахского геофизического треста, которую он и возглавил. Выдающийся ученый с мировым именем, Александр Петрович одновременно был талантливым организатором производства и крепким хозяйственником. Эти свои качества он блестяще проявил при создании Берчогурской экспедиции.

Основной задачей, стоявшей перед экспедицией, было ускоренное изучение зеленокаменного пояса Мугоджар геофизическими и геохимическими методами с целью поисков медноколчеданных месторождений, месторождений никеля, хромитов, золота и редких металлов, а также опосредованное Примугоджарья на фосфориты и радиоактивное сырье. Для решения поставленных задач из состава Турланской геофизической экспедиции Казахского геофизического треста в начале 1957 г. была выделена и направлена в Актюбинскую область Западная группа партий, которая в этом же году получила статус Берчогурской геофизической экспедиции с местом базирования в пос. Шахты. Этот поселок, расположенный в 22 км восточнее станции Берчогур железнодорожной магистрали Центр – Средняя Азия, был выбран местом базирования экспедиции, поскольку там сохранилась часть построек шахтоуправления и коробки каменных зданий, которые можно было восстановить и приспособить для нужд экспедиции. В годы Великой Отечественной войны здесь велась добыча каменного угля, залегающего среди осадочных пород Берчогурской мульды карбонового возраста.

Благодаря усилиям А.П. Соловова, коллектива хозяйственников и строителей экспедиции, практически за один год были построены два общежития, дома для семейных сотрудников, водопровод, столовая, баня, котельная для водяного отопления зданий, «камералка», клуб с широким киноэкраном, гараж с ремонтными мастерскими, складские помещения и все остальное, необходимое для успешной работы экспедиции. Но прежде всего, уже в первой половине 1957 г., была создана спектральная лаборатория.

Александр Петрович в этот период работал с огромным напряжением сил, охватывая все аспекты жизни и деятельности экспедиции, а его рабочий день обычно составлял 14-16 часов. Одновременно он трудился над завершением своей уникальной книги – «Основы теории и практики металлометрических съемок», которая была издана в Алма-Ате в 1959 г. За этот научный труд Александру Петровичу, без защиты кандидатской диссертации, была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук.

Кадровый состав Берчогурской геофизической экспедиции комплектовался, в основном, молодыми специалистами, попадавшими в Казгеофизтрест по плановому распределению. В первые годы работы экспедиции количество таких специалистов составляло до 70 % ИТР. В августе 1957 г. после окончания геологического факультета Кишиневского государственного университета в числе таких специалистов я был принят на работу на должность младшего геолога. И до сих пор я почитаю за великое счастье и необыкновенное везение, что с первых шагов своей трудовой деятельности попал под начало Александра Петровича.

Будучи прекрасным педагогом, Александр Петрович много сил и времени уделял воспитанию молодых специалистов, передавая им свой богатый опыт и знания. При этом он всегда был примером высокой самоотдачи в работе, которую он любил и служил своему делу беззаветно. От всех он добивался строгой дисциплины в работе и добросовестности. В своих частично опубликованных мемуарах «К истории создания геохимических методов поисков» Александр Петрович писал: «Стремление к добросовестному труду является относительно универсальным свойством работающих, надо только его пробудить». И это он делал с большим успехом. Не будучи членом КПСС, А.П. Соловов требовал от себя и от других «коммунистического отношения к труду», в лучшем смысле этого понятия.

Добиваясь постоянного профессионального роста специалистов, даже приемку полевых материалов и защиту проектов и отчетов Александр Петрович превращал в настоящую школу повышения квалификации ИТР, которая в экспедиции воспринималась как праздник. Большое значение он придавал и развитию культуры общения сотрудников экспедиции, в чем ему помогали его исключительное личное обаяние, потрясающая эрудиция и интеллигентность.

Для повышения профессионального уровня молодых специалистов Александр Петрович давал им возможность посещать для ознакомления известные месторождения Западного Казахстана. Кроме того, выезжая в полевые партии для проверки состояния работ, он приглашал с собой одного-двух таких специалистов, давая им возможность участвовать в обсуждении полученных результатов и дальнейшего направления работ. Это также было хорошей школой повышения квалификации инженеров.

В одной из таких поездок в Иргизскую партию (верховья р. Шет-Иргиз) летом 1959 г. произошел курьезный случай. В нашем автомобиле ГАЗ-69, кроме Александра Петровича и водителя, еще находились начальник этой партии Н.М. Руховец, старший инженер экспедиции по радиометрическим поискам З.Ш. Кучухидзе и я. В степи, на проселочной дороге мы догнали старенький ГАЗ-57, который пылил так, что не было

видно белого света. Александр Петрович обратился к водителю: «Анатолий, это дело чести обогнать этого нахала!». Когда машина пошла на обгон, Александр Петрович сказал: «Как бы здесь не было ямы!». В ту же секунду перед капотом автомашины появилась глубокая яма шириной около 2-х метров. На наше счастье Анатолий уже не успел затормозить и автомашина перелетела ее по воздуху (скорость была около 90 км/час) и только задним мостом ударилась о дальний край ямы. При этом нас подбросило так, что я врезался головой в брезент крыши и успел подумать: «Вот и приехали!». Однако, после осмотра машины мы убедились, что даже рессоры остались целыми. И когда мы продолжили путь, Александр Петрович сказал: «Уважаемые коллеги, надеюсь, что все происшедшее останется между нами», и долгое время мы об этом молчали. Во всех поездках, когда мы питались по дороге в столовых, Александр Петрович всегда платил и за себя, и за водителя.

В Берчогурской геофизической экспедиции Александр Петрович создал дружный коллектив, способный творчески выполнять свою работу на высоком профессиональном уровне в атмосфере преданности своему делу и полной самоотдачи, что стало традицией. Посетив эту экспедицию несколько лет спустя, я увидел и понял, что традиции, заложенные Александром Петровичем, - живы! Это сыграло немаловажную роль в том, что Берчогурская (в дальнейшем – Мугоджарская) геофизическая экспедиция добилась высокой результативности выполняемых работ. Достаточно отметить такие открытия, как медноколчеданные месторождения им. 50-летия Октября (Тастыбулак), Авангард, Приорское, хромитовые – им. 40-летия КазССР, Восход, Восток.

Александр Петрович за свои труды и достижения не имел высоких наград и никогда не стремился их «выбивать» для себя. В этой связи уместно вспомнить историю открытия крупнейшего в СССР месторождения хромитов им. 40-летия КазССР. Александр Петрович обосновал и доказал необходимость проведения гравиметрической съемки в «окнах», ранее не изученных такими методами, в северной части главного хромитового рудного поля (Донская группа), в юго-восточной части Кимперсайского массива. Доказав высокую перспективность таких участков на обнаружение хромитового оруденения, он сделал все для организации, технического обеспечения и проведения гравиметрической съемки (гравитационная вариометрия). И именно здесь было выявлено месторождение хромитов, получившее тогда название имени 40-летия Казахской ССР (первооткрыватель В.И. Сегалович).

К моменту составления списка претендентов на Государственную премию за это открытие Александр Петрович уже трудился в Москве. Поэтому о нем «забыли», а Госпремию, кроме специалистов, действительно ее заслуживших, получили в том числе и

те, кто не имел никакого отношения к открытию и разведке этого месторождения, но к моменту выдвижения на премию они заняли достаточно высокие руководящие посты, чем обеспечили себе ее получение. А для Александра Петровича в числе лауреатов места просто не хватило.

100-летие выдающегося ученого, педагога и практика Александра Петровича Соловова для его многочисленных учеников и последователей в нашей стране и за ее рубежами является дополнительным поводом еще и еще раз с глубокой благодарностью и признательностью вспомнить этого самобытного Человека, внесшего неоценимый вклад в создание и развитие теории и практики геохимических методов поисков рудных месторождений, отдавшего все свои силы и знания на благо России.

Фото. Куда б пойти, куда б податься?
(Раздумье). Берчогурская геофизическая
экспедиция. Поисковый участок Джангана,
Южные Мугоджары, июнь 1958 г. Слева
направо: В.А.Бугров –нач. отряда (стоит);
сидят - О.Д.Иванов, гл. инженер
экспедиции. А.П.Соловов, нач. экспедиции;
К.Г.Михайлов, гл. геолог экспедиции.

БУГРОВ Виктор Алексеевич (1932 г. р.), кандидат геолого-минералогических наук, ученик и последователь профессора А.П.Соловова. В 1957 г. окончил геологический факультет Кишиневского ГУ. С 1957 по 1961 г.г. – мл. геолог, геолог, нач. отряда, ст. геолог партии Берчогурской геофизической экспедиции Казгеофизтреста, начальником которой являлся А.П.Соловов. В 1961-63 г.г. – ст. геолог Джизакской (Узбекистан), а затем Южно-Уральской геофизических экспедиций. В 1963-67 г.г. – главный геолог Центральной геохимической партии (затем экспедиции) Казгеофизтреста; 1967-68 г.г. – ст. геолог Западной геофизической экспедиции (г. Александров). С 1968 по 1974 г.г. – геохимик-эксперт ООН в Египте. В 1974-76 г.г. – ст. геолог Западной геохимической экспедиции; 1976-78 г.г. – нач. партии НИСа геологического факультета МГУ. С 1978 по 1981 г.г. – геохимик эксперт ООН в Уганде и Индии. С 1981 по 2006 г.г. – старший, затем ведущий научный сотрудник ВНИИЗарубежгеология. В настоящее время на пенсии.

Весь период своей трудовой деятельности посвятил поискам рудных месторождений с использованием геохимических методов, совершенствованию и развитию которых придавал первостепенное значение. Автор более 70 печатных работ.

В.З. Фурсов

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Вторая неделя января 1953 г., Алма-Ата. В коридоре Среднеазиатского геофизического треста на третьем этаже толпа молодых специалистов, окончивших институты и техникумы в разных городах Союза. Одни получили направления в экспедиции, которых в то время было восемь (Алтайская, Северо-Казахстанская, Тургайская, Джезказганская, Агадырская, Каркаралинская, Турланская и Джизакская в Узбекистане), другие ждали вызова Управляющего трестом М.Д. Морозова для личной беседы и определения места работы.

Я очень хотел попасть в Турланскую геофизическую экспедицию, где главным инженером был А.П. Соловов, известный геофизик, бывший главный инженер Главного геофизического Управления Министерства Геологии СССР. Он много сделал для развития геофизики и организации геофизических трестов (Северо-Западный, Украинский, Среднеазиатский и Дальневосточный) и экспедиций. Мне с большим трудом в течение нескольких бесед удалось убедить Управляющего о направлении меня в эту экспедицию (он предлагал мне Тургайскую). Главный мой аргумент - слабость геофизической кафедры в Среднеазиатском политехническом институте (г. Ташкент), который я окончил. М.Д. Морозов знал об этом. Мне хотелось поучиться у такого высококвалифицированного специалиста как А.П. Соловова.

И вот я в экспедиции, расположенной вблизи поселка Кантаги и Ачисайского полиметаллического комбината в Южном Казахстане, в кабинете главного инженера. Он встретил меня приветливо, просмотрел документы, расспросил о моей учебе и отвел меня в комнату, где я мог поселиться. Он удивился обилию моих вещей: огромный чемодан с книгами (40 кг), рюкзак книг и меньший рюкзак с личными вещами. Попросил показать книги и взял две из них по геофизике и физике.

Вечером прогулялся по поселку экспедиции, который был вытянут вдоль горной речки Биресек, еще шумевшей и даже пенящейся у камней. Она прорезала горные породы Большого Каратау, впадала в другие реки, которые текли на юго-запад, неся свои воды в Сыр-Дарью. У берега были наледи, и снег еще лежал в ближайших горках.

На следующий день в 8 часов утра я увидел Главного, ходящего быстрыми длинными ногами с группой людей, с которыми на ходу обсуждал какие-то вопросы. В отсутствие начальника экспедиции ему приходилось заниматься многими хозяйственными и бытовыми вопросами, рождавшимися ежедневно и иногда спонтанно. В девять часов мы встретились и он попросил рассказать подробнее о моих производственных практиках. Я

проходил геологическую практику в районе сурьмяного месторождения Джижикрут (впоследствии Анзобский ГОК) и озера Искандер-Куль, названного в честь Александра Македонского, в Таджикистане (1949 г.), производственные практики - на ртутном месторождении Хайдаркан в Киргизии (электроразведка, 1950 г.), в районе угольного месторождения Ленгер в Южном Казахстане (электроразведка, 1951 г.) и в юго-западной Туркмении в районе Чикишляр - Гасан-Кули - Мессериан на побережье Каспия (сейсморазведка, 1952 г.). После этого А.П. Соловов сказал, что я работал в системе трех Министерств (цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности) и надеется, что работать в организациях Мингео я буду долго. Его надежды оправдались - работаю уже 54 года. Он предложил мне ехать в электроразведочный отряд оператором по симметричному профилированию с протяженностью проводов питающей сети 400 и 800 м, что меня не устраивало. Я делал вертикальные электрические зондирования с протяженностью 10000 м, которые требовали большей квалификации, чем предложенная мне работа. На сейсморазведке работал оператором по методу отраженных и преломленных волн, принимая сейсмические сигналы с глубин до 5-6 км. В ответ услышал, что я должен доказать делом свой профессионализм. Таким образом я получил первый урок от Главного за свою амбициозность.

И вот я веду электроразведку у подножия хребта Большого Каратау в долинной части в районе станции (узкоколейка) Котурбулак в 12 км к югу от экспедиции. Рабочие работали сдельно, а инженерно-технические работники - повременно. Они, естественно, подгоняли меня. Поэтому рабочий день начинался с темнотой (со спичками или фонариком) и кончался при темноте. В середине марта приехал Главный на участок работ, проконтролировал мои измерения, посмотрел полевой журнал, делая в нем письменные замечания, прошелся вдоль растянутых изолированных проводов, лежавших на земле, проверяя надежность изоляции на предмет утечек тока. План был выполнен на 150%, рабочие не имели ко мне претензий и А.П. Соловов также. При расставании он сказал, чтобы я передал отряд технику-геофизику и через 2-3 дня был в экспедиции.

В экспедиции он познакомил меня с приказом о создании Ачисайской геофизической партии, начальником которой стал мой сокурсник А.В. Жалнин, а я - главным инженером. Вскоре руководство партии и А.П. Соловов участвовали в совещании на руднике Ачисай, которое проходило под руководством директора комбината Ачполиметалл Я.Д. Пиченюка. Оно было посвящено усилению геологоразведочных и геофизических работ на Ачисайском рудном поле в свете постановления ЦК Компартии Казахстана по месторождению Ачисай, запасы которого были близки к исчерпанию. В годы войны добыча здесь составляла 50 тыс. тонн свинца ежегодно. Основная залежь, сложенная

целиком окисленными рудами, имела запасы 380 тыс. тонн при среднем содержании 19% свинца. Для сравнения на месторождении Миргалимсай, благодаря которому был выстроен город Кентау, средние содержания свинца в сульфидных рудах были около 2-3%. Выступали на совещании геологи, разведчики, обогатители и А.П. Соловов, который рассказал о планах комплексной геофизической съемки всего рудного поля Ачисая. Здесь же А.П. Соловов попросил Я.Д. Пиченюка о выделении квартиры и комнаты в общежитии рудника для начальника и главного инженера геофизической партии. Тут же было дано указание директору рудника, которое вскоре реализовалось. Накануне отъезда на полевые работы в экспедиции по инициативе Главного был организован званый ужин под девизом «За тех, кто в поле», душой которого был Александр Петрович. Он рассказал много интересного о своей и жизни других геологов и геофизиков и через определенное количество тостов перешел к декламации стихов В.В. Маяковского, произведения которого любил.

1 апреля 1953 г. Ачисайская геофизическая партия начала работу четырьмя отрядами (топография, металлометрия, магниторазведка и электроразведка). К концу месяца я выехал для сдачи полевых материалов комиссии во главе с Главным. Было много замечаний и сдал материалы еле-еле на удовлетворительно. А.П. Соловов забраковал десять точек отбора металлометрических проб, так как нечетко (прочитать было можно) в полевом журнале были написаны номера мешочков. Пришлось повторить отбор по этим точкам. Таким образом я получил второй урок от Главного.

На майские праздники я выехал в Ташкент, встреча с товарищами и разговоры на разные темы привели меня к мысли поступить в аспирантуру Среднеазиатского госуниверситета. Это единственный законный способ уволиться из экспедиции. У меня было право поступления в аспирантуру, так как я имел диплом с отличием и рекомендацию Ученого Совета геологоразведочного факультета своего института. Я попросил А.П. Соловова дать мне характеристику для поступления. Он удивился и стал убеждать меня не торопиться. Я был настойчив: он согласился.

На Ачисае в поле и камералке было очень много работы, учитывая необходимость знакомства с геологическими материалами Ачисайской ГРП. В июне в партию приехал Главный. Проверял все: обустройство лагеря, столовой и туалетов. Делал контрольные наблюдения по электроразведке, магниторазведке, проверял расстояние между профилями и точками наблюдений, четкость надписей на колышках (пикетов) и ведение документации в полевых журналах. Наблюдал соответствие номеров мешочков и их регистрации в полевом журнале, проверял ведение камеральных работ. Конечно, он всегда быстро находил наши ошибки и недочеты, которые фиксировал в наших полевых

журналах. На следующий день мы с ним осматривали выявленные аномалии с моими соображениями и в увязке с геологическими данными. Ему это понравилось и он просил приехать для составления полугодового отчета, добавив, что к нему можно приходить в любое время, когда ночью горит свет в конторе или в его финском однокомнатном домике, расположенном на берегу речки. При отъезде из партии он спросил, сколько он наел крестов (крест означал разовую еду) и сколько крест стоит. Я и другие товарищи говорили, что он ничего не должен, так как он гость. В ответ - категорическое требование и уплата. Так он поступал всегда. Я составил отчет, он прочитал и начал править так, что от моего текста остались «рожки да ножки». Так я получил третий урок о своей несостоятельности как инженера.

В июле месяце по распоряжению М.Д. Морозова составляли информационную записку о результатах геофизических работ на Ачисае для промышленного отдела ЦК Компартии Казахстана. Работали двое суток без сна, на третьи сутки мои молодые глаза стали закрываться сами собой. Он отослал меня спать, а сам продолжал работать. В 9 часов утра я пришел на работу, а Главный уже заканчивал записку. Попросил прочитать и мне нечего было добавить или убавить. Тот час же отпечатали и отправили с сотрудником в Алма-Ату. За эти трое суток Главный спал только три часа. Обед и ужин совмещали обычно в 21-22 часа у него дома. Ели вкусное блюдо из сайгака с водочкой. Это результаты его охоты в Сузакской степи на северной стороне хребта Каратау.

В конце июля получил вызов из Ташкента и Алма-Аты (документы были посланы в оба адреса) для сдачи приемных экзаменов в аспирантуру. Я поехал в Алма-Ату и сдал экзамены на отлично, обойдя двух конкурентов. В то же время А.П. Соловов в Алма-Ате познакомил меня с директором Всесоюзного института разведочной геофизики (ВИРГ) В.В. Алексеевым, говоря при этом, что мне будет поручена работа с прибором ГРБ-2 (градиентометр быстродействующий для измерения вторых производных силы тяжести) для поисков слепых рудных тел на Ачисае. Он настойчиво убеждал директора передать прибор института для работ на этом объекте. В конце продолжительной беседы, которая проходила в ресторане в дневное время, В.В. Алексеев согласился передать прибор в марте 1954 г.

В середине августа с Главным на Ачисае обошли участки работ, где были выявлены интересные комплексные аномалии. Вечером в лагере он выслушал сотрудников партии, включая и рабочих. Записал их просьбы и претензии. Затем под копирку составил задание начальнику партии и главному инженеру, в котором отмечались недостатки со сроками их устранения и план работы на ближайшее время.

В конце августа я получил из отдела аспирантуры АН КазССР уведомление о том, что я зачислен аспирантом в институт геологических наук (ИГН) и должен приступить к занятиям в начале сентября 1953 г. Подал заявление об увольнении, прилагая к нему постановление Совета Министров СССР за подписью И. Сталина о том, что лица, поступившие в очную аспирантуру, освобождаются с работы в любой должности для прохождения курса учебы. В ответ Главный: «Не отпускаю! Жалуйтесь. Срочно пишите проект партии на 1954 г.». Тогда проекты и отчеты по ним писались ежегодно, что сильно усложняло производственные работы. Написал. Следует указание написать проект по опытным работам на Ачисае, включая в него гравиметрические исследования с ГРБ-2 и другие виды. Работал с 9 до 24 часов с небольшими перерывами. Видя такое усердие, Главный предложил мне поехать на ноябрьские праздники в Ташкент, зная мое неравнодушие к этому городу и моим знакомым. Окончив проект, я ушел в отпуск и в конце ноября поехал в Алма-Ату. М.Д. Морозов также был против моего увольнения. Тогда вместе с ученым секретарем и зав. отделом геофизики Д.Н. Казанли пошли к директору ИГН академику К.И. Сатпаеву, который при нас позвонил М.Д. Морозову и сказал, что я уволен и могу приступить к занятиям в аспирантуре. К сожалению, беседа с Д.Н. Казанли о теме моей диссертации мне не понравилась: выглядела неконкретно и почти фантастично. В это время в тресте был Главный и я рассказал ему об этом. Он тут же предложил мне тему диссертации по Ачисаю и я согласился. Зашли к М.Д. Морозову, который одобрил эту тему. А.П. Соловов тут же составил письмо от треста в ИГН и лично понес его к К.И. Сатпаеву. Вскоре Д.Н. Казанли и я были у директора, который спросил наше мнение об этом. Мы оба согласились с просьбой треста.

В январе 1954 г. я получил письмо от Главного, где он просил в начале апреля приехать в Ленинград для стажировки и получения прибора ГРБ-2. Все оргдела по моей поездке он выполнит сам. Итак, в начале апреля я в Ленинграде в гравиметрической лаборатории ВИРГа, руководителем которой был С.А. Поддубный, конструктор ГРБ-2 и серийного гравиметра СН-3, за который он и его сотрудники получили сталинскую премию. К сожалению, прибор имел дефекты и мне пришлось вернуться без него.

По возвращении проводил опытные исследования и руководил комплексными геофизическими съемками на Ачисае. В августе был на Полтавщине в районе Кременчуга (село Потоки, река Псел), прошел там стажировку с ГРБ-2 и вернулся в конце августа на Ачисай с прибором, с которым начали полевые работы. Получив интересные результаты по западному флангу Ачисая, я показал материалы Главному, который попросил меня срочно подготовить Акт передачи. Изменив кое-что в чертежах, он существенно изменил текст. Акт передачи перспективного участка (комплексные

аномалии) руководство Ачисайской ГРП приняло без изменений. В середине 1955 г. Ачисайская ГРП пробурила на нашем перспективном участке скважины и встретила на глубине 320 м (скважина 2257) сульфидные руды мощностью 8 м. В 1957 г. Ачисайский рудник, пройдя штрек протяженностью 800 м, вскрыл это рудное тело с большим раздувом, что дало возможность нам использовать метод заряда с мощным источником тока от рудника. В результате была получена аномалия, которая хорошо совпадала с ореолами свинца, минерализованными карстовыми полостями, выявленными магниторазведкой, а электроразведка зафиксировала продолжение известного разрывного нарушения на запад. В новом Акте, принятом ГРП, утверждалось, что в зоне выявленных ореолов свинца и минерализованных карстовых воронок рудное тело подходит близко к поверхности и, следовательно, слагается наиболее богатыми окисленными рудами. Последующим бурением (скважина 2415) были выявлены богатые окисленные руды на глубине 120 м. Трещина Екатерина, выявленная еще в 1932 г. электроразведкой, геологами Ачисая безоговорочно относилась к разряду альпийских поел еру дных нарушений. Нами электроразведкой она была продолжена далеко на запад и по ее простиранию выявлены четыре карстовые полости, заполненные магнитными бокситоподобными породами. В карстах с поверхности содержания свинца равно 0,06%, а на глубине 2-4 м в шурфах - 0,1%. Заполнители карстов имели меловой возраст, поэтому эту трещину мы отнесли к доальпийской, а наличие свинцовой минерализации в карстах и боковых породах этого разрывного нарушения позволило считать этот участок перспективным на наличие слепых рудных тел на глубине, что было подтверждено последующими горно-буровыми работами рудника. На глубине 250-300 м были выявлены промышленные сульфидные руды. Полученные результаты подтвердили правильность нашей комплексной методики поисков слепых рудных тел на больших глубинах. План работ по гравиметрии выполнили к ноябрьским праздникам, выявили несколько аномалий, вызванных карстовыми воронками с немагнитными глинами. В конце июня 1955 г. сдал кандидатский минимум в Алма-Ате и продолжил работы на Ачисае. В это время к А.П. Соловову приехала жена (Софья Борисовна), и он пригласил меня в гости в свой домик. В разговоре она и я настойчиво говорили о необходимости защиты им кандидатской диссертации. Он отмахивался, считая, что это ему не нужно.

В августе этого года проходило совещание по развитию геолого-разведочных работ и добычи свинца в Каратау в новом строящемся городе Кентау в 5-7 км от поселка Кантаги. Главный выступил с докладом о результатах работ экспедиции. Сделал его хорошо, четко, логично и понятно. Остроумно и профессионально отвечал на вопросы. После совещания начальник геологического Управления Минцветмета Б.М. Косов и первый разведчик

Ачисая И.И. Князев вместе с другими геологами посетили наши аномалии на Ачисае, где Александр Петрович обстоятельно, с графическими материалами рассказал о наших результатах и планах на будущее. Написав отчет и проект на 1956 г., вернулся в Алма-Ату, где уступил настойчивой неоднократной просьбе Главного о переходе на постоянную работу в экспедицию и заочную аспирантуру. В декабре вернулся в Ачисай, уже будучи заочным аспирантом, и стал готовить гравиметрический отряд, с одобрения Главного, к выполнению наблюдений в горных выработках. С помощью формул, присланных Л.М. Любимовым, сотрудником лаборатории С.А. Поддубного, я рассчитал и построил палетки для учета влияния подземных горных выработок на результаты измерений. При наблюдениях были выявлены две гравиметрические аномалии, разбуривание которых подземными скважинами привело к открытию двух рудных тел с промышленным содержанием свинца. Рудничные геологи и не подозревали об их наличии в зоне наших аномалий. В начале марта 1956 г. Александр Петрович после длительного отсутствия (командировки и отпуск) вернулся в экспедицию, обрадовав меня методикой высокочувствительного определения ртути (1-2)-10⁻⁶%, разработанной Е.А. Сергеевым и П.А. Степановым в ВИРГе. До этого нами использовалась их методика, у которых чувствительность была на порядок ниже, что позволяло фиксировать ртуть только в рудах и вблизи них. Я тут же выехал на Ачисай и с одним сотрудником отобрал пробы из коренных пород над 29-ой южной залежью, сложенной окисленными рудами и находящейся в слепом залегании на глубине 60-80 м. Позже она была вскрыта штольной из сая Ачисай и можно было видеть церусситовый песок, который составлял 30% объема рудного тела. После анализа ртути по новой методике в спектральной лаборатории экспедиции построил график распределения содержаний ртути. Над слепой залежью была выявлена контрастная аномалия ртути, превышающая фон в 10-15 раз, а свинцовая аномалия - только в 1,5-2 раза. При повторном анализе получили аналогичные результаты. Эти результаты доставили радость мне и Александру Петровичу. В конце года был в тресте, где писал проект на 1957 г. и проект по обобщению работ 1953-1957 гг. При встрече Главный обрадовал меня сообщением, что он сдал кандидатский минимум. При деятельном участии А.П. Соловова в поселке экспедиции были построены общежитие для молодых специалистов и клуб, где проходили праздничные мероприятия, совещания, собрания и даже районные геологические конференции и молодежные вечера с танцами.

1957 год провел между Ачисаем и Кантагами (экспедиция), курируя окончание геофизических работ на всем рудном поле Ачисая и проводя работы по обобщению. В результате обобщения были составлены на геологической основе 80 листов масштаба 1:2 000 с аномалиями электроразведки, магниторазведки и металлометрии.

Вынесены проекции всех 63 слепых залежей и основной залежи со всеми пробуренными скважинами и основными подземными выработками. В результате этих работ были выделены перспективные участки для буровых работ с целью обнаружения рудных тел на глубине.

В этом году Главный трудился на двух направлениях, продолжая руководство Турланской экспедицией и создавая Мугоджарскую геофизическую экспедицию в Западном Казахстане в Актюбинской области. В конце сентября провели с ним на плато хребта Каратау детализацию аномалий свинца, установленных при металлометрической съемке масштаба 1:50 000. Для этого пришлось подниматься на плато пешком на 350-400 м, абсолютная высота которого была равна 1280 м. Аномалии были подтверждены также с малой интенсивностью. Плато было покрыто золовыми суглинками, которые могли экранировать выходы рудных тел и значительную часть ореолов свинца. К этим аномалиям больше никто никогда не возвращался, а жаль. В конце года мы распрощались с нашим Главным инженером, который в начале января 1958 г. стал начальником Мугоджарской геофизической экспедиции Казахского геофизического треста (сменил название, так как в Узбекистане был создан Узбекский геофизический трест).

Работая с Главным пять лет, могу отметить следующие его достоинства:

1. Высокий профессионализм при сильном развивающемся интеллекте.
2. Прекрасное здоровье и крепкая нервная система, позволяющая ему выдерживать большую физическую и интеллектуальную нагрузку и стрессы. Огромная работоспособность, позволяющая заниматься производством с 8 часов утра до позднего вечера, часто без выходных дней.
3. Целеустремленность и дипломатичность при решении любых задач производства.
4. Хороший докладчик и сильный полемист с юмором. Его перо было четким, понятным и эрудированным.
5. Человек слова. Обещания всегда выполнял. Если обстоятельства изменялись и нельзя было выполнить обещанное, то он заранее объяснял это и извинялся.
6. Жизнелюб и оптимист, знающий себе цену.

Я знал многих главных инженеров геофизических организаций, но самыми сильными личностями из них были Александр Петрович Соловов и Юрий Николаевич Годин, которых можно было назвать без всяких скидок Главными. С Юрием Николаевичем я познакомился в 1952 г. в Ашхабаде, когда он был главным инженером Туркменского геофизического треста. С восхищением наблюдал за его кипучей энергией и четкими профессиональными распоряжениями. Он сумел привлечь для сотрудничества по сейсморазведке академика Г.А. Гамбурцева, директора геофизического института АН

СССР, члена-корреспондента Ю.В. Ризниченко, которых я встречал в Ашхабаде и Джебельской геофизической экспедиции. Позже виделся с ним на различных совещаниях и в стенах институтов Москвы и Ленинграда. После снятия А.П. Соловова Ю.Н. Годин был одним из кандидатов на должность главного инженера Главного геофизического управления МинГео СССР, но определенным органам что-то не понравилось в его досье.

В июне 1958 г. по приглашению А.П. Соловова был в Мугоджарской геофизической экспедиции, базировавшейся вблизи ж.д. станции Берчогур на месте бывшей угольной шахты. Он развил кипучую деятельность по строительству, не забывая и о полевых работах, которые проводили уже пять партий. На следующий день выехали в турне по Мугод-жарам (самый юг Уральского хребта), посетив геофизические партии, месторождения хромитов, меди и золота. Ачисайский прибор ГРБ-2 уже использовался для поисков хромитов. После отъезда А.П. Соловова для работы в Москве в ВИМСе на гравиметрической аномалии последующим бурением на глубинах 100-300 м было выявлено крупное месторождение хромитов (40 лет Казахской ССР). Поездка была для меня очень интересной и познавательной благодаря лекциям начальника экспедиции о геологии, металлогении и его планах в Мугоджарах.

После защиты отчета по обобщению геофизических работ на Ачисае в геофизическом тресте управляющий М.Д. Морозов и главный инженер А.П. Гавеля дали мне сюрпризное задание - издать диссертацию А.П. Соловова «Основы теории и практики металлометрических съемок» за семь месяцев. Я был потрясен и, естественно, отказался. Уговоры шли долго с многочисленными аргументами начальников (нужно помочь А.П. Соловову, Вы же его цените, он много Вам дал для профессионального роста и т.д.). Я согласился с трудом, так как не знал, как браться за это незнакомое мне дело. С их стороны была обещана любая помощь и содействие в этом деле.

Поговорил об этом с и.о. директора института геологических наук (К.И. Сатпаев был в отпуске) Г.Б. Жилинским, с которым был хорошо знаком. Он сказал, что в Академии издать книгу в такой срок невозможно: монографии академиков издаются в течение 2-3 лет. Посещение руководства редакционно-издательского Совета (РИСО) и издательства АН КазССР подтвердило мнение Г.Б. Жилинского. Тогда руководство треста познакомило меня с человеком, который знал директора типографии Главиздата Министерства культуры Казахской ССР. Он сходил со мной к директору этой типографии, с которым я стал обсуждать условия издания. Ему были необходимы дефицитные стройматериалы и трубы, помимо денег. Руководство треста согласилось с его условиями. Прихожу к директору типографии. Он говорит, что для печатания книги необходимо разрешение заведомо агитации и пропаганды ЦК Казахстана. Иду к руководству треста и

прошу его получить такое разрешение, зная, что у него тесное сотрудничество с отделом промышленности. Оно не может этого сделать и просит меня самого добиться такого разрешения. Я наивный человек. Руководство треста не могло обратиться в отдел ЦК, так как сделка по дефицитным трубам и стройматериалам была незаконной. Иду к заведомому (вход по партийному билету свободный - Хрущевские времена). Его ответ: «Станки печатные изношены и лишняя загрузка нежелательна». Ссылаюсь на президента АН КазССР К.И. Сатпаева, который высоко оценил металлометрическую съемку, благодаря которой были открыты многие рудные месторождения в Казахстане. Заведомому произносит: «Принесите публикацию об этом». Приношу статью К.И. Сатпаева, показываю на абзац, где говорится: «Нигде, ни в Советском Союзе, ни за рубежом, не были в таком объеме и с такой эффективностью, как в Казахстане, применены методы металлометрической съемки. Ряд крупных месторождений металлических ископаемых в пределах Центрального Казахстана был открыт в послевоенные годы, благодаря широкому развитию металлометрических съемок» (Изв. АН КазССР. Серия геологич. №4, 1957). Ответ: «Такая оценка президента говорит о важности этой книги, поэтому необходимо ее издавать и печатать в АН КазССР». Объясняю ему свои хождения и разговоры. Он просит, чтобы ему позвонил председатель РИСО. Иду к нему и он объясняет заведомому ситуацию с изданием в Академии. Итак, третий визит в ЦК. Заведомому теперь уже интересуют подробные сведения о металлометрии и результатах. После этого он произносит: «В порядке исключения разрешаю печатание книги в типографии». Директор типографии говорит, что необходимо их издательство и их редактор, а А.П. Соловов просил, чтобы было издательство АН КазССР. Предлагаю директору взять редактором сотрудника их издательства, а на титульном листе будет значиться АН КазССР. Это его устраивало. Руководители РИСО и издательство согласны при условии, если будет их редактор. Составляю два договора. Академический редактор добросовестно трудился, а другой ничего не делал, а деньги получили оба. Потратил много времени на цензора, чтобы оставить названия открытых металлометрией рудных месторождений. Сдал рукопись в типографию и 29 декабря 1958 г. она была подписана к печати, а в феврале 1959 г. автор получил книгу в твердом переплете (тираж 2000 экземпляров), на титульном листе которой значилось «Издательство Академии Наук Казахской ССР, Алма-Ата - 1959 г.» с известной маркой издательства. Он подарил мне монографию с надписью «С благодарностью за издательские хлопоты». М.Д. Морозов сказал А.П. Соловову: «Если бы не В.З. Фурсов, то Ваша книга не была бы издана».

В марте Александр Петрович совершил чудо на Ученом Совете Ленинградского Горного института при содействии член-корреспондентов АН СССР А.А. Саукова,

П.М. Татаринова и известного геолога (оппоненты), став доктором геолого-минералогических наук, не имея высшего образования. Его книга, которую он вручил членам Ученого Совета перед защитой, сыграла некоторую роль.

С А.П. Солововым встречался много раз на совещаниях, в комиссиях и будучи начальником Центральной геохимической партии Казгеофизтреста (затем Центральная геохимическая экспедиция) пригласил его, А.И. Перельмана и Р.И. Дубова для сотрудничества. По заданию Заместителя Министра Геологии КазССР М.Д. Морозова наша партия должна организовать стационарную геохимическую партию с современной газовой лабораторией на Мангышлаке, где были открыты крупные месторождения нефти Жетыбай и Узень. Поэтому я решил совершить автотурне к Каспию, посетив по дороге некоторые месторождения, и познакомиться с геохимическими и лабораторными работами в Среднеазиатских республиках. Ознакомил профессора МГУ с моим маршрутом. Он загорелся и попросил взять его в эту поездку. Я боялся, что ему будет трудно в 57 лет физически перенести эту дальнюю тяжелую поездку. В ответ: «Что Вы, я здоров и помехой для Вас не буду». Тогда я попросил его получить письмо от начальника Главного геофизического Управления, члена коллегии МинГео СССР (оно курировало геохимические работы) В.В. Федынского об организации комиссии для ознакомления с состоянием геохимических работ в республиках. В нее вошли А.П. Соловов (председатель), Р.И. Дубов (СибГе-охи АН СССР) и я.

11 июня 1965 г., пятница. В 7 ч. 30 мин выезжаем из Алма-Аты в составе: А.П. Соловов (командор автопробега), я (штурман), Р.И. Дубов (финансист) и А.В. Солдаткин (шофер нового ГАЗ-69) и мчимся вдоль Заилийского Алатау, протягивающегося широтно на 350 км, со снежными вершинами (пик Талгар 4951 м) и зелеными коврами разных оттенков. Пересекаем Чу-Илийские горы через Курдайский перевал (1380 м), спускаемся круто к плодородной Чуйской «сахарной» (свекла) долине, пересекаем реку Чу и вот Киргизия. Едем вдоль Киргизского Алатау, протянувшегося широтно на 375 км, с белыми шапками наверху (Западный Аламедин, 4875 м) и зелеными уборам внизу. Во Фрунзе останавливаемся у приятного здания геологического Управления в тени ухоженного бульвара. В течение четырех часов обсуждаем состояние, результаты геохимических работ, делаем замечания и предложения по их улучшению, оставляя короткую записку. Обедаем в ресторане и в прекрасном настроении при солнечной погоде продолжаем путь на запад до городка Кара-Балта, где поворачиваем прямо на юг к Киргизскому Алатау и через тоннельный перевал Тёо-Ашуу (3500 м) спускаемся в цветущую долину реки Сусамыр с разнообразием трав, цветов и многочисленными табунами лошадей, отарами овец и разноцветными юртами, в которых

всегда есть приятный, пенистый, пьянящий кумыс. Поворачиваем на запад и по верховьям реки поднимаемся на перевал Алабель (3100 м), затем спускаемся в ущелье реки Чичкан, впадающей в Нарын, с пышными травами и раскидистыми кронами столетней арчи. Река прорезает вертикальные пласты пород бурным пенящимся потоком, над которым отдельные капли играют на солнце всеми цветами радуги, а в середине ее многочисленные глыбы разбивают воды реки. Мы рвемся вниз на юг между Таласским Алатау (запад) и Сусамыром (восток) по прекрасному асфальту, проезжая райцентр Токтогул и реку Нарын длиной 720 км, берущую свое начало из ледников Центрального Тянь-Шаня. При слиянии ее с Кара-Дарьей образуется Сыр-Дарья - важнейшая водная артерия Средней Азии и Казахстана. Ночевали на левом берегу Нарына, проехав 820 км. Уставшие засыпали под монотонные звуки текущих вод.

12 июня, суббота. Выезд в 8 ч. 30 мин. курсом на юг, проехали Каракуль, теснины ревущего Нарына и после Таш-Кумыра въезжаем в густонаселенную плодороднейшую Ферганскую долину (разнообразные вкусные фрукты, овощи и хлопок), ее узбекскую часть. В зеленом городе Андижане на базаре ели дымящий шашлык с приятным запахом, затем пили зеленый чай с янтарным сладким виноградом и вкусной свежей белой лепешкой с маком. Проехали Ош, Иски-Наукат и в 18 ч. были в Чонкойской (Улугтауской) ГРП. Старший геолог Мирзаахмедов (узбек) оказался «нашим земляком», так как его родной кишлак Атабай расположен в 15 км от базы Турланской геофизической экспедиции. Рассказал о ртутном месторождении Улугтау, передал нам геологическую карту и разрезы, где были показаны погребенные рудные тела под золовыми суглинками мощностью 30-50 м. За день проехали 500 км, поэтому у нас остались силы на вечерние интересные разговоры в гостиничном номере ГРП.

13 июня, воскресенье. Начали разбивку профилей в 8 часов и затем отбор геохимических проб над погребенными залежами бригадой в составе начальника-записатора (А.П. Соловов) и двух рабочих (Р.И. Дубов и я). Плотные суглинки пробивали киркой до глубины 30-40 см. Была сильная жара, от которой больше всех страдал Р.И. Дубов, да еще с подтруниванием начальника. В 17 ч. окончили тяжелый труд и получили приглашение на ужин от Мирзаахмедова. Прекрасный ароматный плов из свежей баранины, приготовленный хозяином по всем среднеазиатским правилам, с сухим виноградным вином, затем зеленый чай с виноградом и свежей лепешкой. Ночевка в гостинице Оша. Проехали за день 200 км.

14 июня, понедельник. Подъем в 6 часов. Ошский пьяный базар (местное название), расположенный на берегу Акбуры, от которой уходили в 30-е годы караваны Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР для исследования Памира. На завтрак вкусный

шашлык, затем зеленый чай и лепешка с виноградом. Южными румбами вперед на Памир! К подножию Митра, т.е. богу Солнца по следам Марко Поло и русских исследователей А.П. Федченко, Н.А. Северцова, В.Ф. Ошанина, Н.И. Вавилова и других отправляемся в 10 часов.

По долине реки Талдык поднимаемся на перевал Чигирчик (2406 м) и после спуска приезжаем в зеленый компактный райцентр Гульча, с гор которого я спускался на лыжах в 1937-1938 г.г. Здесь покупаем большой ящик сухого белого виноградного вина и поднимаемся по долине реки Гульчи, которая имеет 3-4 террасы, покрытые разнообразными сочными травами и арчой. На перевал 40 лет Киргизии (3541 м) дорога проложена с большим количеством серпантинов, что позволяет любоваться отдельными кусками Алайского хребта, вытянутого на 400 км в широтном направлении (5880 м). Осилив перевал, спускаемся в Алайскую долину протяженностью 130 км при ширине 8-22 км и высотами 2700-3500 м. Она является лучшим горным пастбищем Средней Азии, где с весны до поздней осени жируют отары овец и табуны лошадей из Киргизии и Узбекистана. Перед нами могучий Заалайский хребет с многочисленными снежными вершинами, а ниже зеленый растительный фон его склонов и долины создают при солнечном свете неопишемую картину, радующую глаз, сердце и веселящую душу. И это синхронно передается нам и нас охватывает восторг, сопровождаемый громкими междометиями. Пересекаем долину и поднимаемся на перевал Кызыларт (4280 м) Заалайского хребта северного форпоста Памира, вытянутого в широтном направлении на 92 км и несущего на своих плечах гигантскую вершину - пик Ленина (7134 м). Спуск с перевала и перед нами неприветливая горная пустыня Горного Бадахшана Таджикистана с высотами 4000-4200 м. И вдруг нас останавливают пограничники у шлагбаума, требуя пропуск в погранзону. У нас его нет. Мы что-то пытаемся объяснить, показываем документы. Они просят нас проехать на заставу, которая находится на берегу горько-соленого озера Каракуль. На подножки авто с обеих сторон становятся пограничники с автоматами, указывая путь шоферу. Молодой капитан (начальник заставы) просматривает придирчиво наши документы и ведет допрос. Командору задает вопросы по Москве, финансисту - по Иркутску, а мне - по Алма-Ате, причем очень дотошно, так как это его родина. Соловов достает письмо Федынского, которое окончательно его убеждает, что мы настоящие граждане Союза. Он сказал, что пропуска ввели пять дней назад: испортились отношения с Китаем. Естественно, что этого мы не знали. Он пригласил нас в столовую, где пахло пельменями из мяса архара, тесто сырое, мясо не доварилось, так как вода кипит на высоте 4000 м при температуре существенно ниже 100°C. Начали есть только мясо из пельменей, запиваем нашим сухим вином. Принесли копченую фирменную алма-

атинскую колбасу, которую с удовольствием все ели. Затем капитан позвонил в Мургаб майору (начальник группы застав) и просил его разрешения на продолжения нашего маршрута. Ответ отрицательный. Нас устроили в отдельной комнате для отдыха. Проехали за день 300 км с изменением высот от 600 до 4280 м и температур от 35° до 0°С. К 22 часам капитан сообщил нам радостную весть: при повторном разговоре майор дал разрешение с условием, чтобы мы явились к нему.

15 июня, вторник. Подъем в 6 ч 30 мин, вода в умывальниках, находящихся на улице, замерзла. Подъезжаем ближе к озеру Каракуль (глубина до 236 м). Созерцая его разноцветные воды, смотрим на пик Ленина, покрытого ледниками. Виды изумительные при восходящем солнце. Южными румбами двигаемся по пустыне с чахлой растительностью. С востока Сарыкольский хребет змеевидного очертания, который отделяет нас от Китая (до границы 8-10 км). Поднимаемся незаметно на самый высокий автомобильный перевал в Союзе Акбайтал (4655 м) с чиханием мотора: не хватает кислорода. Приезжаем в 11 ч 30 мин в Мургаб, неприветливый райцентр без зелени. Приходим к майору, показываем документы и письмо из МинГео. Сначала нотации, потом приветливая улыбка. Звонит своему старшему начальнику в Хорог, убеждает его о необходимости нашего проезда. Тот разрешает с условием, чтобы утром мы явились к нему. Скучная столовая, что-то едим и пьем никудышный чай. Переезжаем реку Мургаб, которая западнее была перегорожена огромной массой скальных пород, образовавшихся при землетрясении в 1911 г. Это привело к рождению Сарезского озера длиной 61 км и глубиной до 500 м. Проезжаем перевал Найзаташ (4137 м) и спускаемся в более приветливую Аличурскую долину, через которую постоянно течет река Аличур, впадающая в озеро Яшилькуль. Здесь спокойно пасутся яки, дающие очень жирное молоко (6-8%). Поднимаемся незаметно на перевал Койтезек (4271 м) и пустынный ландшафт опять перед нами. Вверху с севера и юга на высотах 5700-6500 м искрятся на солнце снежные вершины. Спускаемся в долину реки Гунта и начинается Западный Памир. Здесь в отличие от Восточного Памира, который сохранил древний сглаженный рельеф с пологими склонами и был поднят альпийскими тектоническими движениями на огромные высоты, резко расчлененный рельеф глубокими ущельями рек. Направление движения широтное по долине, на склонах огромные протяженные осыпи. С севера Рушанский (6080 м) и юга Шугнанский хребет (5704 м), ледяные шапки которых блистают на солнце. Ниже появляется древесная растительность (облепиха, боярышник, береза, тополь) и многочисленные кишлаки (Пиш, Патхур, Вир и др.). Сворачиваем на юго-запад и к темноте приезжаем в Хорог, ночевка в гостинице. Проехали за день 540 км.

16 июня, среда. В 9 часов у подполковника. Нотации, угроза отправить по этапу.

Затем просмотр наших документов, письма МинГео и более дружелюбный разговор. Дается разрешение с условием: не останавливаться и не фотографировать. Хорог, столица Горно Бадахшанской автономной области, расположен на берегу Гунта близ впадения его в реку Пяндж на высоте 2200 м. Славится Памирским ботаническим садом, который мы обозрели снаружи. Покушали сытно в приличной столовой и в путь. У места впадения Гунта в Пяндж поворачиваем круто на север и по долине этой могучей реки, при слиянии которой с Вахшем образуется Аму-Дарья. Теперь Афганистан рядом за рекой, в некоторых местах до их кишлаков 30-40 м, где Пяндж входит в теснины, бушуя. У кишлака Пашор он медленно течет, как будто вышел на равнину. У кишлака Рушан в него впадает неистовый Бартанг, вытекающий из Сарезского озера. Гигантские осыпи хребтов Сафедхирса (Афганистан) и Язгулема с ледяными шапками заставляют поднимать высоко головы, напрягая до боли мышцы шеи. Разница в высотах между дорогой и вершинами доходит до 4000-5000 м. Западнее реки Ванч, впадающей в Пяндж, увидели на афганской стороне потрясающую картину: по оврингу (овринги – единственные дороги, соединяющие соседние кишлаки (селения)) шириной 0,6-0,7 м верхом на лошади ехал афганец на высоте 50-70 м от вод Пянджа, неистово здесь бурлящего и кричащего. Овринг качался при движении и нам было страшно смотреть. Их сооружают путем пробивания горизонтальных отверстий в скалах, затем погружают в них горизонтальные палки, на которые настилают плетни. Нарушив указания подполковника, остановились и с открытыми ртами смотрели на необычное зрелище. Ночевали в районе Калай-Хумба на берегу Пянджа у впадения Обихумбоу в эту реку. Заснули крепким и здоровым сном, несмотря на громкий шум реки, по дну которой перекачивались огромные камни. За день проехали 300 км.

17 июня, четверг. Выехали в 7 часов утра вверх по реке Обихумбоу, несущую самую чистую и вкусную воду в Средней Азии. Многочисленные пороги при солнечном свете создают немыслимые краски с приятной прохладой даже при 40°C. Уходим от прекрасной реки на северо-запад к перевалу Хабуработ (3340 м) Дарвазского хребта. С перевала видна узкая долина Обихумбоу, а с другой стороны - чудесная долина Обихингоу с многочисленными кишлаками и зелеными насаждениями: яблони, урюк, грецкий орех и др. Спускаемся с перевала по 14 серпантинам, украшенным цветущими эремурусами белого, голубоватого и желтого цвета. Переезжаем по мосту реку Обихингоу и прощаемся с чудесным по экзотике Памиром. Следуем вниз по этой реке и видим замечательное творение природы - гору Тюльпан. Сундучная складка, сооруженная природой, в форме цветка, а цветоножкой является вертикальная трещина, покрытая ярко-зеленой растительностью. Останавливаемся и любуемся редким шедевром Природы.

Долина реки расширяется, заполняясь цветущим тамариском, и появляется маленький райцентр Тавильдара, домики которого находятся на узкой поднятой над рекой террасе и притиснуты к скале с грозными очертаниями наподобие огромного исторического замка. Подъезжаем к месту слияния Обихингоу с Сурхобом и образования могучего Вахша. Смотрим на разные цвета вод, которые долго по течению не смешиваются. По правому берегу Вахша въезжаем в приятный зеленый райцентр Комсомолабад. Идем в чайхану, которая расположилась у огромной чинары (платана) 800-1000-летнего возраста. Кушаем с удовольствием плов, шашлык из свежей баранины, пьем зеленый чай и жизнь чудесна даже при жаркой погоде (45 С) под могучей кроной чинары с прохладой, принесенной холодным говорливым Вахшем. Едем вдоль мутного и бурного Вахша, проезжаем по узкой опасной дороге через голубые скалы, а внизу ниже нас на 200-300 м мечется река. Прощаемся навсегда с Вахшем и вскоре перед нами райцентр Обигарм, расположенный на широкой террасе. Идем в минеральную баню, где из скважины поступают оздоровительные горячие воды. Обмываемся в душе и после этого погружаемся в маленький бассейн (1,5х3 м). Долго сидеть в такой горячей воде нельзя, так как у многих, включая меня, начинается учащенное сердцебиение. После такой бани появляется приятная легкость. Ниже на 150 м, на берегу реки Обигарм находится известный курорт с такими же полезными водами, которые мы опробовали. Мчимся по хорошему асфальту на юго-запад по долине реки Илякдарьи. Наш командор все время показывает шоферу пальцем на спидометр, требуя увеличить скорость. Это бывало часто при нашем автопробеге. Проезжаем Файзабад, Орджоникидзеабад, чистую холодную реку Кафирниган и в 19 часов останавливаемся у гостиницы «Душанбе» в городе Душанбе, проехав 380 км. Принимаем душ в гостинице и довольные идем на открытую веранду ресторана на 3-ем этажа. Вкусные блюда, крепкие напитки, разговоры о Памире - все это веселит наши души. Прогуливаемся по широкому длинному красивому проспекту Ленина, состоящему из двух улиц, разделенный четырьмя рядами стройных чинар с тротуарами для пешеходов.

18 июня, пятница. Встреча с начальником Таджикского геологического Управления В.И. Верховым. Встретил нас очень любезно, рассказал, что ему звонил подполковник из Хорога. Он подтвердил, что мы члены комиссии и выполняем задание Министерства. После этого наш командор подробно изложил цели комиссии В.И. Верхову, геологам и геохимикам Управления. К работе приступили сразу и работали с геохимиками до 22 часов.

19 июня, суббота. Работали с геохимиками с 9 до 22 часов.

20 июня, воскресенье. Работали с 9 до 14 часов. Составили записку о состоянии

геохимических работ в Управлении, результатах и своих предложениях по их развитию. Пообедали в чайхане: шурпа, плов, шашлык, зеленый чай с черным и белым сладким виноградом и душистыми лепешками. Двигаемся на север по долине Варзоба, склоны гор покрыты ковром травы и редкой арчой, а вблизи реки разнообразные деревья, включая и грецкий орех. В 5 км к западу находится известный радоновый курорт Ходжа-Обигарм. Поднимаемся медленно к перевалу Анзоб (3372 м) Гиссарского хребта, протягивающегося с отдельными снежными вершинами (4881 м) на 200 км в широтном направлении. С перевала открывается внушительная картина Гиссарского и Зеравшанского хребтов, прорезаемых быстрой рекой Ягноб, к которой спускаемся. В верховьях этой реки живет малочисленная этническая группа горных таджиков. Едем вниз по тесной долине Ягноба и вдруг река полностью исчезает под огромными глыбами пород и появляется только через 1-1,5 км. При землетрясении в 1913 г. обрушилась скала и завалила русло реки. Далее Ягноб сливается с Искандердарьей, вытекающей из озера Искандер-Куль, образуя Фандарью, которая впадает в Зеравшан. В 22 часа подъезжаем к гостинице поселка Айни. В этот неполный день проехали 200 км.

21 июня, понедельник. В 7 ч 30 мин смотрели место оползня, который перекрыл крупную реку Зеравшан. Саперам пришлось потрудиться, чтобы взрывами проделать щель для стока скопившейся воды. Зрелище потрясающее: кто-то гигантским экскаватором срезал огромную массу горных пород. По Зеравшану едем на запад между хребтами Зеравшанским (Чимтарга, 5494 м) на юге и Туркестанским (Пирамидальный, 5680 м) на севере, простирающимися широтно соответственно на 370 и 320 км. По пути встречаются зеленые кишлаки Дардар, Урметан, Ёри и Суджина. Въезжаем в Пенджикент, в 1,5 км от которого находится городище древнего Пенджикента, бывшего в VI-VIII веках важным культурным центром Согдианы. В Магианской ГРЭ, базирующейся здесь же, с 11 до 17 часов обсуждали геохимические работы в экспедиции на ртуть и золото. Оставили небольшую записку со своими предложениями по геохимии и направились в Самарканд, где хорошо поели в приличном ресторане. Ночевали в гостинице Джизака, проехав 350 км.

22 июня, вторник. Утром завтракали в чайхане на базаре (шашлык, зеленый чай со сладким прозрачным виноградом и вкусными свежими лепешками). При расчете у командора не хватило денег. Он на расстоянии протягивает руку к нам, прося деньги. Ближе к нему сидела нищенка и со словами: «Сейчас родной» залезает под грязный лифчик, достает замусоленную купюру и подает профессору. Тот отказывается. Она продолжает: «Бери, бери, мне не жалко!».

В Джизакской геофизической экспедиции с 9 до 11 часов обсуждали геохимические работы на золото, ртуть и другие металлы. Затем приехали опытные геохимики Приташкентской геофизической экспедиции Узбекского геофизического треста: главный инженер А.Г. Хваловский, главный геолог Н.Б. Вольфсон и начальник центральной геохимической партии М.А. Абатурова. Обсуждение их работ велось с 11 до 21 часа в жарких дискуссиях. Особенно много дискуссировали по составлению кадастра геохимических аномалий. В итоге пришли к компромиссному решению. После этого нас пригласили на именины, которые были уже в разгаре. Обильный стол, вкусное местное виноградное вино и отличная водка. Наш командор ушел через 2 часа, предупредив, что подъем в 6 часов. Я вернулся после часа, а Дубов добрался до кровати в 4 часа, напившись прилично.

23 июня, среда. В 6 часов команда командора: «Подъем!» В 7 часов, не выспавшись, уезжаем в Самарканд. Асфальт идет по узкой долине р. Санзар, которая пропилила юго-восточную оконечность хребта Нуратау, образовав Тамерлановы ворота (Джизакский проход), здесь не раз проходило войско Тимура в завоевательные дальние походы. После легкого завтрака начинаем осмотр Регистана, гробницы Тимура и других исторических мест города. Особенно интересно надгробие Тимура в виде огромного параллелепипеда из нефрита, расколотого пополам. Работа похитителей. Недосып сказывается: интерес к достопримечательностям падает. Наш курс - золото Мурунтау. Обедаем в Навои без энтузиазма, так как сказываются именины. Перед нами пустыня Кызылкум (Красный песок), занимающая 300 тыс. км² и представляющая собой равнину с уклоном к северо-западу и высотами 50-300 м. На ней размещаются ряд впадин и изолированных сильно расчлененных гор. Проезжаем впадину Караката и впереди появляются горы Арыстантау (696 м), за ними маячат горы Мурунтау (792 м). В 22 часа подъезжаем к лагерю Н.В. Храмышкина - первооткрывателя крупнейшего золотого месторождения Мурунтау. Он и другие геологи Узбекистана получили Ленинскую премию. Хозяин встречает приветливо. Нас тянет к роднику у лагеря с прекрасной холодной несоленой водой, что редко можно встретить в пустыне. Проехали за день 510 км.

24 июня, четверг. С 8 до 12 часов просмотр материалов по месторождению. Н.В. Храмышкин показывает нам результаты металлометрии масштаба 1:50 000 с аномалиями мышьяка и практическим отсутствием других элементов. Золото в это время не анализировалось. В зоне аномалий мышьяка была проведена металлометрия масштаба 1:10 000 и на аномалиях мышьяка был проведен анализ на золото, который показал высокие содержания благородного металла. Затем канавы и бурение. С 12 до 21 часа полевые работы. Осмотр площади месторождения, отбор проб на ртуть по канавам. Результаты золотометрии по обычной мелкой фракции на новом поисковом участке

были отрицательны, а по отдельным крупным фракциям элювио-делювия были гораздо лучше. Влияние эоловых отложений, которые при отборе существенно разубоживали пробы. Это одновременно высказали я и профессор. Начали работы по ситованию проб с разными размерами ячеек. В итоге нашли представительную фракцию, которую рекомендовали первооткрывателю. Впоследствии он нас благодарил и был рад полученным результатам по ртути. Ртутные ореолы были контрастными и четко совпадали с золотом. С 21 до 23 часов был обильный обед-ужин в лагере с интересными разговорами. В 23 часа выезд и ночевка в районе Гиждувана, проехав 200 км.

25 июня, пятница. Выезд в 8 часов и вскоре в Бухаре, которая в течение многих веков была культурным центром Средней Азии, в XVI-начале XX вв. - столица Бухарского ханства. Осмотрели развалины дворца эмира, тюрьму (зиндан), минарет Калян (1127 г., высота 45 м), медресе Улугбека и другие. Много старых кибиток и узких улочек, где могут проехать только ишаки (ослы). Обед в чайхане, где расселись на возвышении по-мусульмански, сняв обувь. Под нами струилась вода небольшого арыка, а сверху свисал янтарный виноград. Далее ехали вдоль железной дороги и вскоре вступили в жаркие красные барханы Кызылкумов с густыми зарослями саксаула, самыми ядовитыми змеями (гюрза, эфа) и крупными шипящими вараками. Въезжаем в Туркмению и перед нами могучая река - Аму-Дарья. Закаспийская ж.д., связавшая Красноводск с Бухарой, была построена через две огромные пустыни Каракумы и Кызылкумы в короткие сроки. В выборетрассы ж.д. и ее обосновании принимал активное участие выдающийся геолог В.А. Обручев. Первый ж.д. мост через бушующую Аму-Дарью, которая не разбиралась тогда на орошение, построен в рекордный срок: «Первая свая была забита 23 августа 1887 г., а в январе 1888 г. по деревянному мосту прошел первый поезд.» (Туркестанский край, XIX т. под ред. П.П. Семенова-Тяншанского, Санкт-Петербург, 1913, 861 с). Про тяжесть моста 1,6 км, через 14 лет деревянные опоры были заменены каменными, а в 30-х годах XX века был построен металлический мост. Переправившись на пароме на левый берег, оказались в Чарджоу, в ресторане которого на открытом воздухе, смотря на величественную Аму-Дарью, плотно поужинали. Проехали вдоль Аму-Дарьи на юго-восток 120 км по плохой дороге. За день отмахали 320 км. Тишина, яркие звезды на темном южном небосводе. Горячий воздух от разогретого песка облекает тело, мешая спать. Это Каракумы (черный песок), площадь которых около 300 тыс. км².

26 июня, суббота. Выезд в 7 часов на юго-запад по плохой дороге, встречаются барханные пески и их нужно объезжать. 100 км ехали более трех часов под палящим солнцем с песчаной пылью. Увидели Каракумский канал, несущий часть вод Аму-Дарьи

на запад. Переправились на его левый берег и приехали в поселок строителей канала Ничку. Вдоль канала двинулись на запад, часто буксуя в песках и объезжая барханы. Ночевали опять на раскаленных песках с раскладушками, проехали 290 км.

27 июня, воскресенье. В 7 часов в путь. После тяжелой, плохой и длинной дороги выехали на нормальную трассу. Проехали Захмет, Байрам-Али, Мары, Теджен, Душак и Каахка, где с юга появился Копет-Даг (2942 м), протягивающийся вдоль границы с Ираном на 600 км. Около поселка Артык до границы 4-5 км. Ночевка вблизи Каракумского канала. За день увеличили маршрут на 400 км.

28 июня, понедельник. В 7 ч 30 мин продолжили путь. В 11 часов показался Ашхабад (город любви по-арабски), который с юга ограничен Копет-Дагом, а с севера – Кара кумами. Город был разрушен полностью после катастрофического землетрясения в 1948 г. Его быстро восстановили и он стал выглядеть гораздо лучше. Это зеленый тихий, спокойный город, более жаркий и меньший по размерам по сравнению с Фрунзе, Душанбе, Алма-Атой и Ташкентом. После устройства в гостинице «Туркменистан», обед в ресторане и отдых, а я проводил время в газовой лаборатории Туркменского геологического Управления, где знакомился с приборами и методиками измерений углеводородных газов. К вечеру жара спала и легкий ветерок с гор принес прохладу. Пошли в ресторан, где был сытный ужин с бутылкой коньяка (проспорил профессор). Затем прогулка по ночному Ашхабаду и сон. Проехали за день 200 км.

29 июня, вторник. Поздно встали, поэтому выехали в 11 часов. Хотели проехать к развалинам Нисы (18 км северо-западнее города), основание которой относится к эпохе родового строя. Позже здесь находилась одна из первых укрепленных резиденций парфянских царей династии Аршакидов. Нехватка времени не позволила посетить останки древней Нисы. Проехали Геок-Тепе, Бахардеп, Кызыл-Арват, Казанджик и распрощались с Копет-Дагом и впереди с юга замаячил Малый Балхан (779 м). В Небит-Даге у подножия Большого Балхана (1880 м) севернее города крепко поужинали и решили ехать до Красноводска ночью, чтобы избежать изматывающей дневной жары. Проезжаем Джебел, где находится известный курорт благодаря озеру Мола-Кара, в котором соленость такая, что нельзя утонуть (собственный опыт). Проезжаем Узбой - древнее русло Аму-Дарьи, которая впадала в Каспий. Дорога не сахар и плюс ночь. За день проехали 600км.

30 июня, среда. После легкого завтрака в Кисдоводске в 11 часов выезжаем на север вдоль Каспия. Проезжаем места, воспетые К.Г. Паустовским (повесть «Кара-Бугаз»), заброшенный поселок Кара-Бугаз, бывший центр добычи морских солей, залив Кара-Богаз-Гол (площадь 13 тыс. км²) и пролив Кара-Богаз (длина 9 км, ширина 100-300 м), через

который в залив поступает 6-25 км³ вод Каспия в год. Он представляет гигантскую природную солеварню различных солей, включая мирабилит (глауберовую соль). Это величайшее в мире месторождения природных солей морского типа. После перекрытия пролива с целью уменьшения расхода вод Каспия на испарение залив полностью высох. Командор и шофер с авто переправляются на пароме, а Р.И. Дубов и я переплываем пролив (200 м). Далее дороги нет. Слева море, а справа непроезжие барханы. Едем по кромке берега, где мокрый песок (он плотнее сухого песка). Из-за ветра волна купает нас и авто превращается в катер. Остановиться нельзя, так как можно увязнуть надолго. Машины не ходят. Такой опасный путь равен 35-40 км. Появился Бекдаш - новый центр добычи морских солей. Совмещаем обед с ужином и в 21 час направляемся на север, вступая вскоре на территорию Казахстана. Ночевка в районе залива Кендырли, проделав маршрут в 350 км. Тихо, спокойное море и на темном фоне далекие яркие звезды.

1 июля, четверг. В 8 часов тронулись на север, проехав мимо впадины Каунды, которая на 57 м ниже уровня моря. В 14 часов перед нами поселок Ералиево - центр нефтяников Мангышлака, расположенном на берегу Каспия. Я расстаюсь с командой, которая направляется в горную часть полуострова Мангышлак. Встречаюсь с руководством треста Мангышлакнефтеразведка и договариваюсь о помещении для партии и газовой лаборатории. У треста трудная ситуация с помещениями, так как трест растет «как на дрожжах», а строители не успевают. Мне это удалось благодаря прямому указанию о выделении помещения нам Министра геологии КазССР Ш.Е. Есенова. За 18 дней проехали на авто 6660 км, пять перевалов высотой более 3000 м и четыре свыше 4000 м (Акбайтал 4650 м) и даже опустились на 40 м ниже уровня моря. Александр Петрович молодец, выдержал все трудности пути с честью. В конце маршрута произнес: «До конца жизни не забуду это путешествие». И действительно не забыл. Через 27 лет, в августе 1992 г. незадолго до его смерти, Р.И. Дубов и я встретились в доме Александра Петровича. Он нас угощал пятью сортами французского сыра, привезенного накануне его дочерью из Парижа. Затем начали смотреть слайды нашего маршрута от Алма-Аты до Красноводска, которые я сделал при повторном автопробеге, Он с удовольствием смотрел слайды и дополнял мой рассказ интересными деталями, которые я и Р.И. Дубов уже забыли.

ФУРСОВ Василий Захарович в 1952 г. окончил Среднеазиатский политехнический институт в Ташкенте. Доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ). Работает в области геохимических методов поисков месторождений и экогеохимии. Автор нескольких статей по поисковой геофизике и свыше 100 статей по геохимии, монографий «Ртуть - индикатор при геохимических поисках рудных месторождений» (1977), «Газортутный метод поисков месторождений полезных ископаемых» (1983), «Возможности ртутметрии» (1998), «Опыт атомно-абсорбционного анализа ртути» (2000), «Выявление и оценка наложенных геохимических аномалий ртути на закрытых территориях при МГХК-200» (2001) и «Ртутметрические методы при геологическом картировании и экологических исследованиях» (2006).

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УЧИТЕЛЕ

Александр Петрович Соловов переехал в Казахстан в начале 50-х годов прошлого столетия. Переезд этот был скорее вынужденным, чем добровольным – так сложилась его судьба.

Непростое пребывание в Казахстане началось с работы главным инженером Турланской геофизической экспедиции, расположенной вблизи поселка Кантаги в Южном Казахстане. Он был очень подавлен в это время и тяжело переживал свой вынужденный отъезд из Москвы.

Некоторое разнообразие в его жизнь внес переезд в 1956 году в Алма-Ату, куда он был приглашен профессором для чтения лекций по курсу «Геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых» для студентов-геофизиков Казахского горно-металлургического института им. В.И. Ленина. Я поступил в это время именно в этот институт и именно на эту специальность и поэтому отношу свое первое знакомство с ними именно к этому времени.

Столичная казахстанская жизнь быстро захватила Александра Петровича и вовлекла его в бурный водоворот событий геологического прогресса в Казахстане, царившего в то время. Тогда казахстанская геологическая наука переживала апогей своего развития, и новые методы поисков месторождений полезных ископаемых, каковыми, несомненно, являлись геохимические методы поисков, появившиеся благодаря трудам Александра Петровича, сходу вовлекались в производство и быстро давали блестящие результаты. Геологическая служба в республике была организована по территориальному признаку. Под Южно-Казахстанские геологическое управление в городе Алма-Ате было отдано прекрасное здание в центре города. В это же время был создан Казахский геофизический трест, первым руководителем которого был М.Д. Морозов, ставший впоследствии Министром геологии Казахстана. В.З. Фурсов создал при этом тресте сначала Центральную геохимическую партию (ЦГХП), а затем и экспедицию – ЦГХЭ, в которой работали выдающиеся геологи и геофизики: В.А. Бугров, Б.А. Досанова, Н.Н. Невинный и другие. Но самое главное в том, что В.З. Фурсов - ярый апологет атмосферических методов поисков месторождений полезных ископаемых - сумел «сплотить» вокруг себя (как в свое время Нильс Бор) крепкую, здоровую группу молодых и толковых, беззаветно увлеченных и преданных своему делу молодых геологов и геофизиков, среди которых были А. Карцов, А. Никитин, Б. Ракишев, А. Досмаилов, М. Рафаилович, А. Малахов, М. Ковин и многие другие. В то время в Алма-Ате и в Центральной геохимической

экспедиции, в частности, были очень частыми гостями такие геологические «звезды», как А.И. Перельман, Р.И. Дубов и конечно же, Александр Петрович Соловов, который к тому времени уже перебрался в Москву и работал в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Рожденная в бывшем Советском Союзе при самом непосредственном участии А.П. Соловова геохимическая (или как ее еще называли «металлометрическая») съемка проводилась в Казахстане в то время в прогрессивно возрастающем объеме. Опыт ее применения постоянно доказывал ее высокую эффективность. В результате ее применения в Казахстане были открыты сотни новых промышленных месторождений цветных и редких металлов.

Наиболее высокой эффективностью геохимические поиски охарактеризовались после начала проведения мелкомасштабных съемок в Центральном Казахстане (С.Д. Миллер и В.А. Кличников) в начале 50-х годов. Выявившаяся высокая эффективность нового метода поисков месторождений полезных ископаемых, а также развитие технической базы очень скоро позволили оценить самостоятельное значение геохимических поисков, считавшихся долгое время вспомогательным средством при ведении геофизических поисков. Особые результаты новый метод давал при поисках цветных и редких металлов. Применение геохимических методов очень скоро позволяло передавать в разведку геологическим организациям не просто «аномалии», а конкретные объекты, иногда даже с цифрами прогнозных запасов. Роль геохимических поисков в Казахстане в начале 50-х годов была настолько высока и общепризнана, что, начиная с этого времени и до момента распада Советского Союза, объем выполнявшихся геохимических работ в Казахстане составлял более 50% от общесоюзного объема этих работ. Результаты не преминули сказаться: как итог непосредственно этих работ в Казахстане было переоценено или открыто заново более 200 рудопроявлений и месторождений, среди которых можно назвать крупные промышленные месторождения Алайгыр, Южный Джаур, Батыстау и многие, многие другие. Академик АН СССР К.И. Сатпаев писал по этому поводу: «Нигде, ни в Советском Союзе, ни за рубежом, не были в таком огромном объеме и с такой эффективностью, как в Казахстане, применены методы металлометрической съемки» (К.И.Сатпаев, 1957).

В этой обстановке углубленное развитие теоретических основ геохимических методов поисков, совершенствование ее методики и техники, повышение геологической эффективности и снижение стоимости работ приобрели особую важность. И всеми этими вопросами самым активным образом занимался Александр Петрович Соловов.

Еще в 1950 году А.П. Солововым была составлена Инструкция по металлометрической съемке. В 1956 году им же была составлена более новая

«Инструкция по металлометрической съемке», утвержденная Министерством геологии СССР. В 1965 году под его авторством вышла совершенно новая «Инструкция по геохимическим методам поисков рудных месторождений». Во время пребывания в Казахстане А.П. Соловов был постоянно занят: новое: чтение курса лекций «Геохимические методы поисков и разведки полезных ископаемых» для студентов Казахского горно-металлургического института и на курсах повышения квалификации специалистов Казахского геофизического треста, публикация сборников и журнальных статей, издание методических рекомендаций по статистической обработке геохимических данных, публикация монографии «Основы теории и практики металлометрических съемок». (Алма-Ата, 1959), подготовка к изданию учебника. «Геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых» – далеко не полный перечень дел, в которые погрузился Александр Петрович во время пребывания в Алма-Ате и позже, уже работая в Москве и приезжая в Алма-Ату со своими сотрудниками и студентами в рамках заключенных договоров. Частыми гостями были А. Матвеев, А. Гаранин, С. Воробьев. Я благодарен судьбе за то, что на протяжении большого периода своей жизни имел счастье знать Александра Петровича, довольно часто видеть его и обсуждать с ним различные вопросы геологии. Я советовался с ним по всем вопросам. Помню, когда я получил приглашение переехать на работу в город Александров Владимирской области, в Геохимическую экспедицию, первым, с кем я обсудил этот вопрос, был Александр Петрович. «Ну, что ж, Михаил Самсонович, - ответил он, - Иван Грозный прожил там 17 лет. Ну и Вы поживете, сколько получится!».

А когда я получил из ВАКа весть о присвоении мне докторской степени буквально через 2 месяца после защиты диссертации и позвонил ему, чтобы сказать о том, что, видимо, это произошло лишь благодаря тому, что он был первым оппонентом, он ответил коротко и четко, хотя уже был болен и лежал в больнице: «Служу Советскому Союзу!»

Он был таким всегда: добрым, отзывчивым, жизнерадостным, энергичным остроумным, веселым. С ним было всегда по настоящему тепло и уютно. Не было таких вещей, которых бы он не знал и не мог бы объяснить: почему почта называется почтой, а инженер - инженером, и почему на поварах надеты такие высокие колпаки. Помню, как однажды мы договорились пообедать в ресторане гостиницы Алма-Ата, в которой они жили с Р. Дубовым. Ройд Ильич задерживался, мы ждали его в зале. Дубова все не было. Наконец, он вошел в зал, руки были в карманах пиджака. Оказалось, что он чистил ботинки и гуталин попал ему под ногти, окаймляя пальцы рук траурной рамкой. Дубов был смущен и не знал, что ему делать. Ситуацию мгновенно разрядил Александр Петрович: «Да что Вы так переживаете», - сказал он. «Если мы с Михаилом

Самсоновичем заметим, что кто-то всматривается в ваши пальцы, мы тут же объясним всем, в чем тут истинная причина!» И мы с дружным хохотом уселись за стол.

А уж за столом равных ему по красноречию и остроумию не было никого. Бывали и споры, но только о науке. Эти споры были бескомпромиссными.

У Александра Петровича осталось много учеников. Я счастлив, что могу отнести себя к этой великой когорте и бесконечно благодарен судьбе за то, что она подарила мне встречу с этим Великим Человеком – Ученым, Наставником, Педагогом и Учителем.

ТОНКОПЬИЙ Михаил Самсонович – профессор, доктор геолого-минералогических наук, академик Международной академии энергетики им. А.Энштейна, лауреат Республиканской премии им. А. Байтурсынова, Лучший преподаватель ВУЗа Республики Казахстан. Работал в научных и производственных структурах Министерства геологии Казахстана и России. Закончил Казахский политехнический институт. Обучался в аспирантуре Института геохимии СО Академии наук России. Там же защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Прошел стажировки во Всемирном Банке (Вашингтон), Международном институте Проблем управления (Москва), на кафедре Экономики природопользования МГУ. Являлся директором международных семинаров Всемирного Банка, руководителем работ по проекту РЕТА Азиатского Банка Развития «Региональное устойчивое развитие стран Центральной Азии и Северного Китая». Приглашался для чтения лекций в КНР, неоднократно награждался медалями международных симпозиумов. Является консультантом Гарвардского Института экономического развития по вопросам экономической и политической охраны окружающей среды в странах Центральной Азии, член общественного экологического совета МООС РК, национальный эксперт ПРООН по Каспийской экологической программе. С 1989 года заведует кафедрой Экономики природопользования и охраны окружающей среды Казахского экономического университета им.Т.Рыскулова.

М.С. Тонкопий – один из ведущих ученых Казахстана в области экономики природопользования и охраны окружающей среды, а также системного анализа и компьютерного прогнозирования природных ресурсов. Ему принадлежит более 300 работ по вопросам природопользования, 15 монографий, учебников, учебных пособий, изданных в Казахстане, России, США, Китае, Англии, Чехии, Японии и других странах.

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СОЛОВОВУ-100 ЛЕТ

В феврале 2008 года исполняется 100 лет со дня рождения Александра Петровича Соловова - выдающегося советского ученого в области прикладной геохимии, одного из основателей геохимических методов поисков рудных месторождений.

На протяжении многих лет А.П. Соловов осуществлял тесное сотрудничество с Александровской геохимической экспедицией. Начало этому сотрудничеству было положено 40 лет назад, когда в 1968 году кафедра геохимии геологического факультета МГУ приступила к проведению совместных с Геохимической экспедицией Центрального геофизического треста (ЦГТ) тематических работ в области совершенствования методики геохимических поисков рудных месторождений и, в частности, развития методов количественной математической обработки и интерпретации геохимических данных, в том числе с применением ЭВМ. Это направление в МГУ было создано, успешно развивалось и претворялось в жизнь профессором А.П. Солововым.

Проводимые под руководством А.П. Соловова тематические работы охватывали широкий круг проблем поисковой геохимии, включая развитие методов количественной математической обработки и интерпретации геохимических данных, в том числе, с применением современных ЭВМ. Разработанные под руководством А.П. Соловова на кафедре геохимии программы многомерной математико-статистической классификации по геохимическим признакам геологически сходных объектов, программы для отыскания с помощью ЭВМ геохимических показателей зональности оруденения, монотонно изменяющихся по геометрии объекта (по глубине, по простиранию и т. п.) и др. получили в 60-70-х годах широкое практическое использование в работах геохимических партий ГХЭ и других геологических организаций Министерства Геологии СССР (ЦГХЭ Казахского геофизического треста, Казахского филиала ВИРГа).

В ходе проводившихся под руководством А.П. Соловова тематических работ был выполнен значительный объём теоретических исследований и полевых опытно-методических работ с целью дальнейшего совершенствования методики геохимических поисков рудных месторождений в восточных районах СССР. Эти исследования проводились на территориях рудных районов Магаданской области, включая Чукотский национальный округ, в Приморье и на Рудном Алтае.

В результате проведенных теоретических, модельных и полевых геохимических исследований был обоснован принцип геометрического и геохимического подобия генетически однотипных объектов, позволяющий проводить оценку прогнозных ресурсов

металлов рудопроявлений и гипергенных геохимических аномалий на различных стадиях геологопоисковых работ в метрике эталонных месторождений.

Результаты тематических работ кафедры геохимии МГУ были широко внедрены в практику работ Александровской геохимической (впоследствии Опытно-методической) экспедиции, других организаций Министерства Геологии СССР, вошли в «Инструкцию» МинГео СССР (1983 г.), являющуюся и в настоящее время основным нормативно-методическим документом для производства поисковых геохимических работ на рудные полезные ископаемые.

Параллельно с решением научно-методических задач поисковой геохимии А.П. Солововым систематически (1-2 раза в год) организовывались в Геохимической экспедиции научно - практические семинары продолжительностью 5-10 дней на которых А.П. Солововым и другими сотрудниками кафедры геохимии проводилась лекционная и практическая работа в области интерпретации геохимических данных, в том числе с применением математических методов обработки геохимических данных на ЭВМ.

Широкая эрудиция и блестящие ораторские способности Александра Петровича привлекали на его лекции практически весь инженерно-технический состав экспедиции.

Наряду с лекциями проводились практические занятия, на которых сотрудниками экспедиции решались разнообразные задачи, возникающие в практике поисковых геохимических работ. Регулярное проведение таких семинаров под научным руководством А.П. Соловова в значительной мере содействовало повышению уровня специальных знаний сотрудниками экспедиции и в конечном итоге научно-техническому прогрессу в области методики геохимических поисков и обеспечению повышения их геолого-экономической эффективности. Под научным руководством А.П. Соловова сотрудниками экспедиции успешно защищены диссертационные работы по Магаданской области (В.П. Бородин), Рудному Алтаю (И.Ф. Мясников), Тиману (Ю.И. Кривопапов).

Ежегодно А.П. Соловов осуществлял совместно со специалистами, аспирантами и студентами кафедры геохимии выезд в полевые партии экспедиции в районы Приморья, Магаданской области, Рудного Алтая и др. для выполнения опытно-методических и научно-производственных задач, проведения консультаций для геологов-поисковиков непосредственно на участках поисковых работ.

А.П. Соловов стоит у истоков широкомасштабных геохимических съемок масштаба 1:200000, проведенных в период 1975-90 г.г. на обширных территориях в десятки и первые сотни тысяч км² в Магаданской, Камчатской, Амурской областях, Хабаровском крае, Чукотком АО и др. регионах. Эта задача была впервые обоснована А.П. Солововым в геолого-практическом плане и поставлена в качестве первоочередной для азиатской

части СССР (Сибирь, Дальний Восток, зона БАМ) в начале 70-х годов прошлого века. Работы были начаты в 1975 в Магаданской области в пределах Охотско-Чукотского вулканогенного пояса, где уже в первые годы привели к открытию серебряно-полиметаллического месторождения Гольцовое и ряда других высокоперспективных объектов. В последующем по результатам литохимических съемок по потокам рассеяния масштаба 1:200000 были открыты крупное месторождение золота Бамское в Амурской области, золотое месторождение Тас-Юрях в Хабаровском крае и другие объекты, в открытии которых есть заслуга Александра Петровича Соловова.

Нам посчастливилось знать лично и много лет общаться с Александром Петровичем. И.И. Степанов вспоминает, как после окончания Иркутского государственного университета работал под его руководством с 1956 по 1961 г.г. в Казахстане в Турланской (где А.П. Соловов был главным инженером), а затем в Берчогурской геофизических экспедициях Казахского геофизического треста. Он был руководителем Берчогурской экспедиции с момента её организации весной 1957 г. до переезда в Москву в 1961 г.

Александр Петрович был кумиром всего молодёжного состава экспедиции, а весь без исключения инженерно-технический состав этой экспедиции состоял из молодых специалистов. Его выдающиеся человеческие качества, истинная интеллигентность, глубокая образованность, неисчерпаемое трудолюбие и беспредельная преданность делу не могли никого оставить равнодушными – он завоевал всеобщую любовь и поклонение. Его авторитет основывался на личном примере и дисциплине. Зная его справедливость, никто не обижался на заслуженные наказания за все ошибки и просчёты, допускавшиеся по молодости. Но он и никогда не упускал случая хвалить и благодарить сотрудников за хорошо выполненную работу.

Все, кто с ним сталкивался по работе, благодарили судьбу за счастливую возможность общаться с таким Человеком с большой буквы. Он был для всех нас другом и учителем.

В обычной жизни Александр Петрович был прост и непритворен. Считал, что лучшая столовая – ближайшая. В полевых условиях питался всегда за общим столом или прямо у костра и с удовольствием ел полевую пищу. И.Ф. Мясников вспоминает, что Александр Петрович очень любил вареную кукурузу. Обычно готовили ее на костре, этот процесс мог продолжаться до 2-3 часов ночи. В это время он учил нас жизни, рассказывая различные случаи из своей биографии. Никогда не забуду рассказ Александра Петровича о том, как его в молодости арестовали в Западной Украине и обвинили в том, что он польский шпион. Но почему? Оказывается, он ежедневно чистил зубы, а на Украине тогда этого никто не делал. Кроме того, его обвинили в «бакунизме», т.к. в его записной книжке

следователь нашел заметку - «зайти к букинисту». К счастью, все обошлось, спас его московский следователь.

Нам просто повезло в жизни, что нашим учителем был Александр Петрович - эрудит, прекрасный рассказчик, Интеллигент с большой буквы.

Александр Петрович Соловов навсегда останется образцом для подражания, вот уж воистину про него можно сказать – Человек на все времена!

Фото. А.П.Соловов (в центре) на полевой базе партии № 1 ГХЭ в Омсукчанском районе Магаданской области с сотрудниками партии (1978 г.)

БОРОДИН Виктор Павлович (род. 20 августа 1944 г.) в 1970 г. окончил геологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1977-1981 г.г. обучался в заочной аспирантуре на кафедре геохимии МГУ (научный руководитель А.П. Соловов). Кандидат геолого-минералогических наук (1983 г.). Специальность - геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых. После окончания МГУ направлен на работу в Геохимическую экспедицию Центрального геофизического треста в г. Александров Владимирской области. Должности: геолог (1970-78), начальник отряда (1978-82), старший геолог партии (1982-87), начальник геологического отдела экспедиции (1987-88), главный геолог экспедиции (1988-97), первый заместитель директора по геологии (1997- по настоящее время). Соавтор «Методических рекомендаций по мелкомасштабному обобщению поисковых геохимических данных...» (2009 г.), «Методических рекомендаций по литохимическим методам поисков рудных месторождений по вторичным ореолам рассеяния» (1994 г.), «Методических рекомендаций по литохимическим методам поисков рудных месторождений по потокам рассеяния» (1992 г.),

ИНГОВАТОВ Анатолий Павлович в 1958 г. окончил Иркутский горно-металлургический институт с присвоением квалификации горный инженер-геолог и в 1975 г. - Всесоюзную Академию Внешней торговли по специальности экономист в области

международных экономических отношений. Трудовая деятельность: 1958-1970 г.г. - Дальневосточная геохимическая экспедиция (г.Благовещенск) - мл. геолог, геолог, начальник партии, гл. инженер экспедиции; 1970-1972г.г. - Геохимическая экспедиция (г. Александров) - гл.инженер экспедиции; 1972-1975 г.г. - Всесоюзная Академия Внешней торговли – слушатель; 1975-1977г.г. - Александровская опытно-методическая экспедиция - гл. инженер, начальник экспедиции; 1977-1982 г.г. - Республика Танзания - эксперт ООН по геохимии; 1982-1997 г.г. - Александровская опытно-методическая экспедиция, начальник экспедиции; 1997-1999 г.г. - Республика Гвинея, генеральный директор совместного Российско-Гвинейского предприятия «Sogirus»; 1999-2006 г.г. - ФГУП «Александровская опытно-методическая экспедиция», гл. инженер, директор предприятия; 2006 - настоящее время - ОАО «Александровская опытно-методическая экспедиция», - генеральный директор.

МЯСНИКОВ Иван Федорович (род. 13 июля 1935 г) окончил геологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ленина в 1958 г.. После окончания вуза был направлен на работу в Алтайскую геофизическую экспедицию Восточно-Казахстанского геологического управления. Работал на должностях геолога, ст. геолога и ст. геохимика экспедиции. 1971-75 г.г. – аспирант кафедры геохимии МГУ (научный руководитель А.П.Соловов). В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1968 г. переехал в г. Лебедянь Липецкой области в Западную геохимическую экспедицию, которая сменила много названий (ныне Александровская опытно-методическая экспедиция). В ней проработал до 1990 г. в различных должностях: ст. геолог, нач. партии, нач. производственного отдела, гл. инженер. Далее работал в различных фирмах. Область интересов – геохимические поиски рудных месторождений, а также месторождений нефти и газа с применением инновационных технологий, основанных на использовании высокоэффективной хроматографии. Районы работ: Рудный Алтай, Северный Урал, Оренбургская и Кировская области, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Иркутская область, Болгария.

СТЕПАНОВ Игорь Иванович - кандидат физ.-мат. наук, доктор геол.-мин. наук. Краткие сведения о работе: 1956-1961 г.г. - заведующий спектральных лабораторий Турланской и Берчогурской геофизических экспедиций (Казахстан); 1961-1962 г.г. - старший научный сотрудник Ирриредмета (г. Иркутск); 1962-1972 г.г. - заведующий спектральной лабораторией Центральной геохимической экспедиции Казахского геофизического треста (г. Алма-Ата); 1972-1982 г.г. - начальник участка Александровской геохимической экспедиции (г. Александров); 1982-1986 г.г. - заведующий лабораторией Геолого-геофизической экспедиции ЦНИГРИ (пос. Поваровка Московской обл.); 1986-2005 г.г. – старший, затем ведущий научный сотрудник института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН (г. Петропавловск-Камчатский); 2006 г. - по настоящее время – заместитель Генерального директора по науке и технике ОАО АОМЭ (г. Александров).

«Я ИМЕЛА ЧЕСТЬ ЕГО ЗНАТЬ!»

Когда я вспоминаю Александра Петровича, неизменно всплывает кажущееся сейчас старомодным выражение из русской литературной классики: «Я имел честь его знать».

Именно так – имела честь знать... Имя это впервые прозвучало для меня еще в Иркутске, когда я работала в лаборатории физических методов анализа (и одновременно страдала над диссертационной работой чисто геохимического плана) Института геохимии Сибирского отделения Академии Наук. Причем, что показательно, и геохимики, и спектроскописты произносили это имя с одинаковым трепетом.

Потом, неисповедимыми путями, оказалась я в столице, в Институте минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ), руководил которым тогда Лев Николаевич Овчинников. При ИМГРЭ действовал тогда Межведомственный совет по «Теоретическим основам геохимических методов поисков месторождений полезных ископаемых», созданный в 1968 году по совместному решению Академии Наук и Министерства Геологии СССР. Совет имел целью координацию исследований в области прикладной геохимии в стране и повышение их эффективности и, как показали 20 последующих лет его деятельности, сыграл решающую роль в этом направлении геологической отрасли. Это был золотой век геохимии; и не удивительно: ведь теоретические разработки и постоянный контроль за их внедрением в практику, равно как и пропаганда передового опыта применения различных геохимических методов, осуществлялась такими крупными учеными как Н.И. Сафронов, А.П. Соловов, Е.М. Квятковский, Л.Н. Овчинников, С.В. Григорян, Л.В. Таусон, В.В. Поликарпочкин, А.И. Перельман, А.А. Сауков, Р.И. Дубов, А.Н. Еремеев.

Как тут не вспомнить Даниила Гранина – «Зубры»!

Совет был очень популярен в стране, очень жизнеспособен, очень востребован, разумно построен (10 региональных секций – Казахстанская, Восточно-Сибирская, Украинская, Прибалтийско-Белорусская, Кавказская, Дальневосточная, Уральская, Северо-Западная, Западно-Сибирская, Среднеазиатская; структура этих региональных секций повторяла структуру Совета). По наиболее актуальным проблемам координацию работ осуществляли специальные комиссии при Совете: гидрохимическая, атмосферическая, математическая, биогеохимическая, экогеохимическая, геохимии ландшафта, редакционно-издательская плюс – рабочая группа руководителей геохимических экспедиций и партий.

Почему я так детально описываю Совет? Да потому, что это имеет непосредственное отношение к Александру Петровичу! Он стоял у его колыбели, он был одним из рьяных инициаторов его создания и одним из авторов структурного построения Совета, а также и подбора его состава. Он интересовался неизменно работой всех секций и комиссий, он приходил на все заседания бюро Совета и на все рабочие заседания, а они проводились постоянно, так как не было года, чтобы наш Межведомственный совет не проводил бы Всесоюзное совещание, или симпозиум, или конференцию, или рабочее совещание. Александр Петрович везде востребован, он и консультант, и докладчик, и член редакционной коллегии периодически выпускаемой специальной литературы.

На заседании бюро Совета они, друзья и коллеги, обычно садились рядом – Соловов, Квятковский, Еремеев, Перельман, и как отрадно было на них смотреть! Так и думалось: «Ну, вот, раз они все здесь, все будет как надо и когда надо».

А какие были полемики с Л.Н. Овчинниковым, прямо-таки на грани научной этики!

Рискну привести еще пару сугубо личных реминисценций. Бывает же такое, прямо из серии «Нарочно не придумаешь». Чтобы не распространяться излишне, скажу только, что я умудрилась упасть так «ловко», прямо на не струганные доски лицом. А на следующий день мне предстояло докладывать на расширенном заседании бюро Межведомственного совета (традиционный годовой отчет); не явиться было абсолютно невозможно. Я и явилась, во всей красе. И все-то в самом разном стиле высказывались по поводу моего вида! Лев Николаевич даже руками своими могучими всплеснул и осведомился, откуда у меня такая «боевая раскраска северо-американских индейцев»?! Александр Петрович подошел ко мне после доклада – я вся замерла в ожидании очередного «комплимента». И услышала: «Вы сегодня сделали очень хорошее сообщение».

По моим представлениям Александр Петрович был человеком доброжелательным, расположенным к людям, притом обладал тонкой иронией и умением «держаться дистанцию» (качество весьма полезное). Так и со мной он тоже держал дистанцию, которая заметно сократилась после одного случая. У него были какие-то ученые дела с С.В. Григоряном, тогдашним заместителем директора ИМГРЭ (и заместителем председателя Межведомственного совета), что-то связанное с первичными геохимическими ореолами, кажется. Григорян задерживался, и А.П. Соловову пришлось немного подождать его в приемной. И вот, пьет он крепкий чай, смотрит в окно на грязные воды Обводного канала (институт тогда располагался на Садовнической набережной) и вдруг потихоньку начинает читать: «Мне Тифлис горбатый снится, сазандарей (*сазандари* – певцы и музыканты народного грузинского инструментального

ансамбля; *саз* – род мандолины) стон звенит.....». Я, будучи извечной поклонницей О.Э. Мандельштама, не выдержала и продолжила:

«На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит...»

И так мы дуэтом дочитали до конца. И враз рассмеялись.

В каком-то из последующих литературных разговоров сошлись на М.А. Булгакове. Какие беседы! Александр Петрович знаком был с Еленой Сергеевной и имел экземпляр «Мастера и Маргариты» с ее дарственной надписью.

Ученые беседы с Александром Петровичем я обычно не вела, просто робела, но зато на свободные темы позволяла себе распространяться.

Еще мне запомнился один из последних Международных симпозиумов по прикладной геохимии; в числе зарубежных участников были геохимики Англии, США, Канады, Польши, Китая, Ирана, Сирии, Бенина, Эфиопии, в основном связанные сотрудничеством по Международному проекту по геохимическому картированию «МГХК-360». Александр Петрович никогда не стремился попасть в число элитных, «заказных» докладчиков, но участие его было всегда неизменным и заметным.

Шли пленарные доклады, выступали, естественно, зарубежные гости – уверенные, нарядные, с эффектно выполненной графикой и светящимися указками; внешний эффект был полностью достигнут. Однако в зале (роскошный большой зал нового здания ИМГРЭ в Кунцево) постепенно нарастало снисходительное недоумение по поводу подаваемых нам «азов» геохимии. Но до поры мы помалкивали. И вот началась дискуссия. Александр Петрович вышел на высокую сцену и своим поставленным голосом произнес потрясающую речь. Увы, она не записана, но суть сводилась к тому, что все нами сейчас от глубокоуважаемых зарубежных коллег услышанное успешно изучается на начальных курсах геологических факультетов.

Сказано было крепко, но как корректно!

И, наконец, последние мои впечатления- воспоминания связаны с другой ипостасью профессора Соловова: он был неизменным членом совета по защите докторских диссертаций при ИМГРЭ. Я не помню случая, чтобы он отказался прийти на заседание, даже если защита была ему не интересна, даже если был нездоров. Человек долга! Всегда живая реакция на доклад диссертанта, глубокие вопросы, интересные, я бы сказала, поучительные выступления. Я всегда с удовольствием и удовлетворением наблюдала, как его слушает аудитория.

Как он красиво выступал – высокий, прямой, в серой тройке; говорит и расхаживает по залу; руки за спину. Говорит и ходит, говорит и ходит...

Последнее время потихоньку жевал кислые яблоки, видимо, мутило его.

Я спрашивала: «Дать вам машину?» Решительное: «Нет».

И только один раз после заседания разрешил довести себя, и то только до метро...

Этот раз был последний.

ЛЕГЕЙДО Вероника Анатольевна окончила химический факультет Иркутского государственного университета (основан в 1918 г. А.В.Колчаком). До 1961 г. работала в Иргиредмете в лаборатории физических методов анализа, затем обучалась в аспирантуре в Институте геохимии СО РАН. Кандидат химических наук (1968 г.). С 1980 г. работает в Институте минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ). Ученый секретарь Межведомственного совета (АН СССР и МинГео СССР) «Теоретические основы геохимических методов поисков месторождений полезных ископаемых» С 1986 г. по настоящее время – Ученый секретарь Совета по защите докторских диссертаций и координатор НИР.

**ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ УЧИТЕЛЕ АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВИЧЕ
СОЛОВОВЕ**

С Александром Петровичем Солововым я познакомился зимой 1980 г., когда поступил в заочную аспирантуру по специальности 04.00.13 «Геохимические методы поисков месторождений полезных ископаемых» на кафедру геохимии геологического факультета МГУ. Я окончил факультет геофизики в Софийском университете, что Александр Петрович ценил особенно. В момент поступления в аспирантуру был научным сотрудником 1-ой степени в секции «Геология, металлогения и поиски рудных полезных ископаемых» научно-исследовательского института полезных ископаемых (г. София)..

К первой встрече готовился старательно. Мне было уже 34 года, у меня был обширный материал для диссертационной работы по полиметаллическому месторождению Воздол в Челопешском рудном поле, кроме того, хорошо ознакомился с научным наследием своего будущего научного руководителя. Предварительно познакомился и с его рекомендациями тогдашнему Председателю Комитета геологии (1970 г.) о применении геохимических методов поисков цветных металлов в Болгарии. К сожалению, не посещал его курс лекций в рамках последипломной квалификации, который он читал в 1978 г. в Софийском университете.

Александр Петрович встретил меня «протоколно» – он встал из-за рабочего стола и приветливо пожал руку. Он подверг меня рабочему собеседованию, пока тщательно и обстоятельно разглядывал мои материалы. Профессор дал им положительную оценку, мы уточнили и рабочий заголовок диссертационной работы. После «официальной» части первоначальная моя скованность перед «заочным» уважением к личности профессора Соловова постепенно исчезла при дружеском разговоре с человеком А.П. Солововым во время его двух посещений Болгарии, о впечатлениях о нашей стране (он очень любил Болгарию), о его многочисленных знакомых, большое число из которых знал и я.

Я показал ему интервью профессора С.В. Григоряна, которое было опубликовано в болгарской газете в апреле 1979 г., озаглавленное «Геохимия доказывает новые запасы», и рассказал ему, о чем идет речь. Александр Петрович отнесся с уважением к словам С.В. Григоряна, высказал свое позитивное мнение о его работах по исследованию первичных геохимических ореолов (у нас говорили, что оба профессора не любят друг друга) и подчеркнул, что появляется удобный момент в Болгарии применить возможности «универсальной» геохимической методики изучения эндогенной зональности рудных

месторождений.. По его рекомендации С.В. Григорян был первым оппонентом моей кандидатской диссертации. На защите, которая состоялась в июне 1985 г., после того, как прочитал свой отзыв о моей диссертационной работе, Александр Петрович обратился вне протокола к членам диссертационного совета и с присущей ему лукавой улыбкой сообщил о «плохом навыке» своего аспиранта – старание записывать подробно все сказанное в рабочих беседах со своим руководителем. Я по сей день берегу эти записки, и очень сожалею, что не успел записать все сказанное им. Так я учился тогда научному ремеслу.

По предложению Александра Петровича с начала марта 1984 г. я перевелся в очную аспирантуру и у меня была «аспирантская привилегия» долгое время общаться со своим учителем. Как бывший аспирант я скажу об Александре Петровиче то же, что и все остальные его аспиранты и сотрудники – он был внимательным, точным, аккуратным, доброжелательным, удивительно работоспособным научным руководителем.. Часто, ближе к полуночи, прежде чем отправиться домой, он звонил жене Софье Борисовне и успокаивал ее, что зайдет в ближайший гастроном, чтобы купить что-то на ужин. В моих воспоминаниях до сих пор профессор Соловов – это близкий моему сердцу Александр Петрович. Многие эти воспоминания остались во мне на всю жизнь.

Обычно я ездил в Москву поездом, так как привозил материалы и обязательно заказанные Александром Петровичем альбомы с репродукциями его любимых художников, художественную литературу и несколько коробок любимого им сладкого «локума». Тогда альбомы и книги, которые я покупал в Софии, трудно было достать в Москве – я брал их на центральном складе государственной организации «Печатные произведения». Для этой цели я познакомился с заведующей этой фирмы, вскоре мы с ней стали друзьями. К ней я заходил со списком, подготовленным Александром Петровичем, который в конце ставил дату и свои инициалы. За время исполнения заказа список уточнялся и расширялся по телефону, так как на складе было все, что продавали в советских книжных магазинах – научную, техническую, художественную литературу, энциклопедии, альбомы, картины.

В этом Александр Петрович убедился, когда был в Софии в 1983 г. Результатом его посещения склада были две большие коробки к его багажу. Очарованная знакомством с А.П. Солововым заведующая складом еще усерднее выполняла его заказы. Несколько раз А.П. просил два одинаковых альбома с репродукциями – оказалось, что он был в «разменных» отношениях со своим другом профессором А.Н. Еремеевым – директором ВИМСа. Однажды я стал свидетелем их разговора при передаче «софийского товара» (так называл его А.П.Соловов) в кабинете, когда оба знатока того, что рассматривали, договаривались о взаимообмене. При этом Александр Петрович сначала показывал

альбом А.Н. Еремееву и после его восхищения сообщал ему, что есть еще один экземпляр и для него. Я был счастлив, что без особых усилий доставлял радость двум известным ученым, испытывающих детский восторг от того, что они понимали и ценили.

«Передача товара» была для нас ритуалом - Александр Петрович со своей логарифмической линейкой вычислял должную сумму в рублях, переводил ее в левы (по тогдашнему курсу 1 рубль за 0,80 лева). Он платил щедро -: 1 рубль за 1 лев, копейки округлял с улыбкой до рубля с учетом «транспортных расходов». Однажды я вернулся в его кабинет передать забытую книгу – профессор увлеченно читал другую, которую получил. Он был очень любознательным – сразу начинал читать все, что ему было интересно. Я всегда восхищался артистизму, с которым Александр Петрович показывал людям, которым было приятно что-то для него сделать, что он им ничего не должен за их мелкие услуги. Так было и со мной, я с бескорыстным желанием, а не как аспирантское обязательство, выполнял курьерские услуги.

Как любитель, ценитель и знаток живописи Александр Петрович любил посещать музеи и картинные галереи, которые горячо рекомендовал и мне. Однажды в субботу он взял меня из университета и мы пошли в музей им. А.С. Пушкина, где была выставка французских импрессионистов и русских художников, которые жили и творили во Франции в прошлом веке. Традиционная очередь подобных культурных праздников вилась в несколько рядов, но мы с Александром Петровичем прошли мимо и отправились к комнате охраны. Там он представился профессором Московского университета, который привел своего болгарского аспиранта посмотреть выставку. К моему удивлению, начальник охраны пустил нас через служебный вход в музей, впечатленный убедительностью и представительностью просителя. По этому поводу Александр Петрович сказал, что когда человек сильно хочет чего-то, надо добиться его ценой различных усилий, включая и благородные хитрости. Во время прогулки по выставке Александр Петрович очень интересно рассказывал мне о картинах и о их авторах, при рассказе об очередной картине его слушала и молодая красивая девушка с записной книжкой и карандашом в руках. Они начали «профессиональный» разговор, и Александр Петрович попросил меня досмотреть остальные картины и подождать его 10 минут у выхода из зала. Спустя час профессор и молодая дама появились, оживленно разговаривая – оказалось, что по ее просьбе они еще раз посмотрели выставку и она подробно записывала его комментарии. Мне хотелось быть на его месте, когда молодая дама слушала его и смотрела на него.

Интерес Александра Петровича к определенным художникам и авторам был постоянным – он говорил мне, что когда приезжает в Ленинграде каждый раз посещает

Эрмитаж и всегда открывает что-то новое для себя в музее. После защиты диссертации я пригласил Александра Петровича и его жену в ресторан болгарского посольства (он любил болгарскую кухню). К моему удивлению, он пришел с чемоданом, через несколько часов он уезжал в Ленинград на стажировку к профессору Е.М. Квятковскому. Софья Борисовна уговаривала его остаться (мне казалось, что им нравится здесь), но Александр Петрович отказал категорически, сказав ей, что у него уже запланировано посещение Эрмитажа. Собираясь на поезд, он попросил меня проводить Софью Борисовну домой, чтобы не беспокоился о ней – у него все было всегда ясно, точно и категорически, даже его просьбы и пожелания.

Зимой 1983 г. Александр Петрович посетил в третий раз Болгарию, чтобы прочитать курс лекций «Геохимические методы поисков» в Софийском университете. Слушателями были более 30-ти геологов из наших геологических предприятий и экспедиций, он понравился всем своими блестящими лекциями. Первая лекция состоялась 14 февраля, последняя – 16 марта., всего было 21 лекции. На последней он ответил на все вопросы слушателей. 17 марта. перед переполненной аудиторией (присутствовали много коллег из геологической отрасли) профессор закончил курс заключительной лекцией «Научные основы и предстоящие задачи геохимических методов поисков». В ней он обосновал и необходимость мелкомасштабного обобщения геохимической информации у нас с целью металлогенического анализа и количественного прогноза. Еще после первой встречи с директором и его замами Института полезных ископаемых (где я работал тогда), он прислал им записку, в которой описал разработанный им, вместе с Б.А. Досановой и И.А. Кошелевой, метод мелкомасштабного обобщения и предложил применить его в Болгарии.

В Софии Александр Петрович проживал в общежитии для преподавателей Софийского университета, впоследствии он говорил, что там были хорошие условия для работы. Там он обосновал принцип геометрического и геохимического и подобия генетически однотипных объектов . Александр Петрович не скучал в Софии, он никогда не скучал – у него было много деловых встреч с болгарскими знакомыми и друзьями, которых он знал по прежним поездкам в Болгарию, посещения музеев, театральных постановок Народного театра, он ездил в Рыльский монастырь, часто прогуливался в расположенных вблизи столицы горах Витоша.

Мой одноклассник (добрый по душе, но характер у него был буйным и вспыльчивым, который любил русских, но не знал русского языка) работал шофером первого и тогдашнего директора Национального дворца культуры - сооружение, которым и сейчас Болгария гордится. На служебной машине «Волга» мы подъехали к общежитию и взяли Александра Петровича, чтобы посмотреть дворец культуры. Александр Петрович

сел на «шефское» место, сильно хлопнул дверцей машины и тут же с недоумением выслушал крики шофера по поводу его деяния. Когда я ему сказал, почему повысил тон хозяин машины, он улыбнулся «по Солововски»», извинился, и объяснил, что долгие годы, работая Главным инженером Главного геофизического управления Министерства Геологии СССР, привык так закрывать переднюю дверь служебной машины и пообещал, это больше не повторится. Профессор с искренним восхищением осмотрел дворец, задавал много вопросов моему однокласснику, так что в конце просмотра последний щедро сообщил, что не возразит, если дверца машины случайно будет закрыта по старому навыку профессора. Этим Александр Петрович не воспользовался – закрыл дверцу очень аккуратно, подмигивая мне.

После окончания курса лекций мы с Александром Петровичем отправились в путешествие по стране – посетили месторождение Воздол (объект моей диссертационной работы), мой родной город Котел – известный возрожденный центр, окружной город Сливен – центр текстильной промышленности, г. Бургас – наш морской курорт. Во время поездки Александр Петрович с умилением вспоминал о своих путешествиях и был в прекрасном настроении. Сильное впечатление на него произвел природо-научный музей в моем родном городе, основанный местным учителем естественной истории – он заворочено рассматривал экспонаты и твердил, что подобное дело встречал только в Нью-Йорке. Вечером переночевали в окружном городе, зашли и к моей сестре – врачу-неврологу, у которой 4 месяца назад родился ребенок. Александр Петрович поднес подарок моей маленькой племяннице и поговорил с сестрой, рассказывая о своем отце – профессоре-урологе, который лечил писателя Толстого и художника Кустодиева. После путешествия у Александра Петровича было много новых болгарских друзей.

Перед отъездом в Москву А.П. Соловов был награжден почетным знаком Софийского университета золотой медалью им. Св. Климента Охридского и был избран почетным членом Болгарского геологического дружества (общества). Тогда председателем дружества была профессор Мария Желязкова-Панайотова - первая болгарская аспирантка академика В.И. Смирнова. Она была зав. кафедрой «Полезных ископаемых» геолого-географического факультета СУ и по ее приглашению Александр Петрович был у нас. Еще тогда он сказал ей, что он был бы очень довольным и гордым, если когда-нибудь его аспирант начнет читать студентам его курсы и пропагандировать геохимические методы, разработанную на кафедре геохимии МГУ – последнее он всегда и везде подчеркивал.

После защиты диссертации в июне 1985 г. в МГУ я вернулся в Софию, продолжил работать в Институте полезных ископаемых, потом в Комитете геологии, а сейчас читаю

московские курсы моего профессора софийским студентам – бакалаврам и магистрам по геологии в Софийском университете. Часто звонил Александру Петровичу по телефону и, конечно, когда был в Москве, мы встречались. 3 февраля 1988 г. его ученики и коллеги отмечали в его доме 80-летие профессора. Александр Петрович был в хорошем настроении и с охотой рассказывал случаи из своей жизни. Одним из них был, как он явился в суд в качестве свидетеля Александра Петровича Соловьева, потому что нашел такую повестку в своем почтовом ящике. Когда алкоголь выпили, именинник вынул две бутылки болгарского коньяка «Плиска», который он купил в Софии. Он преподнес их как выдержанный спиртной напиток с уговором, что этим торжество заканчивается. Хотя и мы и захмелели, встали и стали собираться домой – для нас его «Все, конец!» было законом. Незадолго до его смерти я звонил ему, но Софья Борисовна сказала мне, что он не встает уже с постели, передает свои приветы и напоминает о принятых мною обещаний ему. После его смерти, когда я бываю в Москве, всегда посещаю его могилу на Новодевичьем кладбище вместе с его учениками и последователями.

У меня к моему учителю есть человеческие и профессиональные обязательства. Человеческие - стараюсь быть таким, как он, хотя это трудно, но делаю попытки. Профессиональные – стараюсь, чтобы методика университетской команды профессора, доработанная в различных геохимических направлениях его учениками, заняла почетное место в болгарской геохимической практике. Александр Петрович, наверно, остался бы довольным работой по составлению единого зонального ряда гидротермальных месторождений у нас с помощью программы «Нью-2» и составлению геохимической карты страны методом мелкомасштабного обобщения результатов анализа свыше 2500000 литохимических проб.

Все, о чем я здесь вспомнил – маленькая часть пережитого с профессором. Как и каждый другой человек, кто общался с ним, я был зачарован, заморожен им и запомнил его на всю жизнь. Память об этом замечательном Человеке, Ученом и Учителе среди болгарских геохимиков будет вечной..

Бояджиев Стефан Добрев – доцент кафедры минералогии, петрологии и полезных ископаемых геолого-географического факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского. Окончил этот факультет по специальности «Геофизика» в 1969 г. Работал геофизиком в ПГП и ГИ (1969-1978 г. г.), научным сотрудником в ГИ БАН (1972-1978 г.г.), научным сотрудником и старшим научным сотрудником II-ой ст. в НИПИ (1978-1989 г.г.), экспертом по геохимическим методам поисков в Комитете геологии Болгарии (1989-1997 г.г.), преподавателем в СУ (с 1989 г. по настоящее время). Защитил кандидатскую диссертацию по геохимическим методам поисков под руководством А. П. Соловова в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1985 г. С 2003 г. - действительный член (академик) МАНЭБЖ (Международная Академия Наук Экологии и Безопасности Жизнедеятельности).